

АЛЕКСЕЙ СКУРЛАТОВ

Наталья Теплякова

АЛТАЙ·СУДЬБА·ЭПОХА

Уважаемый читатель!

В 2015 году, объявленном Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом литературы, в Алтайском крае стартует новый издательский проект под названием «Алтай. Судьба. Эпоха», который станет продолжением системной работы по государственной

поддержке значимых издательских проектов. За последние несколько лет в регионе изданы уникальные книги: собрания сочинений В.М. Шукшина в 8 и 9 томах, Г.Д. Гребенщикова в 6 томах, В.С. Золотухина в 2 томах, антология «Образ Алтая в русской литературе», книги лауреатов Шукшинской литературной премии и многие другие.

Новая книжная серия посвящена выдающимся личностям, родившимся и жившим в нашем регионе, внесшим значительный вклад в развитие российской культуры, науки, техники и других областей социально-экономической деятельности. Среди них второй космонавт планеты Герман Титов, всемирно известный конструктор оружия Михаил Калашников, кинорежиссер Иван Пырьев, писатель, актер и режиссер Василий Шукшин и другие. Книги из серии «Алтай. Судьба. Эпоха» призваны познакомить с великими земляками, проследить через линию их жизней яркие страницы истории и культуры нашей страны и Алтайского края.

Открывает новый издательский проект в год 70-летия Великой Победы книга Н.В. Тепляковой «Алексей Скурлатов», посвященная легендарному солдату Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, прообразу памятника русскому солдату в болгарском городе Пловдиве Алексею Ивановичу Скурлатову. Эта книга – дань памяти нашему земляку. Мне довелось быть знакомым лично с Алексеем Ивановичем и неоднократно с ним встречаться. Я думаю, что в его характере, в его личности во всей глубине проявились простота и величие русского человека и солдата.

Уверен, что эта книга будет особенно интересна и полезна подрастающему поколению, а память об Алексее Ивановиче Скурлатове будет жить долгие годы.

Губернатор Алтайского края
А.Б. Карлин

A handwritten signature in black ink, which appears to be the name 'A.B. Karlin'.

Управление Алтайского края
по культуре и архивному делу

АЛЕКСЕЙ СКУРЛАТОВ

Наталья Төвлякова

ББК 63.3 (2) 622, 88
Т345

12+

*Книга, открывающая серию
«Алтай. Судьба. Эпоха», подготовлена
в рамках Губернаторского издательского
проекта при поддержке Министерства
туризма Республики Болгария*

Теплякова Н.В.

Т345 Алексей Скурлатов. – Барнаул : Алт. дом
печати, 2014. – 352 с.

ISBN 978-5-98550-340-1

Простой солдат, ветеран Великой Отечественной войны Алексей Иванович Скурлатов никогда не стремился к славе, однако имя его известно многим, и не только в России. Алексей Иванович прожил всю свою долгую жизнь в селе Налобиха Алтайского края. Всю – кроме четырех лет войны. Дважды приходила на него похоронка, лишь спустя 68 лет нашел его один из орденов, и только через сорок лет после войны узнал он, что его именем в далекой Болгарии люди называли памятник советскому солдату-освободителю – тот самый, о котором сложена одна из самых пронзительных песен «Стоит над горою Алеша, в Болгарии русский солдат». Эта книга посвящена одной из самых удивительных историй, которую только сплетали когда-нибудь Жизнь и Война...

ББК 63.3 (2) 622, 88

ISBN 978-5-98550-340-1

© Н.В. Теплякова, 2014
© Ю.В. Раменская, 2014
© ОАО «Алтайский дом
литераторов», 2014

О КНИГЕ Н. ТЕПЛЯКОВОЙ «АЛЕКСЕЙ СКУРЛАТОВ»

Историческая память выступает определяющим звеном в связи и преемственности поколений, важной и необходимой составляющей формирования патриотизма, воспитания гражданственности. Поэтому серия «Алтай. Судьба. Эпоха», посвященная нашим землякам, без сомнения, является актуальной, а издание книги Н. Тепляковой о герое Великой Отечественной войны Алексее Ивановиче Скурлатове в год 70-летнего юбилея Победы над фашизмом – символическим даром памяти героического прошлого нашего народа от лица наших современников.

Каждое поколение слушает свою музыку, смотрит свои фильмы, читает свои книги и имеет своих героев. Современные молодые люди, за редким исключением, ни разу не слышали бывшую в свое время популярную песню «Алеша», не знают о существовании в Болгарии памятника советскому воину-освободителю и тем более не подозревают, что героем этой песни и прототипом памятника в болгарском городе Пловдиве стал житель алтайского села Налобиха Алексей Скурлатов. Книга об этом человеке дает возможность погружения в военную эпоху, повседневную жизнь целого поколения, на долю которого пришлось тяжелейшие испытания. Кроме получения новой информации, для неравнодушного читателя книга может стать поводом для глубоких размышлений о природе патриотизма, об ответственности за свои действия перед памятью предков.

Мастерски представлена автором сама личность Алексея Скурлатова – большого труженика, героя войны, уважаемого гражданина своей страны, хорошего друга, прекрасного семьянина, жизнелюбивого и оптимистичного человека. Для этого широко используются документы, воспоминания, фотографии, личные комментарии автора и оценки. Все содержание и эмоциональный тон книги свидетельствуют, что автор разделяет жизненное кредо своего героя, его нравственные качества ей близки и понятны. И это усиливает притягательность образа алтайского «Алеши», по своему характеру очень близкого к героям рассказов В.М. Шукшина. Такие люди высокой нравственности, бесконечной доброты, открытости и человечности составляют духовную основу и главное богатство России на все времена.

*Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории,
декан исторического факультета
ФГБОУ ВПО «Алтайский
государственный университет»
Е.В. Демчик*

В БОЛГАРИИ РУССКИЙ СОЛДАТ

Удивительная история человека и памятника,
объединившая Россию и Болгарию,
город Пловдив и село Налобиху...

ПРОЛОГ

2015 год особый для нашей страны, мы будем отмечать семидесятилетие священной Победы в Великой Отечественной войне. Война, пожалуй, самое страшное испытание для любого народа. Она забирает жизни, рушит судьбы, стирает города. И сколько бы ни прошло лет, те, кто видели войну своими глазами, никогда ее не забудут. А наш долг – не забыть подвиг наших героев, передать светлую память будущим поколениям. Я говорю это без пафоса, от чистого сердца.

Уроки войны не должны пройти даром. Они слишком дорого обошлись нашим дедам. За мир, за нашу жизнь полегли миллионы людей. Как мы можем отблагодарить ветеранов? Только бережным отношением к нашей истории, к памяти – о войне, о них, об их подвиге. Если каждая семья будет помнить своего деда, своего фронтовика, где он воевал, что он пережил, и передавать эти знания из поколения в поколение, то мы будем по другому относиться к своей жизни и к своему миру. Ценить, уважать, беречь.

Работа в краевой газете «Алтайская правда» дала мне возможность общаться со многими ветеранами Великой Отечественной войны. Мы готовили о них очерки, статьи, интервью ко Дню Победы 9 мая,

ко Дню скорби 22 июня и другим памятным датам. Каждая история фронтовика пронзительна, и нашему поколению кажется невероятной. Как это – идти с винтовкой на фашистский танк? Как два дня просидеть в болоте? Как это – выжить под пулями, а потом получить письмо о том, что вся родная деревня сожжена, а жену и детей растерзали немцы? Как от голода есть кору и единственный кожаный ремень? Как на один день приехать в увольнение, но не войти в родной дом, побоявшись, что от радости у матери разорвется сердце? Как солдатскую жизнь может спасти крохотная пуговка в шинели? Как среди поля мертвецов найти девушку, в которую вчера на привале почти влюбился, а сегодня надо копать ей могилу? Как вообще остаться живым в этой страшной войне?

В силу возраста ветераны уже мало что рассказывают, и ты, включая диктофон, собираешь их воспоминания по осколкам. Эти осколки, как битое стекло – режут и тебе, и твоим героям сердце. Пронзают, оставляют болезненные шрамы. После искренних, долгих бесед с фронтовиками часто хочется плакать. И это нормально. Разве может быть по-другому, когда говоришь о войне?

Но однажды я поехала готовить очерк в село Налобиха Косихинского района, в маленький деревенский дом к фронтовику Алексею Ивановичу Скурлатову. Мы разговаривали с ним больше двух часов, и я неожиданно для себя отметила, что давно так не... смеялась. Скурлатов шутил, улыбался, угощал вареньем, на ходу придумывал прибаутки: «Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб!», «Чем слаще варенье, тем складнее стихотворение», «Пере-

дай своему редактору, что я еще пашу на тракторе». К сожалению, это все, что я запомнила, были там и смешнее строчки...

Чтобы не было горько, свои воспоминания о войне он разбавлял счастливыми моментами из жизни. Заряжал каким-то юношеским задором. И я, начинающий корреспондент, потом мучилась, не могла подобрать определение Скурлатову: ветеран, фронтовик, но ни в коем случае не старик! Молодой, в свои 80 лет – молодой! Он вообще любил жизнь. Любил рано вставать, чтобы полюбоваться восходом солнца, любил гулять по лесу, потому что среди вековых деревьев чувствовал себя «молодым и низеньким», любил встречать гостей, любил усаживать всех за стол и снова шутить.

Есть такое высказывание: человек, прошедший ад и не потерявший чувства юмора, – практически святой. Наверно, потому, что добрая шутка рождается в добром сердце. А добро – начало всех начал. Скурлатов всегда шутил по-доброму, он смеялся над своими болячками, своим возрастом, недугами. Он не кичился своей славой, а подшучивал над ней. На мой вопрос, что происходит в душе, когда в честь тебя называют памятник в Болгарии, про тебя поют песню, он весело ответил: «Памятник пусть стоит, а вот я еще погуляю».

Он был человеком светлым, оптимистом. Его не сломала война, и не сломала внезапно обрушившаяся слава. Все выдержал Скурлатов на своих плечах и никогда не горбил спину. Многие им восхищались, многие ему завидовали.

Но каждый, кто лично знал Алексея Ивановича, в глубине души понимал, почему именно Скурлатова

судьба выбрала из миллионов солдат, почему именно наш земляк стал каменным «Алешей» – памятником и символом воина-героя, воина-освободителя.

Эта книга – попытка собрать всю невероятную историю Скурлатова воедино, открыть в ней новые, еще неизвестные страницы. По следам Скурлатова мы прошли всю Великую Отечественную войну, прошагали по Советскому Союзу, побывали в Болгарии и по-новому посмотрели на нашу современную жизнь. А еще мы окунулись в историю и нашли нити, связывающие Алтай и Болгарию с XVIII века и по сегодняшний день...

Наталья Теплякова

ВВЕДЕНИЕ

**Эта книга – о простом человеке,
о сыне алтайской земли, который при этом
стал символом Победы, символом Дружбы,
об Алексее Ивановиче Скурлатове.**

НАШИ РАССКАЗЧИКИ

Писать биографию знаменитого Алеши непросто. В советское время в газетах жанр интервью не был популярен, так что сам Алексей Иванович не так много о себе рассказал. Очерки о нем переполнены патриотическими эпитетами, но фактов там, увы, мало. Да и первые статьи про Алексея Ивановича стали появляться только с 1982 года, когда ветерану исполнилось уже 60 лет.

Виктор Синолиц, который в то время работал первым заместителем главного редактора краевой газеты «Алтайская правда», поясняет:

– Удивительную историю Скурлатова знали, но решились широко написать об этом, только когда вышли публикации в центральной газете «Правда». Это был 1984 год. Почему-то тогда тема эта казалась очень деликатной. Были те, кто говорили: напишем, что живой Алеша, а как же тогда песня?! Получается обман советского народа! Ведь там слова-то какие: «Цветы он не носит девочкам, они ему носят цветы»... А наш Алеша не то, что цветы, он еще на тракторе работает...

При подготовке этой книги нашими главными источниками информации стали рассказы дочери

фронтовика Нелли Алексеевны Куйруковой, воспоминания однополчан, архивные материалы и многочисленные письма, которых в доме Скурлатова целый чемодан...

После того, как весь мир узнал, что у памятника «Алеша» есть реальный прототип, к Алексею Ивановичу полетели письма со всего Советского Союза. Писали школьники, учителя, ветераны Великой Отечественной войны, их жены, дети. И что примечательно: на каждом конверте можно найти отметку «ответил», а где-то – «ответил, выслал фото».

Перебирая пожелтевшие листы, мы совершенно случайно нашли затерявшийся, неотправленный конверт. В нем Алексей Иванович обращается к некой Елене Владимировне Стельмаховой. По тому, как он благодарит ее за работу с детьми, можно понять, что, скорее всего, это учительница, руководитель исторического кружка или популярного в советское время «отряда красных следопытов». Письмо для нас очень важное – в нем Алексей Иванович лично рассказывает свою фронтовую биографию. Дочь Нелли Алексеевна говорит:

– Это редкий момент откровения – про войну отец даже мне и маме никогда не говорил. Так, отмахивался, отговаривался общими фразами. И мы понимали: столько там, в этих воспоминаниях, боли, что невыносимо говорить...

РОДОСЛОВИЕ

Алексей Иванович Скурлатов родился в селе Косиха Косихинского района Алтайского края 30 марта 1922 года.

Родители Алексея Ивановича Скурлатова Иван Федорович (1885–1938) и Анна Никаноровна (1888–1972, девичья фамилия Соловьева) приехали на Алтай из Ярославской области. Точная дата переезда не известна: можно только сказать, что было это в период между 1917 и 1922 годами. Подняв хранящиеся в государственном архиве Алтайского края документы сельскохозяйственной переписи 1917 года, мы Скурлатовых не нашли. Выходит, приехали они позже. Скорей всего в 1918 году.

По словам родственников, в Сибирь ярославскую семью погнал голод – на Алтае была работа и вдоволь хлеба. Известно, что на момент переезда у Ивана Федоровича и Анны Никаноровны уже было двое детей: старший сын Иван (1911 года рождения) и дочка Елена (1914 года рождения). Семейство обосновалось в селе Косиха. Место, где стоял первый дом Скурлатовых, сейчас не отыскать. Старожилы помнят лишь, что находился он недалеко от речки Большая Лосиха, соседями были семьи Клочковых и Оськиных. В 1920 году у Ивана Федоровича и Анны Никаноровны родился сын Егор.

Затем, в 1922 году у Скурлатовых родился сын Алексей, в 1926 году – дочка Анна.

Алексей – имя, которое дают мальчикам в России уже много веков. Оно происходит от древнегреческого слова «алекс», что переводится, как защитник. Алексей Иванович Скурлатов действительно стал защитником Родины. Он прошел всю Великую Отечественную войну – с 1941 по 1945 год.

Мать Анна Никаноровна была не совсем простой крестьянкой. В их семейном архиве сохранились записи, что ее брат Николай служил в царской армии.

Глава семейства Иван Федорович тоже отслужил в царской армии. Причем, был моряком на знаменитом крейсере «Богатырь». Отец Скурлатова участвовал в Первой мировой войне.

К тому же Иван Федорович умел хорошо рисовать. Есть семейная легенда, что он даже писал иконы и расписывал храмы. Можно предположить, что семья Скурлатовых была верующая. После 1917 года начались гонения на церковь и, видимо, Ивану Федоровичу пришлось скрывать свои таланты. Скорее всего, именно поэтому ни одной его иконописной работы не сохранилось.

Иван Федорович Скурлатов умер в 1938 году зимой в возрасте 54 лет от сердечного приступа.

После смерти отца главой семьи стал старший брат Иван. К тому времени вся семья жила уже в коммуне «Комсомолец». Иван работал комбайнером, средний брат Егор – водителем, а Алексей – штурвальным у старшего брата. В 1932 году в Налобиху из села Полковниково перевели МТС (машинно-тракторная станция). 1940 году был построен большой новый корпус МТС на улице Набережная. Перед Великой Отечественной войной здесь было 20 тракторов, и МТС обслуживала 17 колхозов. В архивах сохранились данные, что посевные площади составляли 24 тысячи гектаров. Урожай получали по 21 800 пудов.

В одной из наших с ним бесед Скурлатов вспоминал:

– В поле я лет с четырнадцати. Тогда это было делом обычным, никто на шее у тятки не сидел. Еще усы не проросли, а мы уже работали на комбайне. Летом и осенью от зари до зари. А здоровье было та-

кое, что даже и не уставали. Помню, три мешка на хребте носил: по одному на плечи и еще на спину. И ничто – не переломился.

Братья Скурлатовы были не только мужиками и сильными, но и видными, особой породы. Все как на подбор: высокие, голубоглазые, плечистые. В семейном альбоме сохранилась старая фотография, где все они втроем сидят на скамейке у какого-то куста. Спокойно, без напряжения, с пронзительной добротой смотрят в объектив. Старший Иван – ну, просто кинозвезда, средний Егор на лицо еще совсем мальчишка, а Алеша во всем белом, нарядный и скромный, сидит в центре.

В глаза бросаю их руки – такие опомные ладони, нагруженные. Сколько ими уже перепахано, сколько переделано... Слезы наворачиваю, как представишь, что это последнее общее фото. Война безжалостно разорвет эту крепкую троицу. Домой вернется только один. Двое навечно останутся молодыми. А ведь им тогда казалось, что жизнь будет другой...

*Братья Скурлатовы (слева направо): Егор, Алеша, Иван.
Фото сделано в конце 30-х годов XX века*

Старший Иван женился на деревенской девушке Елене. Она была первой красавицей. В 1932 году у них родился сын. Назвали мальчика Алешкой. В честь младшего дяди. Так в деревне появился еще один Алексей Скурлатов. Собирая материалы для этой книги, нам удалось его разыскать. Сейчас Алексей Иванович Скурлатов-младший живет в Барнауле. И несмотря на возраст (ему уже 82 года), в здравии и светлой памяти. Он один из тех, кто помнит нашего главного героя Алешу молодым. Еще есть племянница Антонина 1934 года рождения. Больше ровесников (полагаем, в данном случае племянники могут считаться ровесниками, разница в возрасте всего 10 лет) уже не осталось в живых. Про тезку дядю он еще ни разу никому не рассказывал. Только для нашей книги он поделился самыми сокровенными воспоминаниями о нем. Мы вставили их в главы по хронологии.

Однако пора начинать повествование.

Эта история началась со страшной войны. С войны, которая одним махом перечеркнула мирную крестьянскую жизнь.

ВОЙНА

Глава первая

«ИНОГДА НЕ УСПЕВАЛИ ДАЖЕ ПОПРОЩАТЬСЯ»

Что такое война, семья Скурлатовых узнала еще в 1940-м: старший брат Иван пропал без вести в финскую кампанию (1939–1940 годы). При каких обстоятельствах – неизвестно. Его сын, тезка Алексея Скурлатова, говорит:

– Мы знали только, что он лежал в Ленинградском госпитале, у него были прострелены два бедра, а потом связь пропала. Мама, Елена Артемьевна, больше писем не получала. Спустя много лет, когда я уже сам пошел на пенсию, обзавелся внуками и Интернетом, мы пытались отыскать его хоть в каких-нибудь списках – но тщетно. Пропал человек и все... Я отца почти не помню. Ни жестов, ни голоса, ни объятий. Мать мне всегда говорила: в зеркало посмотри, ты – его копия. Я смотрел-смотрел и все пытался папку разглядеть: «Ау, где ты?». До сих пор живет эта душевная рана. Мамка меня обнимала, плакали вместе...

Второй брат Егор был призван в армию в 1940 году. Попал на Восток.

Когда началась Великая Отечественная война, в Налобихе проживало около 7 000 человек. В селе была железнодорожная станция (с 1913 года) поэтому именно в Налобихе организовали сборный пункт: собирали мужиков из сел Полковниково, Верх-Бобровка, Овчинниково, Красиловое, Контошино, Романово, Зеленая роща, Комсомолец, Луговское. А затем по железной дороге везли до станции Алтайская (ныне Новоалтайск).

Новобранец, Алексей Скурлатов в первый год войны

Первый призыв на фронт был здесь с 22 по 24 июня 1941 года. В него попал друг Алексея Ивановича Василий, которому только исполнился 21 год. Как это было, мы можем узнать из воспоминаний Наума Тинина, уходившего на войну вместе с Василием. После войны Наум Григорьевич вернулся в Косихинский район и прожил здесь всю жизнь. Те дни он вспоминал так:

– Как только узнал, что началась война, босой пошел (обуви не было) в военкомат в Косиху. Из Косихи нас отправили в Налобиху, чтобы на поезде перевезти в Алтайскую. Но поезд задержали и всех отпустили домой до утра. Мать рыдала, говорила – второй раз не пустит, но я пошел. Утром всех погрузили в вагоны, их было около 30, в каждом примерно по 50 человек. Сутки ждали поезда до Бердска. Спали прямо на улице в кустах.

В августе 1941 года на фронт идет 19-летний Алеша Скурлатов.

Август для алтайской деревни – это уборка урожая, горячая пора. Первое время для комбайнеров были квоты – призывали не всех. Но война требовала свежей крови, и все чаще мужиков забирали на фронт прямо с полей. Сюда на лошади скакал вестовой и вручал повестки. Старожилы Косихинского района вспоминают:

– Иногда не успевали даже попрощаться с родней. Матери, жены, сестры, рыдая, бежали в поле, чтобы хоть напоследок обнять.

Если забирали сразу пять-десять мужиков, устраивали общие проводы. У сельсовета собиралась вся деревня, бабушки благословляли иконами, дети визжали и цеплялись за штаны отцов, жены выли...

Новобранца Скурлатова отправили на поезде в Бийск, где пару недель он проходил военную подготовку, а потом в вагоне-теплушке повезли к Москве. Здесь его зачислили в 10-й отдельный лыжный батальон 250-й стрелковой дивизии (впоследствии Бобруйской Краснознаменной ордена Суворова II степени).

Теплушка – вагон, созданный на основе крытого товарного вагона и предназначенный для перевозки людей и животных. Название появилось в 1870-х годах как сокращение от «утепленный вагон» и часто используется до сих пор.

250-я стрелковая дивизия формировалась 2–16 июля 1941 года в районе города Владимира. Дивизия предназначалась для обороны крупных промышленных объектов от возможных воздушных десантов противника, но обстановка на фронте потребовала иных решений. 15 июля 1941 года дивизия, не окончив формирование, отправляется железной дорогой (поездом через Москву) в район города Ржева, оттуда совершает переход под город Белый (Калининская область). Затем включается в Смоленское сражение в составе 30-й армии Западного фронта.

За время войны дивизия освободила 2 106 населенных пунктов, 35 городов (среди них Орёл, Трубчевск, Рогачев, Бобруйск, Белосток), 42 железнодорожные станции, форсировала 35 крупных рек, в том числе Волгу, Десну, Сож, Березину, Неман, Нарев.

*В таких вагонах-теплушках солдат
от правляли на фронт*

У ДЕРЕВНИ КРЮКОВО

Что пережил молодой солдат Алексей Скурлатов в первые месяцы войны, можно судить по воспоминаниям его однополчан. Боевой товарищ Алексея Ивановича Георгий Тарасович Шпыхов после фронта стал известным журналистом, не раз собирал сослуживцев к юбилеям Победы. Нам известно, что после войны Скурлатов и Шпыхов много переписывались – в доме Скурлатова хранятся пачки этих писем. Я держу в руках одно из них. В 1984 году Георгий Шпыхов пишет: «Дорогой мой друг Алеша! Расскажи мне подробно, как ты воевал, особенно историю, как сжег фашистский танк. Я собираю все материалы, может, пригодятся для книги»...

Шпыхов Георгий Тарасович, 1922 года рождения. Призван на фронт в 1941 году из Брянской области. Был связистом в отдельной кабельно-шестовой роте связи при штабе 30-й армии (воевал в 250-й Бобруйской стрелковой дивизии). В частности, обеспечивал связь командира 17-й Гвардейской дивизии с командующим 30-й армией. После войны жил в Твери. Георгий Тарасович известный в Твери журналист, писатель, общественный деятель.

Книга «Звездный час солдата», где Георгий Шпыхов описывает боевой путь 10-го лыжного батальона и приводит воспоминания Алексея Ивановича Скурлатова, увидела свет в 2009 году.

Она была издана в Твери крошечным тиражом, но мы ее нашли. Вот одна из цитат: «Лыжный батальон покинул вагоны на каком-то небольшом лесном по-

лустанке в сутках ходу до станц ии Крю ково. В те дни здесь ш ли кровопролитны е бои за М оскву. Снег в тот год вы пал рано, и уж е сильно сковало зем лю первы м и м орозам и. Лы ж ное дело осваивать С курлатову долго не приш лось. С м алы х лет сам одельны е лы ж и зим ой бы ли его постоянны м и спутника м и. Н а них он изъездил вдоль и поперек все кручи речки Больш ая Лосиха. А вот боевом у мастерству надо бы ло ещ е поучиться. Каж дом у солдату вы дали двухметровы е винтовки-трехлинейки с длинными штыками»...

В лы ж ны й батальон неслучайно набирали сибиряков: нуж ны бы ли крепкие, выносливы е парни, которы е не боятся м орозов и супробов. И звестно, что взвод, в котором бы л С курлатов, ш ел в голове ц епи, чтобы проклады вать лы ж ню . Зам етим , в рапортах тех времен писали не «проклады вать», а «пробивать»: мокры й снег местам и покрыв ался коркой, лы ж ники то проваливались в супробах, то вязли в «мокро м бо лоте». Снежная дорога была изматывающей. Вдобавок,

В 1941 году Алексей Скурлатов попал в 10-й отдельный лыжный батальон 922-го стрелкового полка

чтобы не засекли немцы, шли обычно ночью – в самый мороз.

В 2008 году, когда я приезжала к Скурлатову, он мне рассказывал про этот путь так:

– Переходы были по 90 километров за ночь. И сразу в атаку. Такое, наверное, кроме сибиряков, никто бы не сдюжил.

Здесь Алексей Иванович принял боевое крещение.

Нелла Федоровна Маркова, руководитель барнаульского военно-патриотического клуба «Русские витязи», большой друг семьи Скурлатовых, приводит такую историю:

– Однажды я спросила у Алексея Ивановича, помнит ли он тот бой у деревни Крюково. Он рассказал небольшой эпизод. На опушке стоял деревенский дом. Наши солдаты забежали туда, и оказалось, в погребе спряталась женщина с грудным малышом и еще четверо ребятишек. Солдаты стали говорить: мол, убегайте скорей, сейчас будет страшный бой. А те, бедные, трясутся, да и некуда им бежать... Началась перестрелка. И вдруг из погреба выползает напуганный мальчонка лет девяти и говорит: «Буду вам помогать». Начал патроны подносить. Вот так: всем миром защищались от фашистов...

* * *

Шел в атаку яростный
Сорок первый год.
У деревни Крюково
Погибает взвод.
Все патроны кончились,
Больше нет гранат...
Их в живых осталось только семеро,

Молодых солдат...
Будут плакать матери
Ночи напролет:
У деревни Крюково
Погибает взвод,
Не сдадут позиции,
Не уйдут назад...
Их в живых осталось только семеро,
Молодых солдат.
Лейтенант израненный
Прохрипел: «Вперед!»
У деревни Крюково
Погибает взвод,
Но штыки горячие
Бьют не наугад...
Их в живых осталось только семеро,
Молодых солдат.
Отпылал пожарами
Тот далекий год.
У деревни Крюково
Шел стрелковый взвод...
Отдавая почести,
В тишине стоят
В карауле у холма печального
Семеро ребят.
Так судьбой назначено,
Чтобы в эти дни
У деревни Крюково
Встретились они.
Там, где пал со славою
Тот бессмертный взвод,
Там шумит, шумит сосна высокая,
Птица гнезда вьет.

Эта песня из репертуара ансамбля «Самозцветы» – одна из самых любимых у ветеранов-фронтовиков. А ведь поэт Сергей Островой и композитор Марк Фрадкин написали ее в 1974 году, почти через три десятка лет после Победы. Песня красивая, но историческая правда в том, что у деревни Крюково солдат полегло намного больше взвода. У села Крюково стоит мемориал, известный под названием «Штыки», под его плитами спят вечным сном 473 защитника Родины. Среди них и однополчане Алексея Ивановича Скурлатова.

Георгий Шпыхов в своей книге рассказывает другой эпизод, связанный с Алексеем Ивановичем:

«Рано утром 16 декабря 1941 года лыжный батальон вышел на опушку леса, откуда открывался вид на древний город Калинин. Справа шел сильный нарастающий бой. Горели деревни. Прямо перед лыжниками виднелся аэродром, самолеты с черными крестами. Бой был коротким. Аэродромная служба и охрана, видно, не ожидали наступления с тыла. От трассирующих пуль вспыхнули некоторые самолеты. Алексей Иванович Скурлатов в своем письме писал мне об этом событии: “Нападение было настолько внезапным, что немец даже не успел поднять в воздух ни один самолет”».

После того, как лыжники освободили захваченный немцами аэродром, на помощь подоспела пехота. К вечеру 16 декабря Калинин был полностью очищен от фашистов. Этот бой вошел в учебники истории, ведь освобождение Калинина – первая крупная победа Красной Армии в Великой Отечественной войне. И первая победа алтайского солдата Скурлатова.

В найденном нами неотправленном письме Алексей Иванович вспоминает этот бой, и вот ведь как: только на бумаге появляется Калинин, почерк меняется, словно рука начинает дрожать:

«... И сразу же после первого боя нас осталось немного. Многие погибли. Нам жалко было оставлять наших погибших товарищей. Мы все не верили, что их уже нет среди нас. Все это произошло так быстро... Вроде бы вот недавно шутили, ели-пили из одного котелка. И их уже нет. Мы пошли дальше и поклялись отомстить».

Кстати, 19 декабря в газете «Правда» вышла статья командующего Калининском фронтом генерала-полковника Ивана Степановича Конева «Как был отбит город Калинин». В ней перечислены разгромленные вражеские дивизии и их потери, среди которых упомянут и факт, что было сожжено девять немецких самолетов и еще девять достались в качестве трофеев. Судя по письму Алексея Ивановича Шпыхову, один из сожженных самолетов – дело рук Скурлатова.

ПЕРВАЯ ПОХОРОНКА

Известно, что в бою за Калинин Алексей Скурлатов получил первое серьезное ранение. Он месяц пролежал в госпитале, а затем был направлен обратно на фронт, под город Старая Русса.

Справка

Старая Русса – город областного значения в Новгородской области России. Расположен в месте впадения реки Порусье в реку Полисть (бассейн озера Ильмень), в 99 км от Великого Новгорода.

Во время Великой Отечественной войны, с 9 августа 1941 года по 18 февраля 1944 года, Старая Русса была оккупирована немецкими войсками. Город находился недалеко от линии фронта и подвергся сильным разрушениям. Советские войска неоднократно пытались овладеть Старой Руссой. В первый раз – еще к 23 февраля 1942 года. А.В. Рогачев, боец дивизии, наступавшей на этом направлении, вспоминал: «23–27 февраля – непрерывные атаки... По три–четыре атаки днем; ночью опять. Потери были очень большие. Я вот таких боев, как на Северо-Западном фронте, потом в течение войны очень мало встречал... Там столько убитых было, что трудно было просто пройти».

Позже, в марте 1943 года, была проведена еще одна операция по освобождению Старой Руссы, такая же кровопролитная. В ней принял участие Алексей Иванович Скурлатов.

Из неотправленного письма Скурлатова:

«У Старой Руссы мы вели бои местного значения с 1942 по август 1943-го».

Алексей Иванович не пишет, что в тех боях его убили в первый раз. По документам он погиб 18 августа 1942 года и похоронен в братской могиле в деревне Муры Демянского района. Тогда же пришла на него в Налобиху похоронка.

В отчем доме письму поверили. Мать и сестры собрали поминки, оплакали Алексея. Фотокарточку сына Алеши, черно-белый крохотный снимок, Анна Никаноровна хранила в комодке под платочком, рядом с медным крестиком. В деревне многие матери

так делали, словно пытались закрыть, уберечь родную кровинку от беды. Теперь снимок был вынут и поставлен в спальне, рядом с фотографией погибшего старшего сына Ивана...

Анна Никаноровна была женщиной сильной и тихой. Все переживала в себе. Не позволяла истерик. От нее Алексею Ивановичу передалась эта черта. Он не любил много болтать, в беседе, как уже было сказано, предпочитал редко, но метко пошутить.

Племянник-тезка Алексей Иванович Скурлатов вспоминает:

– Пока дядя Леня (Алексея, он звал именно «Леня», так повелось с детства) воевал, в деревне тоже было туго. Особенно таким, как моя мать – вдовам с детьми. Помню, бабушка Анна Никаноровна посылала нам передачи – картошку. Молчком сунет мешочек и без лишних слов дальше бежит работать. Она успевала и в поле колхозном трудиться и свое подворье держать. Не забуду ее деревянный дом и большой-пребольшой огород. Если охарактеризовать ее одним словом – тихая женщина. Я от нее не то, что грубого – громкого словечка никогда не слышал. Такая была... Наверное, по ночам она и плакала, да только не на показ...

Прошло несколько недель и вдруг письмо от сына: «Я живой!». Сам Алексей Иванович рассказывал мне про свою первую «смерть»:

– Меня в руку ранило и надо было идти в санбат. Днем идти нельзя – немцы с самолетов расстреливают. Даже по собакам из озорства стреляли. И мы, раненые, пробирались ночами по реке трое суток. Пришли – а нас уже «похоронили»...

После месяца в госпитале Скурлатов снова попал под Старую Руссу, снова тяжелые затяжные бои.

Только летом 1943 года наши переломили ситуацию – это кончилось для немцев окружением под городом Демянском (Демянский котел).

Демянская наступательная операция – операция войск Северо-Западного фронта Красной Армии в районе поселка Демянск (в настоящее время Новгородской области) между озерами Ильмень и Селигер.

29 января 1942 года советские войска начали с двух сторон силами 1-го гвардейского корпуса и 34-й армии замыкать кольцо. Немецкое командование неоднократно запрашивало разрешение отступить, но Гитлер его не давал. В результате 8 февраля образовался «котел», в котором оказались основные силы 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии группы армий «Север» – шесть дивизий, включая моторизованную дивизию СС «Тотenkopf» – всего около 100 000 человек солдат и вспомогательных частей. Во главе окруженных войск стоял командир 2-го корпуса граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд.

Снабжение окруженных подразделений с середины февраля проходило по воздуху. На территории «котла» находилось два действовавших аэродрома (в самом Демянске размером 800x50 метров, для 20–30 самолетов, и в деревне Пески размером 600x30 метров, для 3–10 самолетов). Начиная с 20 февраля, ежедневно в «котел» прибывало по 100–150 самолетов, доставлявших в среднем около 265 тонн грузов в день и до 22 человек подкрепления почти в каждом самолете.

Советские войска не могли прот иводейст вовать воздушному мосту. За время существования «кот ла» (с 19 февраля по 18 мая) немецкая авиация сделала 24 303 вы лет а, дост авив 15446 т онн (в фаднем 273 т онны в сут ки) фузов и вы везя 22 903 раненых. При этом, потери немцев составили около 265 транспортных самолетов.

С целью скорейшего уничтожения окруженной немецкой группировки, советское командование в феврале-марте 1942 года провело Демянскую десантную операцию, которая окончилась неудачей и почти полной гибелью десанта. Немцам удалось пробить в окружении коридор, через который они вывели часть войск. Однако в целом немцы в боях за Демянск понесли большие потери.

Любопытный факт

Летчик Алексей Маресьев, прототип героя «Повести о настоящем человеке», был сбит 4 апреля 1942 года в бою недалеко от Демянска.

Алексей Иванович писал: «В этот период мы уничтожили войска противника 16-й армии фашистов и впервые совершили окружение фашистских войск под поселком Демянск. Их в кольце оказалось более 70 тысяч солдат и офицеров – немецких головорезов из дивизии СС «Мертвая голова». Там я еще получил контузию под деревней Веревкино и был отправлен в госпиталь».

ВТОРАЯ «СМЕРТЬ» СКУРЛАТОВА

Деревни Веревкино уже нет на карте. После войны ее не стали восстанавливать, отдельные домики стояли здесь до 50-х годов XX века, а потом и они опустели и разрушились. В администрации Старорусского района звонку с Алтая не удивились. Нам сообщили, что до сих пор, даже спустя 69 лет после окончания Великой Отечественной войны, сюда продолжают писать и звонить – люди ищут хоть какие-то сведения о погибших или пропавших без вести солдатах. В районе есть своя Книга памяти, где указаны места захоронений и перезахоронений. Специалист районного комитета Ольга Иванова поясняет:

– Очень много сейчас поступает писем от правнуков погибших героев. Некоторые признаются, что приехать к нам нет времени или денег. Просят выслать фотографию нашего мемориала, табличку

с фамилией прадеда или просто даже наш сельский пейзаж, чтобы осталась хоть какая-то материальная память.

Фамилия Скурлатова могла запросто оказаться на этом самом мемориале. Ведь в марте 1943 года Анне Никаноровне Скурлатовой снова пришла похоронка на Алексея.

Мы нашли текст этого документа на сайте 250-й Бобруйской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии (sd250.narod.ru):

«Ваш сын, красноармеец Скурлатов Алексей Иванович, воинской части – отдельный лыжный батальон, уроженец Алтайского края, Косихинского района, Налобихинского сельсовета, колхоза «Комсомолец», в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 7 марта 1943 года и похоронен в деревне Веревкино Старорусского района Ленинградской области».

Что думали после этого мать и сестры? Верили, что судьба смилуется и во второй раз?..

Много лет спустя к этой похоронке в семье стали относиться с улыбкой. Есть такая деревенская примета: если кого на бумаге случайно «похоронили», значит, будет жить долго. В 1980-е годы похоронку Алексей Иванович передал в музей Северо-Западного фронта в Старой Руссе – так говорится в записке ветерана. Мы дозвонились до этого музея, но хранительница нас заверила, что похоронки, к сожалению, у них нет. Может, была отправлена письмом и затерялась? Остались только два пионерских галстука (советский и болгарский), которые им лично передал Скурлатов, посетив этот музей в 1986 году.

*Музей Северо-Западного фронта
в городе Старая Русса*

№ записи	Фамилия, имя отчество	Восное место	Должность в сельхозхозе	Полнотность	Место в войсках	Какая РИК в войсках, призыв	Место в войсках, призыв	Войска	Имя, отчество и фамилия адрес жаны или родственника
50	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
51	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
52	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
53	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
54	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
55	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
56	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
57	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
58	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
59	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
60	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
61	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
62	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
63	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
64	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
65	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
66	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
67	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
68	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
69	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
70	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
71	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
72	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
73	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
74	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
75	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
76	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
77	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
78	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
79	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
80	С. С. С. С.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓

Ведомость о погибших, в которую занесен Алексей Иванович Скурлатов

Музей Северо-Западного фронта находится в городе Старая Русса (Новгородская область) на улице Володарского. Является первым в своем роде музеем в России, который рассказывает об истории и действиях целого фронта во время Великой Отечественной войны. В марте 1986 года Алексей Иванович Скурлатов побывал здесь со своим другом Георгием Тарасовичем Шпыховым.

Что же произошло с Алексеем Ивановичем 7 марта 1943 года? Когда я спрашивала в личных беседах Скурлатова про бой у деревни Веревкино, он, как всегда, отшучивался: «Уши сильно заложило, чтоб всю жизнь ничего плохого не услышал».

Листая воспоминания Георгия Шпыхова, можно найти подробности той истории:

«В мартовские дни 1943 года, когда вражеские полчища уже были вытряхнуты из вонючего Демьяновского «мешка», бойцы 250-й стрелковой дивизии, не зная сна и отдыха, спешили сюда. Немцы разобрали дома и врыли их в землю, создав мощные укрепления из сплошных траншей. Все эти укрепления насыщены до отказа артиллерией, минометами, многочисленными пулеметными точками. Было здесь много и снайперов.

На крутом берегу, в старых покинутых врагом траншеях, занял позиции пулеметный взвод отдельного лыжного батальона. Он своим огнем должен был поддержать атакующих бойцов. Ранним утром перед боем командир взвода старший лейтенант Иван Никонов и его помощник Алексей Скурлатов обошли все двенадцать пулеметных точек, каждому

расчету поставили задачу и теперь ждали сигнала. Устроили перекур. Рядом с ними свернул папироску ординарец командира взвода ефрейтор Иван Петров родом из Удмуртии. В тот год он собирался отметить свое 20-летие. Все трое уже видели, как в сумерках короткими перебежками поднимались по косоугру спешившиеся лыжники к вражеским позициям. Немцы молчали. Стали рваться пехотные мины. Уже слышны были голоса: «За Родину! Ура!» Фашисты обрушили на атакующих всю имеющуюся в зарытой деревне огневую мощь. Грохотали пушки и минометы разных калибров как с нашей, так и с вражеской стороны.

Никонов, Скурлатов, Петров все это слышали и видели несколько секунд. Резкий, мгновенно нарастающий сильный свист и грохот оборвал эти секунды. Снаряд упал позади Скурлатова прямо на бровку траншеи. Всех троих завалило землей. Сколько времени они лежали под землей, никто не знает. Только за это время враг был смят и уничтожен. В штабах частей подсчитали потери, отослали в родные места погибших извещения со штампом 250-й стрелковой дивизии. Полетела похоронка и в Алтайский край.

После боя санитарки обходили поле. Девушка-санструктор увидела торчащие из земли странные ноги – поверх валенок... противогазы. Их вид напоминал две огромные головы морского окуня. Так бойцы в дивизии придумали спастись от талой снежной воды во время длительного марша по весенней распутице и лесным болотам.

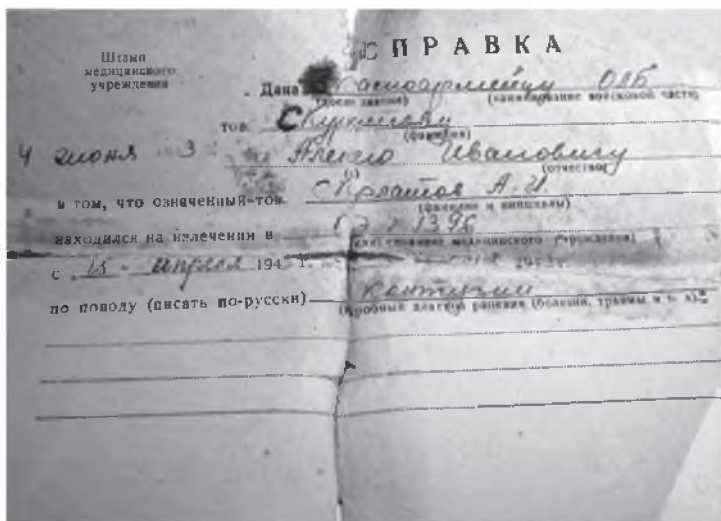
– Девочки! – закричала она. – Сюда, быстрее! Здесь есть живой. Пульс еще бьется...

У С курлатова из головы , носа, рта и уш ей сочилась кровь. Глаза бы ли залиты кровью и не откры вались. Глубокая контузия. М едсестры улож или его в сани и на лош адке повезли вместе с другим и ранены ми в санвзвод.

Никонова и Петрова откопали мертвыми».

В К расной А рмии каж дый красноарм ~~ец~~ имел противогаз и противогазную сумку. После начала войны многие солдаты выбрасывали противогаз, а сумку использовали как еще один вещмешок.

Прочитав воспоминания бойцов 250-й стрелковой дивизии, понимаешь, почему солдаты вынуж дены бы ли нат являт ь на валенки прот и и азы – мест а в Ст арорусском районе болот ные.

Э т у справку С курлат ов от правил с ф ронт а дом ой

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

В приемном отделении госпиталя Скурлатова уложили на полу возле нар. От контузии его сильно рвало, хотя солдаты воевали полугодными и в желудке у него почти ничего не было. Постепенно потуги рвоты утихли, и он, закатившись под нары, крепко заснул, впервые за последние несколько недель. Утром следующего дня одна из сестер увидела торчащие из-под нар все те же «головы морского окуня» с огромными глазищами противогазных окуляров. Лицо и голова Скурлатова были покрыты корой засохшей крови, глаза красные. Он ничего не слышал и ничего не мог говорить, руки и все тело дрожали в лихорадке. В госпитале Скурлатов пролежал три месяца и почти столько же ничего не слышал и не говорил.

Контузия (лат. contusio — ушиб) — общее поражение организма вследствие резкого механического воздействия (воздушной, водяной или звуковой волны, удара о землю или воду и т. п.), которое не обязательно сопровождается механическими повреждениями органов и тканей.

В то время не было разнообразия особых препаратов, Алексею Ивановичу прописали постельный режим. С врачом он общался жестами. Через месяц, когда ему разрешили вставать с кровати, Скурлатов начал пробовать медленно ходить, а потом даже гулять во дворе.

Уже после войны в письме своему товарищу Шпыхову Скурлатов писал:

«Странно все это выглядело. Хожу по палате, по двору госпиталя молча, как тень живая, ни я никому

ни слова, ни мне. А мысль-то работает – вдруг останется вот так на всю жизнь?.. Что тогда? Как жить? Кому я нужен?»

Алешу – деревенского парня, который с детства привык работать в поле, – роль большого бездельника пугала хлеще войны. Постельный режим казался каторгой. В одной из наших встреч он пошутил:

– В госпитале за три месяца на всю жизнь належался в кровати. Но таких «курортов» врагу не пожелаешь.

Пока слонялся по коридору и территории, у него, как говорится, чесались руки хоть что-то сделать. Госпиталь находился на втором этаже эвакуированного кожзавода. В одну из прогулок Алеша заглянул в какой-то заброшенный цех, оборудования там уже не было, но на стенах висели металлические трубы и щитки.

Шпыхов в своей книге рассказывает:

«Здесь-то Скурлатов и нашел себе дело. Он оборудовал верстачок, разыскал немало разного инструмента. И начал гнуть из жести тазы, ведра, кружки, котелки, плевательницы. Словом все, что могло пригодиться больнице...»

...В один из майских солнечных дней Алексей Скурлатов проснулся от необычного ощущения. В ушах вдруг что-то защелкало, потом затрещало. Он встал и вышел на крыльцо. За воротами были слышны какие-то звуки. Напрягая внимание, он понял: это же шум города! Да, действительно была слышна жизнь: гомон людей, резкий стук каблучков по мостовой, шум моторов машин и мягкий грохот тележных колес.

«Слышу!» – напрягая силы, хотел было громко произнести это слово, но не получилось – оно осталось только в мыслях.

«Постепенно здоровье Алексея Ивановича стало восстанавливаться. Теперь он отчетливо слышал голоса своих товарищей. Много раз он пытался что-то произнести, но не мог. Словно вставала неведомая преграда. В такие моменты у него напрягались лоб, скулы, губы дрожали, лицо краснело, но мысль оставалась внутри...» – писал Шпыхов.

Здание, где лежали контуженные, примыкало к берегу Селигера.

Озеро Селигер удивительное место. С финского языка его название переводится как «изрезанное озеро». Все дело в том, что Селигерские берега – это сеть живописных заливов, разнообразных по форме островов с внутренними озерами и невероятными по красоте, поросшими лесом, мысами. Водная гладь простирается более чем на 100 км. Еще до войны здесь было много целебных источников и ключей. Люди приезжали сюда лечить болезни сердца и нервной системой. Мы отыскали воспоминания медсестры эвакуационного госпиталя № 2068 (в 1943 году он размещался на берегу Селигера в городе Осташков, скорее всего именно в нем и лежал Скурлатов) Александры Викторовны Козинец. Она вспоминает, что лекарств было минимум: «Чуть солдату становилось лучше, те ребятки, что покрепче, вели его под руки к озеру. Умиротворяющая природа оказывала на раненых оздоравливающее действие. Многие после таких прогулок избавлялись от ночных кошмаров, заикания, проходило уныние».

Из палаты открывался величественный вид на озеро – «жемчужину России». К самой воде по косягу вела узкая деревянная лесенка, на которой часто собирались выздоравливающие раненые и контуженные. В одну из таких вечерних зорь Алексей сидел на ступеньке с товарищами и смотрел в глубину селигерской дали, где круг золотого солнца медленно тонул в сизой полоске соснового бора.

Хотя фронт от этих мест был уже далеко – где-то у берегов Ловати, но зловещее дыхание войны сюда доносилось почти каждый день. Вражеские самолеты нет-нет, да и прорвутся к берегам Селигера, где базировались наши резервы и армейские тылы. От бомбежек горели уцелевшие деревни.

Эвакуационный госпиталь № 2068 – военный госпиталь Челябинской области. В период Великой Отечественной войны госпиталь был переведен в город Осташков (Калининская, ныне Тверская обл.), затем в Магнитогорск. В стационаре имелось до 1000 коек. С 1943 госпиталь являлся одной из клинических баз медицинского института (ныне ЧГМА). За годы войны через госпиталь прошло более 20 тыс. раненых и больных, 78% из них были возвращены в строй.

Вот и на этот раз с другой стороны озера доносилось еле уловимое слухом уханье зениток. А вскоре сквозь оранжевое небо заката стали прорезаться языки черного дыма и зарево пожаров.

И тут Алексей Скурлатов, напрягая внутренние силы, вдруг, заикаясь, произнес:

– Вой...вой...вой-на.

– Слыхали? Алеша что-то сказал... – удивленно

повернулся к Алексею сосед по ступеньке. – А ну-ка, ну-ка повтори еще разок, что ты сказал?

– Вой-вой-на в не-е-бе.. – еще одно слово добавил Алеша и от радости заплакал.

Не сразу Алексей осознал, что с ним произошло. Сильно заикаясь, с дрожью в руках и ногах, он без конца начал твердить «война, война, война!»

То, что первое слово, которое удалось выдать Алексею, было «война» – это не наш литературный домысел, об этом писал Георгий Шпыхов: «Это слово наиболее часто звучало среди раненых. Зловещий смысл его олицетворяет смерть, разруху, голод, горе, нищету, народное страдание. Его уродливая суть пронизывала насквозь душу и плоть солдата до последней живой клетки...»

С того памятного вечера Алексей начал снова, как в детстве, учиться говорить.

Да, к Алексею Ивановичу вернулись слух и речь, но контузия не прошла бесследно. Дочь фронтовика Нелли Алексеевна рассказывает:

– После той страшной контузии у отца испортился слух. Когда был помоложе, он вида не показывал. Он вообще был такой человек, не любил давить на жалость, строить из себя жертву, обиженного. Но в старости признавался, что слышит плохо и в ушах часто шумит. Иногда даже по ночам, в полной тишине, ему чудился какой-то гул...

Потерять слух и дар речи – жуткое испытание. Онемев после контузии, многие солдаты сходили с ума. В Осташкове, где лечился Скурлатов, таких было немало. В найденных нами воспоминаниях военного хирурга В.Г. Грохова

(указано, что он работал в городе Осташикове с 1942 по 1945 годы) говорится: «На фронте не хватало невропатологов, психиатров. При этом контуженных было очень много, и даже опытные хирурги не знали, как им помочь, как лечить».

В 2010 году в журнале «Социальная и клиническая психиатрия» вышла любопытная статья «Организация психиатрической помощи и структура психических расстройств военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны», где приводятся следующие цифры: 37% всех контуженных страдали сурдомутизмом (функциональное нарушение слуха и речи). Но специальных методов лечения не было. Чаще всего контуженым прописывали полный покой. Грубо говоря: кому повезет, тот и оклемается. В воспоминаниях медсестры одного из военных госпиталей города Осташикова (имя ее не сохранилось) приводится такой пример:

– Смотришь на него, все понимает, а сказать не может. Мычит, как корова, краснеет, а слов не выдает, словно языка нет. К таким солдатикам к нам в госпиталь иногда приходил священник, его одевали в белый халат, как врача. И он учил заново разговаривать. Помню, одному пареньку он говорит: «Хочешь говорить?». Тот головой мотает, что «да». Тогда батюшка склоняется над ним: «До войны была у тебя девушка?». У контуженного слезы из глаз. Святой отец: «Каждый день, каждый

час повторяй ее имя и начнешь говорить». Перекрестил и ушел. А через пару дней паренек этот среди ночи всю палату свою разбудил, он вдруг во сне как закричит: «Люба! Люба!». Так и начал говорить.

Ни родным, ни журналистам Алексей Иванович не любил рассказывать о той страшной контузии. Однажды я спросила его о Селигере, он покачал головой и, как всегда, ответил прибауткой: «Красивые места, да память вспоминать не та!» Близкие родственники говорят, что о Селигере он всегда вспоминал с теплотой, и, пока не вышел на пенсию, даже хотел съездить туда, поклониться целебным берегам.

Красота Селигера вернула Скурлатова к жизни. Но Алексей Иванович в долгу не остался. Оказывается, сам того не зная, он помог городу Осташкову найти своего народного героя.

Работая над этой книгой, я созвонилась с ветеранскими организациями города Осташкова в надежде отыскать новые интересные факты о нашем Алеше или его сослуживцах. Увы, в тех документах, которые по моей просьбе нашли в ветеранской организации, фамилия Скурлатов не встречается. Зато нашелся интересный факт. История про памятник русскому солдату в Болгарии вдохновила журналистов местной газеты «Селигер» отыскать прототип Памятника партизанам. Вот фрагмент этой статьи:

«У нас в стране знают, что памятник советским воинам-освободителям в болгарском городе Пловдиве называется «Алеша». Народная молва связывает его с именем реального русского солдата, разведчика

Алексея Скурлатова, участника боев за Болгарию. Памятник стал символом Пловдива.

В Осташкове есть свой символ – Памятник партизанам. Монументы схожи не только тем, что стали символами. Они почти ровесники: болгарский открыт 7 ноября 1957 года, наш с 31 августа 1958-го украшает Осташков. А главное сходство в том, что и там, и тут народ активно участвовал в сборе средств на сооружение монументов. В Осташкове сбор средств начался, когда еще шла война. Люди жили впроголодь, не было лишней копейки, но на это великое дело сдавали все. Да и после войны жили тяжело, дыр хватало, но на памятник деньги нашлись.

И вот прошло полвека. У них там – Алеша, а у нас? Знакомясь с документами о строительстве памятника, прочитав о том, что скульптор приезжал в наш город, встречался с партизанами, с их родственниками, делал зарисовки, может, что-то уже и лепил, я подумал: а с кого конкретно делались эти фигуры, чьими лицами они смотрят на нас?»

Поиски принесли результат, правда сам герой-партизан, который вдохновил скульптора, уже умер, но остались его дети, внуки. Фото из семейного архива теперь переданы в музей.

Есть данные, что и в других городах России трогательная история про сибиряка Алешку, который стал прообразом болгарского освободителя, подвига историков и краеведов на поиски прототипов своих памятников. Сколько новых героев восстали из пепла, сколько людских судеб поменялось... Согласитесь, есть некое волшебство, когда памятник вдруг «оживает», у него появляется имя, реальная фамилия... Человеческая плоть словно сливается с

Памятник партизанам в городе Осташикове

металлом и камнем. Это уже не просто монумент, это одухотворенный символ для многих поколений...

Победив контузию и заново научившись говорить, Скурлатов быстро идет на поправку. Врачи осматривают его и говорят: «Алексей, ты в рубашке родился! А мы думали, ты даже ходить не сможешь...»

Есть один факт, о котором наш Алеша не любил рассказывать. Когда разорвался снаряд, один осколок ранил Скурлатова в спину. В госпитале хирурги не решились оперировать. Слишком близко «железо» было к спинному мозгу, могли отказать руки и ноги. Врачи не тронули осколок, потихоньку рана сама затянулась. Но инородный кусочек остался. Через много лет он еще о себе напомнит.

А пока Скурлатов, распрямив спину, садится у окна и начинает писать письмо домой: «Здравствуй, мама. Я живой...»

В Налобиху матери он посылает весточку, что лежит в госпитале, но скоро вновь отправится на фронт, бить врага.

Анна Никаноровна, получив письмо, растерялась. Долго смотрела на странный почерк (после контузии у многих он менялся). Бедная мать боялась даже радоваться: с одной стороны – похоронка, с другой – письмо. Жив или нет?! Через поле по пыльной дороге она побежала за 30 километров в село Сохарево, где жила дочь Елена, работавшая учителем в школе. На семейном совете они рассудили: пока не радоваться и никому не говорить. Если придет еще одно письмо – значит, живой. Дома Анна Никаноровна вновь спрятала снимок своего Алеши в шкаф. По ночам она не выпускала из рук фронтовой треугольничек и молилась, чтобы Бог послал ей еще одну весточку.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1943-го

А Скурлатову было не до писем. После госпиталя он отправился на Курскую дугу.

Курская дуга (или Курская битва) – одно из ключевых (и самых больших) сражений Великой Отечественной войны. С обеих сторон в ней приняли участие около трех миллионов человек, 7 000 танков, 30 000 орудий. Эта страшная битва длилась 50 дней и ночей.

В «Повести о настоящем человеке» Борис Полевой очень точно описал суть Курской битвы: «Немцы думали, по обычаю своему, размахнувшись в полную меру своих сил, вонзить нож под лопатку спящему предутренним сном противнику. Но противник только притворился спящим. Он схватил нападающего за

Окопы Курской дуги

руку, держащую нож, и рука эта захрустела, сжатая стальными богатырскими пальцами».

Историки разделяют битву на три части: недельную оборонительную Курскую операцию, начавшуюся 5 июля 1943 года, и наступательные Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3–23 августа 1943 года) операции.

Алексей Иванович Скурлатов «разогнул» всю «дугу», освобождал Орел, Курск, Белгород, Харьков и даже не был ранен!

Орловской операции дали кодовое название «Кутузов». 12 июля войска Западного (командующий – генерал-полковник В.Д. Соколовский) и Брянского (командующий – генерал-полковник М.М. Попов) фронтов начали наступление на орловском направлении.

15 июля, чтобы выйти на занимаемые до немецкого наступления рубежи, в контрнаступление перешел Центральный фронт, и к исходу 18 июля он полностью восстановил свое прежнее положение.

Силы противника на орловском плацдарме составляли до 37 дивизий (в том числе 8 танковых и две моторизованные, в составе 9-й армии и 2-й танковой армии).

Главная полоса обороны немецких войск была оборудована на глубину до 5–7 км, крупные населенные пункты враг превратил в сильные опорные пункты. Особенно прочно были подготовлены к круговой обороне города Орёл, Болхов, Мценск и Карачев.

Войска Западного и Брянского фронтов в первые два дня наступления прорвали оборону противника на Орловско-Курской дуге. Наступление развернулось в широкой полосе, что позволило Центральному фронту нанести удар в направлении города

Кромы. 29 июля был освобожден Болхов, а к утру 5 августа – Орел. К 18 августа советские войска подошли к оборонительному рубежу противника «Хаген» восточнее Брянска.

С крупным поражением группы армий «Центр» под Орлом рухнули планы немецкого командования по использованию орловского плацдарма для удара в восточном направлении. Контрнаступление началось перерастать в общее наступление Красной Армии на запад. Солдат Скурлатов был уже под Харьковом.

В Курской битве сражалось несколько тысяч солдат с Алтая. Многие отдали жизнь в том страшном бою. К сожалению, с каждым годом все меньше остается фронтовиков. По данным военного комиссариата Алтайского края, в 2006 году было около 1000 ветеранов-участников Курской дуги, в 2008 – уже около 500 человек, в 2013-м – меньше двухсот.

Среди жителей Алтая – участников Курской битвы – есть много известных персон. Например, советский военачальник, генерал-майор, Герой Советского Союза Нестор Козин, кандидат исторических наук, профессор Николай Устенко, Алексей Скурлатов, летчик-подполковник Федор Никитович Гаврин и многие другие.

Дивизии, сформированные на территории Алтайского края, и принимавшие участие в боях на Курской дуге:

– 80-я гвардейская Уманская ордена Суворова стрелковая дивизия;

– 226-я Глуховско-Киевская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия;

– 232-я Сумско-Киевская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия;

– 380-я Орловская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия.

Отдельно стоит отметить наши бронепоезд «Железнодорожник Алтай», героически сражавшийся с фашистами на Курской дуге под Воронежем. Служили на бронепоезде и активно участвовали в боях машинисты Иванов, Евладов, Костин.

В книге Н.С. Конарева «Железнодорожники в Великой Отечественной войне» (1985 г.) много ярких примеров героизма алтайских машинистов:

«Самолеты врага обрушились на мост. Одна из бомб попала в устой моста. К станции прорвались фашистские танки. Была дана команда личному составу покинуть поезд и самостоятельно переправиться на другой берег. Паровозная бригада решила проехать мост и тем самым спасти бронепоезд. Когда она повела поезд на мост, береговой пролет начал обваливаться, но все же удалось благополучно проследовать на другой берег».

БИТВА ЗА ХАРЬКОВ

13 августа соединения 53-й, 57-й, 69-й и 7-й гвардейских армий прорвали внешний оборонительный обвод Харькова. 17 августа начались бои на его окраинах. Наши войска несли большие потери –

в некоторых полках 7-й гвардейской армии насчитывалось не более 600 человек.

В ответ 18 августа немцы нанесли контрудар севернее Ахтырки танковой и моторизованной дивизией во фланг 27-й армии. В группировке немецких войск было 16 тыс. солдат, 400 танков, около 260 орудий. Фронт был прорван, и немцам удалось своими войсками вбить клин в нашей обороне глубиной 24 километра. Но два советских танковых корпуса, атаковав их врага во фланги и в тыл, создали немцам угрозу с севера. Здесь важную роль сыграла авиация, а также 4-я гвардейская и 47-я армии, выделенные из резерва ВГК.

Танковая атака

Несмотря на то, что удар ахтырской группировки немецких войск был остановлен, наступление Воронежского фронта замедлилось. Лишь 21–25 августа была разгромлена ахтырская группировка противника. Во второй половине дня 22 августа немцы начали выводить свои войска из города. Плотный пулеметно-артиллерийский огонь немецкого арьергарда не позволял нашим штурмовать Харьков. Но, чтобы не дать боеспособным частям вермахта уйти, командующий Степным фронтом Конев отдал приказ о ночном штурме. На небольшой территории, прилегающей к городу, были сосредоточены большие массы войск.

23 августа в 2 часа ночи начался штурм Харькова. В город ворвались соединения 53-й, 69-й, а затем и 7-й гвардейской армии. В 04:30 183-я дивизия заняла площадь Дзержинского, а к рассвету город был в основном освобожден.

23 августа Москва салютовала освободителям Харькова, но потребовалось еще неделя, чтобы окончательно разгромить немцев. 30 августа Харьков был освобожден полностью.

СКУРЛАТОВУ И КАРТЫ В РУКИ

После Курской дуги сержанту Скурлатову предстояло форсирование Днепра. Его назначили командиром отделения разведки 243-го артиллерийского полка 188-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Отделение состояло из пяти человек (четыре солдата и сержант). Теперь в его задачи входило засекаать огневые точки противника (начиная с пуле-

метных гнезд и кончая батареей), обозначать ориентиры на вражеской территории для их последующего обстрела, наносить на карту план местности, где будут вестись бои.

Еще в советские годы Алексей Иванович рассказывает корреспонденту журнала «Земля сибирская, дальневосточная»:

«Приходилось брать и «языков». С одним из них нарвались однажды, перебираясь через дорогу, на немецкую колонну. Уйти без прикрытия было практически невозможно, разве что бросить живую добычу. Но был приказ: без «языка» не возвращаться. Тогда наш солдат Федор Чегодаев вылезал прикрывать... Долго слышались очереди его автомата. Опытный боец, он умело вел неравный бой, но-обратно мы его не дождались. Он всем нам спас жизнь и пленному немцу в том числе.

На войне, не ври, для нас немец фашистом был, когда на нас перели мы на него. А в плен попал, бросил оружие, руки поднял – не брат, конечно, но уже не враг. А о российских немцах, которые с нами под

Солдату Скурлатову не раз приходилось переправляться через реку

*Знаменитый снайпер Герой Советского Союза
Жамбыл Тулаев был сослуживцем Алексея Скурлатова*

пули за родину ходили, у нас и мысли не было, что они не такие, как мы – русские. И о других также, кто и по обличью явно нерусский. Я вот фамилии назову своих боевых друзей разных национальностей – Кахаров Абуджабор Ерматович стал известным по-этом, снайпер Жамбыл Тулаев из Бурятии, майор Григорий Шинкаренко...»

Сослуживец Скурлатова, знаменитый снайпер, Герой Советского Союза Жамбыл Тулаев родился в 1905 году в улусе Тагархай, ныне село Тункинского района Республики Бурятия, в семье крестьянина. С мая по ноябрь 1942 года снайпер 580-го стрелкового полка (188-я стрелковая дивизия, 27-я армия, Северо-Западный фронт). Старшина Ж.Е. Тулаев истребил 313 солдат противника. Им было подготовлено 30 снайперов, которые уничтожили 1 442 фашиста.

В 1946 году Жамбыл Ещевич демобилизовался. Работал председателем колхоза, секретарем местного сельсовета. Награжден медалью Золотая Звезда, орденами Ленина, Красного Знамени. Умер 17 января 1961 года. Похоронен в селе Тагархай. Бюст Героя установлен в селе Хурай Хобок.

Кстати, майор Григорий Наумович Шинкаренко в 1984 году написал книгу «Несущие факел», где описал боевой путь 188-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта, тот путь, который прошел и наш Алеша.

Григорий Шинкаренко в своей книге рассказывает: «9 сентября мы прибыли на станцию Слатино и после небольшого марша сосредоточились в районе Черкасская, Лозовая, в 10–12 километрах от Харькова.

Предстояли бои в новом, отличном от прошлого, районе боевых действий. До этого дивизия сражалась в лесисто-болотистой местности, где было ограничено визуальное наблюдение и где командиры и штабы многое делали по карте. Боец подчас обнаруживал противника, столкнувшись с ним лишь нос к носу. На Северо-Западном направлении реже приходилось встречаться с действиями больших масс вражеских танков, авиации. По-иному решались там и вопросы маскировки. Теперь, войдя в состав войск Степного фронта, перед которым лежал широкий Днепр, дивизия должна была решать задачи, связанные с форсированием реки. Между тем, опыта преодоления водных рубежей такого масштаба мы не имели. Некоторые солдаты даже не умели плавать.

Да, многому предстояло нам учиться. Это казалось важным еще и потому, что дивизия получила новое пополнение. Сразу же, не теряя времени, штаб разработал специальную программу обучения, рассчитанную на десять дней. Начались занятия и тренировки. Учились, как говорится, от зари до зари. На восьмой день в район показательных тактических учений батальона, которые мы проводили, прибыл командир 82-го стрелкового корпуса генерал П.Г. Кузнецов. Выслушав доклад комдива полковника В.Я. Даниленко, он неторопливо сказал:

– Академия ваша закончилась. Сегодня, в 20:00, начнете марш к Днепру.

– Как же, товарищ комкор, – обратился к нему комдив, – мы же еще не закончили обучение по программе.

– Что поделаешь, война, – ответил чуть сипловатым голосом комкор и, немножко помолчав, до-

бавил: – Марш будете совершать по ночам, а днем доучиваться. Обращаю внимание, – сказал он, – на необходимость строжайшей дисциплины и организованности. Учтите, местность здесь открытая, поэтому тщательно продумайте способы маскировки и организацию противовоздушной обороны.

Не буду подробно рассказывать о марше, который был, в общем-то, не из легких. За короткую летнюю ночь мы шагали по 20–25 километров. И так несколько суток подряд. И у каждого за плечами оружие, другая солдатская поклажа – в общей сложности 25–30 килограммов!».

В километре от Днепра полк остановился в прибрежном сосновом лесочке. Солдаты устроили перекур, а Скурлатов... решил исследовать полянку, поискать грибы! С раннего детства была у него эта страсть, и здесь от разведчика ни одна «шляпка» не спряталась. Алексей Иванович рассказывал мне в одной из наших встреч:

– У Днепра оказалось невероятное количество маслят. Ох, и вкусная была похлебка... Что говорить, летом воевать было легче. Выпадет после боя свободный день, собирались и шли за земляникой, грибами. В лесу многие солдаты душой отдыхали. Да и витаминов набирались. Лесок подкармливал, не скупился...

После фронта в родном селе Налобиха Алексей Иванович Скурлатов был, пожалуй, самый заядлый грибник и ягодник. В лес он мог уйти на рассвете и бродить до заката. Эта страсть перешла к нему от матери Анны Никоноровны. Она тоже была грибником с большой буквы. Дарами

леса они снабжал всех соседей, угощал ребяташек. Дома у Скурлатовых постоянно были маринованные грибы и варенье, и это «фирменное угощение» они всегда ставили на стол гостям. Алексей Иванович ходил в лес по грибы и ягоды до 90 лет! Потом ему стало сложно – начал путать в лесу тропинки. В школьном музее НаLOBИХИ хранится любопытный экспонат: тот самый маленький ножичек, которым Скурлатов срезал грибочки.

Отведав грибного горячего бульона, солдаты 234-го артиллерийского полка заводили кто душевную песню, кто братский разговор.

После разгрома немцев на Курской дуге дух нашей армии окреп. Алексей Иванович однажды вспоминал:

– Много было разговор на тему: «Чем займешься после фронта?». Сладкое предчувствие Великой Победы уже витало в воздухе.

Но жестокая переправа через Днепр, в которой тысячи человек погибли, вновь вернула бойцов к жестокой реальности.

ДНЕПР. ПЕРЕПРАВА

Когда солдаты вышли из леса и стали продвигаться к береговой зоне, над ними, как коршуны, закружили вражеские самолеты. Вот как вспоминает те сентябрьские дни один из однополчан Алексея Ивановича Скурлатова, Петр Васильевич Гринев (мы нашли его рассказ в Книге памяти Новосибирской области):

«Приказа на развертывание еще не было. Утром, как-то совершенно неожиданно для нас, из-за леска появились «юнкерсы». Мы их заметили, когда они уже пошли в пике, намереваясь сбросить бомбы. Разбежались кто куда. Я свалился в окоп, на дне которого лежала старая железная печка. Попытался вышвырнуть ее, но она снова упала мне на голову вместе с лейтенантом Сармакешевым, недавно появившимся у нас командиром взвода управления 1-й батареи. А-а-ах! А-а-ах! Земля под нами заходила ходуном от взрывов. Такие большие бомбы и так близко, пожалуй, еще не падали! А «юнкерсы» пикировали снова. Опять колыхалась земля от мощных взрывов; я, сжимаясь в комок, искал у нее защиты...

Когда пехота и артиллерия не были прикрыты с воздуха, «юнкерсы» нагтели, становились грозным противником. Вот и сейчас пикировали низко и бросали бомбы довольно точно.

В то утро двенадцать пикировщиков сделали шесть или семь заходов... Похоронили мы еще нескольких товарищей. Шестерых увезли в медсанбат. У одного из разведчиков, – громадного широкоплечего молчаливого парня, – оторвало левую руку у самого плеча – и жгут не на что было наложить. Вряд ли довели его до медсанбата...

Наши орудия стояли недалеко от нас, в лесу, без всякого укрытия. Одно из них было повреждено. Командир орудия убит. Громадный осколок отсек у него часть туловища. Человек прошел Северо-Западный фронт, Курскую дугу – и вот такая бессмысленная, бесполезная гибель...»

Немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс Ju-87» – один из самых известных боевых самолетов периода Второй мировой войны. Он во всех странах мира до сих пор ассоциируется со словом «агрессия».

К рассвету 30 сентября полки 188-й дивизии сосредоточились в районе Обдушевка – Морозы – Баранники в готовности форсировать реку. 1 октября поступило распоряжение командующего армией – начать переправу через Днепр в районе Переволочной. Вот как описывает в своей книге эти события Григорий Шинкаренко:

«Переправа частей дивизии проходила на уже захваченный войсками плацдарм под покровом темноты и потому особенно больших трудностей не вызывала, хотя, конечно, Днепр в то время был далеко не таким «чудным и тихим», каким его описывал Гоголь. Глубина плацдарма была незначительной. Господствующие высоты, занятые противником, позволяли ему наблюдать и обстреливать переправу. Вода кругом, казалось, кипела от разрывов снарядов и бомб. То и дело в воздух подымались не только водяные столбы, но и утлые плотки с людьми. Словом, преодолеть реку на подручных средствах – наспех сбитых плотках и паромках – было непросто. Однако главные испытания – бои за удержание и расширение плацдарма – ждали нас впереди.

Немецко-фашистское командование изо всех сил пыталось ликвидировать плацдарм, сбросить нас в Днепр. Для противника это имело не только большое оперативное значение. Речь шла о том, чтобы

хоть как-то сохранить и без того подорванный дух своих солдат.

– Когда мы отходили к реке Днепр, – показал пленный ефрейтор 2-й роты 81-го пехотного полка 15-й дивизии, – настроение было неплохим, так как солдаты надеялись, что на рубеже Днепра они займут готовую оборону и удержать русских будет легко. Сейчас, когда русские продвинулись за Днепр, настроение заметно ухудшилось, уже можно слышать голоса, что следующим рубежом будет Висла.

– Когда мы отходили к Днепру, – вторил ему рядовой 4-й роты 126-го полка 23-й танковой дивизии, – то солдаты знали, что это делается по приказу главнокомандующего. Теперь же русские переправились на западный берег, и между немецкими солдатами открыто ведутся разговоры о возможном отходе на Вислу, многие считают, что конец наступит очень скоро.

Падение духа вынуждены были признать фашистские генералы. Вот выдержка из приказа командующего 11-м армейским корпусом генерала Рауса от 10 сентября 1943 года: «За последнее время участились случаи, когда немецкие солдаты, попавшие в плен, сообщают о небольшом численном составе своих подразделений и отходе. Немедленно провести беседы о том, как должен держать себя попавший в плен солдат, и разъяснить, что после окончания войны все, причинившие своими показаниями немецкой армии вред, будут привлечены к судебной ответственности. (...) Объявить офицерам о том, что они не имеют права вести при подчиненных разговоры о положении на фронте, если при этом говорится о наших неудачах, или вообще высказывать даже личные предложения».

Спустя двое суток – в ночь на 3 октября и утром 4 октября – в районе деревни Мишуриин Рог (Мишуриин Лог, Мишуриин Ров – название в разные времена было разным) на правый берег переправились 523-й и 595-й стрелковые полки, затем 234-й артиллерийский (в котором служил наш Алеша).

Нам, жителям Алтайского края, будет любопытно найти на карте это маленькое село с большой историей (еще с XVI века Мишуриин Лог был известен как лучшее место переправы через Днепр, а еще раньше, в 1392 году, здесь был построен знаменитый Мишуриновский замок-крепость). На этой земле Алексей Иванович Скурлатов проявляет боевую смекалку, храбрость, за что получает медаль «За отвагу».

В электронном банке данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (podvig-naroda.ru) мы нашли приказ о награждении Алексея Ивановича:

«Медалью «За отвагу» наградить разведчика управления 3-й дивизии, сержанта Скурлатова Алексея Ивановича за то, что 10.10.1943 года в районе Мишуриин Рог, обнаружил и засек: наблюдательный пункт, 1 минометную батарею и 2 крупнокалиберных пулемета противника».

Скурлатов никогда не рассказывал журналистам, за что он получил свою первую медаль. Но, изучив архивные документы и воспоминания очевидцев, мы можем представить, что же за бой шел у Мишурина Рога.

В книге «Дорогой солдата» фронтовика Л.Н. Лисицына, участника форсирования Днепра, представлена следующая картина:

«Село Мишуриин Рог находится у леса и расположено в холмистой, возвышенной местности в 5 ки-

лометрах от Днепра. Село было захвачено в конце сентября внезапным налетом разведчиков одной из пехотных дивизий 7-й армии, которые выбили немцев, считавших себя в глубоком тылу. Стянув танки, артиллерию и бросив авиацию, немецкое командование, заняв село, пыталось ликвидировать плацдарм на правом берегу Днепра, но безуспешно».

Из архивных документов мы узнали следующие данные:

– За время оккупации Мишурина Рога немецко-фашистские захватчики ограбили и разрушили общественные помещения колхозов, жилые дома.

– В боях за село смертью храбрых пали 684 советских воина. На фронтах Великой Отечественной войны мужественно боролись с врагом многие жители Мишурина Рога, 495 из них награждены орденами и медалями Союза ССР (Днепропетровский облгосархив, ф. Р-4540, оп. 1, д. 1003, л. 13.). Уроженец села летчик С.Л. Левчук за время войны совершил 221 боевой вылет. За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и отвагу 5 ноября 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Медаль «За отвагу» – государственная награда СССР, Российской Федерации и Белоруссии. Была учреждена 17 октября 1938 года для награждения воинов Красной Армии, Военно-Морского Флота и пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза. После распада СССР медаль в том же оформлении (с небольшими корректировками) была заново учреждена в системах наград России и Белоруссии.

Медаль «За отвагу» с момента своего появления стала особо популярной и ценимой среди фронтовиков, поскольку ею награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою. Это главное отличие медали «За отвагу» от некоторых других медалей и орденов, которые нередко вручались «за участие». Кроме того, каждая медаль «За отвагу» имеет номер, что выделяет ее среди других медалей. В основном медалью «За отвагу» награждали рядовой и сержантский состав, но также она вручалась и офицерам (преимущественно младшего звена).

Среди первых награжденных этой медалью были пограничники Н. Гуляев и Ф. Григорьев, задержавшие группу диверсантов у озера Хасан. До начала Великой Отечественной войны за мужество и отвагу при защите государственных границ СССР и в советско-финской войне медалью было награждено около 26 тысяч военнослужащих. Во время Великой Отечественной войны за период с 1941 по 1945 год было произведено более 4 млн. награждений.

Из документов следует, что медаль «За отвагу» Алексею Ивановичу вручили только в январе 1944 года. Его артиллерийский полк уже продвигался в сторону Никополя. Зима на Украине не такая суровая, как в Сибири, но зато очень влажная. Из-за этого даже при минус десяти по телу гулял озноб. Местные подкармливали русских солдат и даже наливали горилки, так сказать, для профилактики простуды. Русских солдат вновь ожидали кровопролитные бои...

ПЕРВЫЙ ОРДЕН – ЧЕРЕЗ 68 ЛЕТ

Разведчик Алексей Иванович Скурлатов участвовал в Никопольско-Криворожской наступательной операции, она началась 30 января 1944, а завершилась только 29 февраля 1944 года.

За отвагу, мужество и героизм, проявленные личным составом 3-го и 4-го Украинских фронтов в Никопольско-Криворожской операции, 28 соединениям и частям РККА присвоены почетные наименования «Криворожск(ий)ая» и «Никопольск(ий)ая», 14 военнослужащим присвоено высшее звание «Герой Советского Союза», а Москва салютовала освободителям Никополя и Кривого Рога 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Поясним: в районе Никополя располагались богатые месторождения марганца, использовавшегося промышленностью Германии для производства высокопрочных сортов стали. Гитлер неоднократно подчеркивал исключительную важность этого района: «Что же касается никопольского марганца, то его значение для нас вообще нельзя выразить словами. Потеря Никополя (на Днестре, юго-западнее Запорожья) означала бы конец войны».

Кроме того, плацдарм на левом берегу Днестра оставлял немецкому командованию возможность нанесения удара с целью восстановления сухопутной связи с группировкой войск, блокированной в Крыму.

В течение первой половины января 1944 года советские войска предпринимали неоднократные попытки ликвидировать Никопольско-Криворожскую группировку противника, однако из-за упорного сопротивления немецких войск успеха не добились.

Согласно решению командующего 3-м Украинским фронтом, главный удар в направлении Апостолово должны были наносить 8-я гвардейская и 46-я армии, а также 4-й гвардейский механизированный корпус. После выхода ударной группировки на рубеж Апостолово-Каменка, ей предстояло совместно с войсками 4-го Украинского фронта окружить и уничтожить группировку врага в районе Никополя и никопольского плацдарма. Чтобы ввести немецкое командование в заблуждение, были запланированы два вспомогательных удара: 37-й армией на Кривой Рог и 6-й армией на Никополь. 4-му Украинскому фронту силами 3-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий предстояло наступать непосредственно на никопольский плацдарм противника. План операции предусматривал одновременный переход в наступление обоих фронтов, чтобы лишить немецкое командование возможности маневрировать силами в обороне.

В архивах мы нашли данные, о том, что наш Алеша в этих боях отличился. Из представления к ордену Красной Звезды:

«30.01.44 во время прорыва обороны противника тов. Скурлатов проявил образцы мужества и отваги. Двигаясь в боевых порядках пехоты и не обращая внимания на артобстрел, ни на минуту не прекращал наблюдения за противником, своевременно обнаруживая его огневые точки.

Во время наступления с 30.01.44 по 3.02.44 им были обнаружены: одна артбатарея, один станковый и один ручной пулемет противника, которые уничтожались огнем дивизиона.

В момент контратаки пехоты и танков противника, Скурлатов из своего личного оружия уничтожил

двух немецких солдат. Будучи раненым, отказался уйти с поля боя, и продолжал еще интенсивнее вести огонь по врагу».

После этого героического боя Скурлатов попал в санчасть. И заслуженный орден на фронте ему так и не вручили. Но благодаря барнаульскому журналисту Тамаре Дмитриенко, награда нашла героя спустя много лет.

25 декабря 2012 года в селе Налобиха ветерану Великой Отечественной войны Алексею Скурлатову вручен орден Красной Звезды – 68 лет спустя...

В феврале 1944 года Алексей Скурлатов, артиллерийский разведчик, обнаружил несколько целей – немецкую артиллерийскую батарею, пехоту, пулеметные гнезда. За это тогда же он был представлен к ордену Красной Звезды. Осенью 1944 года Алексею Скурлатову вручили орден. И почти 70 лет он не знал, что та награда, которую он получил, – за бои летом 1944 года. Награждение за зимние бои затерялось в архивах.

Обнаружила этот факт журналист газеты «Свободный курс» Тамара Дмитриенко.

– На сайте «Подвиг народа» есть три приказа о награждении Алексея Скурлатова: один – о медали «За отвагу» и два – об орденах Красной Звезды. Когда я это увидела, в первую очередь обратилась к семье – знают ли они о втором ордене. Оказалось – нет. Вместе мы стали добиваться, чтобы награда была вручена герою...

Награждение состоялось в музее Налобихинской средней школы. Школу построили недавно, и музей новенький, с иголки. Из реликвий военного времени – немецкие каски. Они ржавые, а вот автомат

ППШ внешне в отличном состоянии. И есть в этом некоторый символ.

Боевую награду Алексею Ивановичу вручал губернатор Алтайского края Александр Карлин. Вот что он сказал при вручении:

– 600 тысяч человек ушли с Алтая на войну, и 240 тысяч из них отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Поэтому все, что связано с темой Победы, – категория из разряда святых. Мы храним память об этом героическом поколении и делаем все, чтобы молодежь принимала великую эстафету... – сказал он. – Алексей Иванович Скурлатов – человек известный и уважаемый не только в нашей стране. И я с душевным трепетом вручаю ему орден Красной Звезды. Ведь это особо почитаемая у наших солдат награда, потому что ее получали только те, кто проявил личное мужество.

Алексею Ивановичу в силу возраста (все же в марте исполнилось 90 лет), а главное – полученных ранений, и прежде всего тяжелых контузий, говорить уже тяжело. Поэтому от семьи Скурлатовых ответное слово сказала дочь ветерана Нелли Алексеевна:

– Первые слова благодарности – нашим дорогим ветеранам, спасибо вам большое, старики наши! Поздравляю отца с такой наградой, мы долго ждали ее. Мы – дети, внуки, правнуки – гордимся Алексеем Ивановичем. Хочу сказать спасибо Тамаре Дмитриенко, замечательному журналисту, благодаря ей отец сегодня получил свой орден. И огромное спасибо руководству края, краевому и районному военкоматам за память о наших воинах...

Еще одну награду – медаль в честь 75-летия Алтайского края – губернатор вручил артиллеристу Великой Отечественной, Герою Советского Союза Дмитрию Бакурову. Он родился и ушел на войну с Алтая, из Камня-на-Оби, и хоть давно живет в Новосибирске, но до сих пор считает себя нашим земляком.

– Когда еду на Алтай, а я до сих пор вожу машину, хоть мне и 90 лет, то автомобиль, мне кажется, бежит быстрее! – смеется ветеран. – Тоже чувствует родину! А Алексея Ивановича я от души поздравляю с наградой боевой!

Дмитрий Алексеевич получил звание Героя за форсирование Днепра будучи 21-летним артиллерийским капитаном. Командовал он батареей 76-миллиметровых противотанковых пушек и как остался жив – одному Богу известно. В свои 90 лет ветеран полон энергии, задора и планов. В Налобиху он приехал с подарками – с книгами о войне, со сборником «Новосибирцы – Герои Советского Союза», про который сказал: «Посмотрите – здесь половина наши, алтайские...»

И школьники, заполнившие музей, и их учителя, и официальные лица, и приехавшие на награждение журналисты смотрели на обоих ветеранов во все глаза. Ведь одним своим присутствием в нашей жизни эти люди делают ее лучше, дают ей смысл, напоминают о великом прошлом, заставляют задуматься о настоящем.

В результате Никопольско-Криворожской операции были разгромлены 12 немецких дивизий. Ликвидация никопольского плацдарма окончательно

лишила немецкое командование надежды на восстановление сухопутной связи с заблокированной в Крыму 17-й армией. Советское командование получило возможность направить войска 4-го Украинского фронта, высвободившиеся в результате существенного сокращения протяженности линии фронта, на освобождение Крыма. Победа Красной Армии имела большое значение и для промышленности СССР – ей были возвращены Никопольский и Криворожский промышленные районы.

По воспоминаниям фронтовиков 188-й стрелковой дивизии, весна 1944 года выдалась на Украине очень переменчивой: то пригревало солнце до +10, то шел мокрый снег. К марту 1944 года полк, где служил Скурлатов, был переброшен к реке Ингулец. Подготовка наступления проводилась в чрезвычайно сложных условиях весенней распутицы. Перегруппировки войск, подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего и других материальных средств, необходимых для проведения операции, затруднялись бездорожьем. С 6 марта советская армия двинулась в наступление. Вражеский фронт был рассечен на две части, но немцы не были настроены сдаваться.

На рассвете 8 марта разведка донесла, что на станции Новый Буг немцы разгружают эшелон с танками, боеприпасами и обмундированием. Было решено атаковать сходу. Подойдя к станции, танки открыли огонь по эшелону врага, а кавалерийские полки с востока и юга ворвались на станцию и начали уничтожать метавшихся в панике германских

солдат. После 15-минутного боя станция была очищена от вражеских войск, а наши части устремились к городу Новый Буг.

В городе располагался штаб 6-й немецкой армии, там находились крупные склады продовольствия, горючего, боеприпасов и обмундирования. Противник укрепил город, опоясал его двумя линиями сплошных траншей. Однако атака наших войск была настолько внезапной и стремительной, что немецкие части не успели организовать сопротивление. На плечах отступавших частей немцев подразделения 9-й гвардейской кавалерийской дивизии с востока, 4-го гвардейского механизированного корпуса с северо-востока и 30-й кавалерийской дивизии с юга и юго-запада ворвались на окраины Нового Буга. Придя в себя, солдаты вермахта укрылись в домах и открыли огонь. Тогда кавалеристы и мотопехота спешили и, следуя за танками, начали очищать от врага дом за домом. К 08:00 часам утра 8 марта советские войска полностью овладели Новым Бугом. Немецкие войска бежали, бросив технику и вооружение.

Новый Буг – город районного значения в Николаевской области Украины, административный центр Новобугского района.

За 13 дней боев войска 3-го Украинского фронта, несмотря на трудные условия весенней распутицы, освободили от фашистских оккупантов значительную часть территории Правобережной Украины и заняли выгодное положение для нанесения последующих ударов по врагу на одесском направлении.

ПИСЬМА НА ВОЙНЕ

Новая цель фронта, в который входила 188-я стрелковая дивизия – освобождение Северо-Западного побережья Черного моря и Одессы, выход на государственную границу с Румынией.

Наступление войск фронта поддерживали авиация и корабли Черноморского флота (вице-адмирал, с 10 апреля адмирал, Ф. С. Октябрьский). 30 марта части 5-й ударной армии при содействии морского десанта овладели Очаковом. В этот день старшему сержанту Алексею Скурлатову исполнилось 22 года. Дни рождения солдаты не отмечали. Если повезет, то от командира доставались праздничные 100 граммов. Лучшим подарком было письмо из дома.

Скурлатову писали письма мать и сестры. Рассказывали, как тяжело в селе без мужиков, как на тракторах теперь работают женщины, как ждут все лето, чтобы хоть что-то в огороде уродилось, и было что на стол поставить...

В школе, где работала сестра Скурлатова, многие дети бросали учебу, чтобы помогать матерям в совхозе. Листая подшивку газеты «На земле Косихинской» за 1970-е годы, я наткнулась на историю Павла Ивановича Федотова. В 1943 он бросил школу (был в шестом классе) и пошел работать слесарем, а потом стал шофером, возил на грузовике зерно.

Еще один пример: Мария Андреевна Каширская. Сейчас она уже прабабушка. Но помнит те времена:

– Я с 1931 года, окончила 7 классов, но в войну это считалось много. Большинство заканчивали по 3–4 класса. Тетрадей не было. Чернила нам варили сами учителя из сажи, воды и сахара. Во время войны к

нам эвакуировали семью немцев, у них была дочка, моя ровесница, мы сдружились. (Кстати, будущая супруга Алексея Ивановича – Мария Александровна, тоже была из эвакуированных немцев, их семью выслали на Алтай, в Косихинский район – *прим. авт.*). У моей подружки были немецкие книги, в них мы на уроках и писали между строк. Вообще бумагу тогда очень берегли, не то, что сейчас. Даже писать старались мелко. Позднее появилась хлорка. В нее опускали исписанную бумагу, чернила исчезали, затем листики сушили, и снова на них можно было писать.

Старожилы рассказывают, что все военные годы в Косихинском районе был плохой урожай, особенно не росла картошка. Была мелкая и наполовину гнилая. Но и такую не удавалась сварить. Все отдавали в совхоз, отправляли на фронт.

Алеша писал домой о своих боевых товарищах, о том, что шагает уже по украинской земле и гонит немца подальше от Родины, что скучает по дому, что уже перестал бояться пуль и выстрелов, чему быть – того не миновать...

Мы можем предположить, что письма Скурлатова зачитывала своим ученикам на уроках сестра фронтовика учительница Елена Скурлатова. В воспоминаниях педагогов Косихинского района мы нашли такой факт: учителя часто читали классу фронтовые письма.

Детей война не щадила, многие уже получили похоронки на отцов, а кто-то по году не получал даже строчки от папки. И неизвестно было – жив или нет. Учителя, чтобы хоть как-то вселить в детские сердца надежду на лучшее, часто начинали урок с письма.

Читали только хорошее, говорили, что вот-вот война кончится. Нередко, открывая конверт, учительница сама обливалась слезами, письма очень бережно хранили и перечитывали по сто раз, как молитву...

А наш Алеша даже на фронте не терял оптимизма, его веселый характер, постоянные шутки внушали надежду. Тем более, что шел уже 1944 год и немцы отступали...

КАК НАШ АЛЕША ВЫСОТУ УДЕРЖАЛ

15 августа 1944 года 188-я дивизия выведена во второй эшелон армии. С 24 августа 1944 года полк Скурлатова уже в Молдавии, у города Чимишлия. Штаб приказывает перерезать пути отхода немецких войск. У реки Кагильник завязался бой, за который наш Алеша получает орден Красной Звезды – для него первый, но мы-то знаем, что уже второй!

Орден Красной звезды учрежден в апреле 1930 года. Им награждались военнослужащие, сотрудники госбезопасности и другие граждане СССР, а также воинские части, военные корабли, соединения и объединения; кроме того, лица, не являвшиеся гражданами СССР, особо отличившиеся в боях против врагов советской власти. Орден изготовлен из серебра 925 пробы с использованием рубиново-красной эмали. Вначале орден носили на левой стороне груди. С 1943 года ордена, прикрепляемые на штифтах, переместили на правую сторону груди и ввели планки с лентами для ношения их взамен

орденов и медалей на полевой и повседневной форме. Лента цвета бордо с полосой серого цвета посередине. Внешний вид ордена оставался неизменным за все время его существования.

Из представления к ордену:

«Когда окруженный противник любой ценой старался захватить господствующую высоту, на которой находился наш наблюдательный пункт, сержант Скурлатов во главе трех разведчиков, заняв выгодный рубеж, отбивал контратаки противника огнем из автоматов, одновременно не уклоняясь от своей основной обязанности. Во время боя он лично обнаружил десять огневых точек, которые по его целеуказанию были уничтожены огнем наших батарей.

Тов. Скурлатов не допустил захвата противником нашего НП с командной высотой. Отважные разведчики огнем своих автоматов отбили четыре контратаки противника, уничтожили тридцать два солдата противника. Лично т. Скурлатов убил восемнадцать солдат противника и пять взял в плен».

Приказ о награждении орденом подписан 30 сентября 1944 года.

ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ

В сентябре 1944 года 188-я дивизия начала продвижение к границам Болгарии. 3 сентября 1944 года в районе Измаила она переправилась через Дунай, осуществила 200-километровый марш по Румынии и 8 сентября 1944 года вступила в Болгарию.

*Для встречи Советской армии болгары
построили праздничную арку*

Болгары приветствуют советских солдат

*Болгары встречали советских солдат,
как родных*

*Жители Софии встречают воинов Красной армии
15 сент ября 1944 года*

Уже 9 сентября Отечественный фронт Болгарии, вышедший из подполья, сверг фашистскую монархию и объявил войну Германии. Кстати, руководил фронтом активист Георгий Димитров (к этому времени в Барнауле уже была хорошо обжита улица, названная его именем, об этом подробнее в главе «Россия и Болгария: давние друзья»).

Удивительно, но газета «Правда» в статье о вступлении Красной армии в Болгарию, описывает именно 188-ю дивизию, а значит – нашего Алешу!

«Много было эпизодов, подобных тому, который произошел при приближении передового отряда 188-й стрелковой дивизии к погранзаставе: ее начальник быстро построил своих солдат и отсалютовал шашкой, четким шагом подошел к советскому офицеру и отдал рапорт: «Господин полковник! Болгарская пограничная застава торжественно встречает братьев-освободителей. Мы готовы выполнить ваш приказ!» Вслед за этим строй мгновенно рассыпался, и красноармейцы оказались в тесных объятиях болгарских пограничников».

А вот отрывок из дневника Исаака Абовича Боринского, подполковника, начальника штаба бригады:

– Было приказано быстро подойти к Болгарии и 7 сентября развернуть войска в боевой порядок на самой границе. Интересно отметить, что операция «Болгария» началась не так, как обычно – рано утром и с артиллерийской подготовки, а в 11 часов, после того как была направлена разведка к болгарской границе. В бинокль мне хорошо было видно, как дружески встретили наших разведчиков у пограничной заставы Йонково, в районе Кардама (от Кардама шел прямой путь до Стара-Загоры, а от нее в Пловдив – прим. авт.). Погранични-

ки бросили вверх шапки, и только из-за большого расстояния нам были не слышны их крики «ура!». Через несколько минут командир разведвзвода доложил, что в Болгарии нас ожидают как освободителей и путь свободен. В этот день 8 сентября, впервые с самого начала войны, мы проводили боевую операцию в походной колонне без единого выстрела. Это был незабываемый день. Задача, поставленная командованием, – обеспечить продвижение на восемьдесят километров, – выполнялась нами с трудом. Народ просто преграждал нам путь, нас обнимали матери и дети, старики и невесты, каждый хотел, чтобы мы остались и погостили в его селе. Нас одаряли фруктами, виноградом, осыпали цветами. Где-то вынесли медные котлы наполненные вином, круглые хлеба, а одна пожилая женщина набрасывала бойцам на плечи новенькие, тканые на ручном станке половики. Не могу передать словами то волнение, с которым люди сжимали нас в своих объятиях, повторяя беспрестанно слово «братушки».

Описание того, как Пловдив встречал красноармейцев мы нашли в книге болгарской писательницы Вербы Чавдаровой «Ищем тебя, Алеша!», где приводится цитата первого комиссара города Атанаса Караджова:

«В центре города мы построили праздничную арку, через которую победоносно должны были пройти советские войны. Арка уже давно дожидалась победителей, но войска задерживались. Люди непрерывно спрашивали, когда же они придут, поэтому мы объявили через глашатаев, что о приходе будет объявлено колокольным звоном. Однажды ночью дежурные, которых мы поставили на железнодорожной станции, на всех въездах в город, чтобы не пропустить этот торжественный миг, позвонили мне, что со стороны

Стара-Загора движется воинский эшелон с советскими танками, который должны прийти в Пловдив.

Я приказал бить во все колокола. В четыре часа эшелон прибыл. Бойцы спали. Мы отправились отыскивать командиров. Объяснили, что ждем уже целую неделю и просим дать указания остановиться здесь на более длительный срок, чтобы пловдивчане могли посмотреть на красноармейцев и поздравить их.

Командир эшелона был настолько уставшим, что повторял одну и ту же фразу: «Хорошо, хорошо, братья» и, надвинув фуражку на глаза, сразу засыпал. А в это время люди облепили поезд со всех сторон.

Я приветствовал воинов от имени трудящихся на русском языке. Наши люди с трудом дождались последних слов, а когда командир эшелона сказал несколько ответных фраз, они бросились к нему, подняли на руки, осыпали бойцов цветами, одарили их плодами и вином».

А это воспоминания Алексея Ивановича, которыми он поделился с нами однажды:

– В Болгарии наш полк так и не расчехлил орудия. Не было ни раненых, ни убитых – не только у нас, по всему фронту. Советских солдат засыпали цветами, зазывали в гости, выносили к запыленным колоннам подносы с виноградом, персиками, яблоками. Мы тогда наелись за всю голодную войну. Помню, впервые попробовал вино. У нас в деревне таких напитков не было. Удивился очень, что за фокус: вроде из винограда, а крепкое – как водочка. Потом уж понял: опьянил нас не алкоголь, а счастье – как груз с плеч свалился. Неужели заканчивается война, неужели мы еще живы?!..

Через Варну, Плевен и Стара-Загору дивизия двигалась на Пловдив. Здесь Скурлатова откомандировали в роту связи капитана Калашникова. Солдаты

восстанавливали порушенные телефонные и телеграфные коммуникации.

Алексей Иванович рассказывал:

– Мы вели связь, ставили столбы. Копать было трудно – грунт каменистый, у болгар не было техники, машин мало, транспорт – ишак. Но за два месяца обеспечили связь Пловдив – Варна, Пловдив – София.

Здесь сослуживцами нашего Алеши стали старшие сержанты Иван и Михаил. Увы, фамилии их не сохранились, но известно, что они тоже были сибиряками.

Для измученных войной солдат солнечная Болгария стала чем-то вроде «фронтowego курорта». Солдатские казармы располагались практически в центре Пловдива, недалеко от главпочтамта. Местные жители красноармейцам были рады, дарили на улицах цветы, улыбались, угощали всем, чем богаты. Командование разрешало солдатам гулять по городу. В один из вечеров к компании сибиряков подошел загорелый парень, веселый, общительный. Красноармейцы уже немного понимали болгарский язык. Болгарин представился: «Методий – коренной житель Пловдива». В знак благодарности за освобождение предложил провести что-то вроде экскурсии. Пловдив – город с богатейшей историей, даже после варварского нашествия немцев он не потерял своего очарования. Старинные соборы, большие площади, фонтаны... Вечер пролетел незаметно, и вот сибиряки уже ласково называют болгарского приятеля Митей, а тот зовет к себе в гости. Живет он в частном доме с большим садом и виноградником.

Спустя несколько дней Алеша с друзьями пошел на центральную почту, отправить весточку домой. Здесь они снова встретили Методия. Оказалось, он работает почтовым служащим. Методий был коммунистом, до прихода Красной армии участвовал в движении

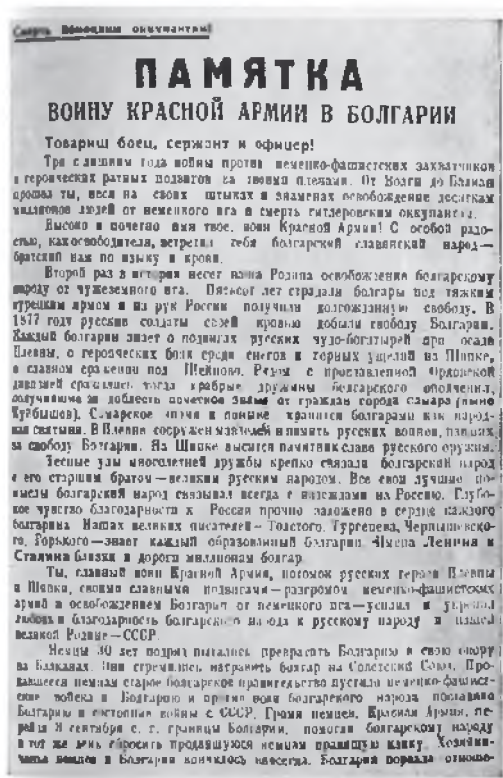

Таким Алексей Скурлат ов вернулся с фронта

С сопротивления. Сибирякам он был очень рад. О пять завязался разговор. И ван, один из сослуживцев Курлатова, поинтересовался у болгарина: «А где можно у вас купить хороший костюмчик? На танцы сходить хочется». Методий тут же вызвался помочь.

Сохранилось письмо Методия Витанова, в котором он вспоминает эту историю:

«...И когда Ваня попросил меня найти ткань, чтобы сшить цивильный костюм, я очень обрадовался. Нашли ему ткань, купили в одном из магазинов.

Этот документ мы нашли в архиве
города Пловдива

Ткань была черная и не самого высокого качества, но все-таки эта была цивильная ткань. Пошли сразу к одному моему знакомому портному Георгию Неколову. Костюм был сшит очень быстро.

Когда Иван надел новый костюм, друзья ахнули: «Ты в нем такой важный, прямо на памятник похож!». Но Иван покачал головой:

– Памятники с Алеши делать надо, вон какой богатырь. Алеша, покажи силушку!

Скурлатов засмеялся, посадил на плечо двоих солдат и начал плясать чуть ли не вприсядку. Эта картина поразила Витанова: «И правда, богатырь!». Спустя много лет он напишет в одном из писем Скурлатову: «Когда началось строительство памятника, я часто приходил на Холм Освободителей и смотрел, как возвышается фигура советского солдата. Однажды я рассказал рабочим о своем советском друге и на одном из камней написал «Алеша», и так это имя осталось навечно в Пловдиве...»

В Болгарии старший сержант Алексей Скурлатов пробыл до весны 1945 года. Молодость – это всегда некая беспечность. Покидая Пловдив, Алексей Иванович забыл взять адрес болгарских друзей. Тогда русским солдатам так хотелось домой, что все мысли были о родной земле.

МИР

Глава вторая

ДОМА!

После демобилизации в ноябре 1946 года Алексей Скурлатов вернулся в поселок Комсомолец. После двух похоронок он был живым доказательством симоновского «Жди меня, и я вернусь всем смертям назло!».

Если почитать воспоминания фронтовиков, то можно найти такие странные моменты. Прошел солдат всю войну, смерти смотрел в лицо, а у родного дома вдруг нападает на него неведомая робость. Не веря своему счастью и тому, что все ужасы кончились, он стоит у забора и не может открыть калитку, а то и вовсе убегает...

К мирной жизни тоже надо привыкнуть. Фронтовикам сделать это было непросто. Кто пережил войну, тот ее никогда не забудет...

И вот пешком от станции по первому мокрому ноябрьскому снегу идет сержант Скурлатов домой. Уже поздно и почти темно. Окраина села. Одна из первых избушек – дом брата Ивана. Здесь Алексей решил переночевать, отоспаться с дороги, а уже утром, при параде, пойти к матери.

Племянник Алеши, Алексей Скурлатов рассказывает:

– Мне после войны было шестнадцать лет. Помню я этот вечер хорошо. Мы уже хотели с мамкой спать ложиться, вдруг кто-то стучит в ставни. Мать пошла в сени, слышу – ахнула, а потом слезы: «Вернулся!». Я сразу понял, что это дядька с фронта вернулся. Запомнилось, что стоял он на пороге в какой-то коротенькой шинели, словно вырос из нее. Сразу его усадили за стол. Мать наварила картошки, выпили

по стопке, отца моего помянули. А потом дядя Леша уснул, видать, умаялся с дороги. А мы с мамкой все на него смотрели и слезы глотали...

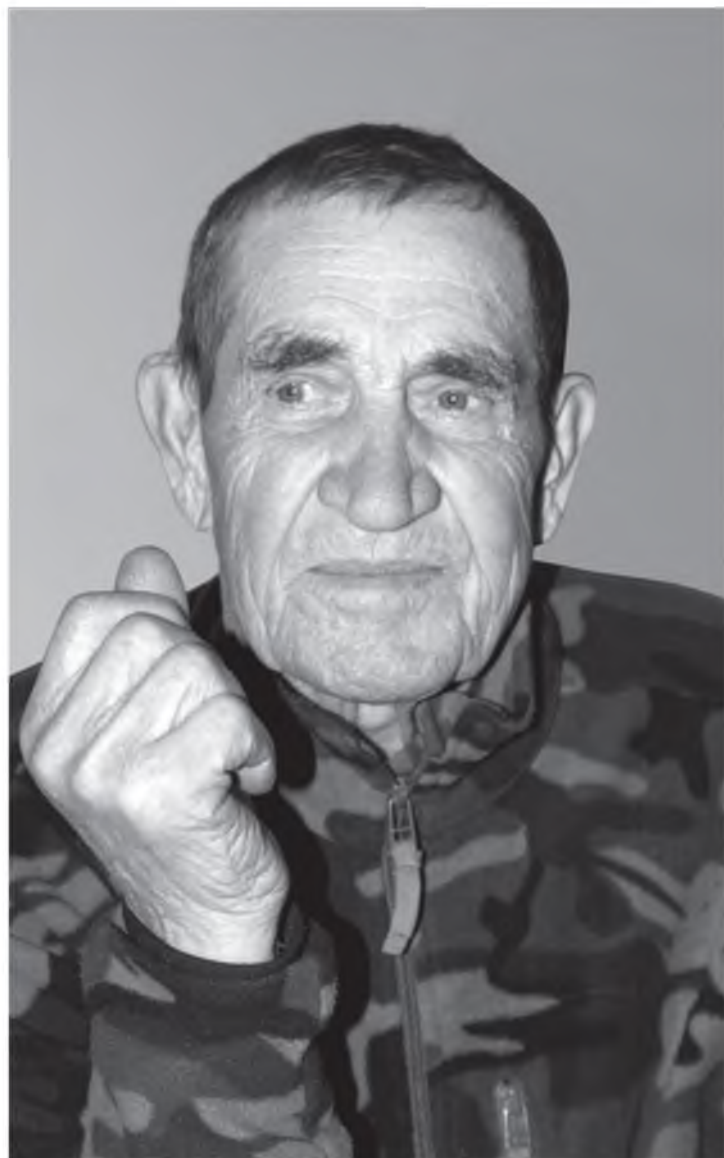
Утром Скурлатов умылся и пошел в отчий дом. Мать облилась слезами: «Живой! Живой! Живой!»... Из троих братьев Скурлатовых остался он один. За войну мать совсем поседела, сестры стали взрослыми, да и сам он изменился. Весь день и всю ночь сидели, разговаривали и не могли наговориться, словно заново знакомились. Крестьяне – отдавшие войне все силы, и солдат – проливший свою кровь. У каждого из них за эти тяжелые годы прожито несколько жизней. Как все это взять и соединить?

Старожилы Косихинского района вспоминают, что в послевоенные годы фронтовики не любили надевать медали, словно даже стеснялись того, что остались живы. Война многих покалечила. В Налобихе при МТС был токарный цех. У станков работали ветераны войны Колчанов и Петров. Каждый потерял на фронте ногу. На костылях приходили на работу, а в цеху их бросали, делали себе упор из арматуры. Так и работали, и даже шутили, что на двоих у них две ноги. Спустя годы они пугали молодежь: мол, соблюдайте у станка технику безопасности, а то видите, что будет...

Бывшие солдаты Великой Отечественной с головой уходили в работу. Алексей с нетерпением ждал весны, чтобы опять в поле, опять на свой трактор. Весна 1947 была ранней и очень теплой...

Племянник фронтовика Алексей Иванович вспоминает:

– Дядька меня трактором учил управлять. Вот это было приключение! У меня сначала-то не получалось.

*Племянника Алексея Ивановича Скурлатова
так тоже зовут Алексей Скурлатов*

Водонапорная башня в селе Налобиха была построена еще до Великой Отечественной войны. Она – немой свидетель того, как налобихинские мужики уходили на фронт

Глохла машина. Но он жалел меня, не ругался. Он вообще человеком был добрым. Чувствовал, что не хватает мне отцовской ласки... Зато сам трактором управлял очень лихо. Техника его слушалась. Меня иногда знакомые пытаются: «А правда, у Алеши сила была богатырская?». Вот приведут вам пример. После войны тракторы были в совхозе старые-престарые, ломались часто. И вот заглохнет он посредине поля. А дядька мой пойдет в околок, сломит руками тоненькую березку или мощную ветку, на нее зацепит трактор и, как на тросе, на своем горбу тащит технику в ремонт. А это почти пять километров по полю. Починит, а потом обратно в поле. И никому никогда не жаловался...

Вскоре Алексей познакомился с симпатичной девушкой Марией. Скурлатов был завидным женихом – высокий, голубоглазый, веселый, да еще и герой – всю войну прошел...

У людей того поколения не было привычки рассказывать романтические истории, и даже дочь фронтовика Нелли Алексеевна не знает, как именно познакомились родители. Может быть, на сельском празднике, а может, случайно столкнулись на улице. Нелли Алексеевна говорит:

– Мама только рассказывала, что на ухаживания не сразу ответила. Так сказать, к сердцу возводила баррикады. А отец шутил, что сдаваться не привык и, как опытный разведчик... В общем, покорила ее. Через несколько месяцев они начали жить вместе.

Мария была родом из поволжских немцев, перед войной ее семью выслали на Алтай. Много Мария Александровна хлебнула горя. Жила с мачехой и

отцом в селе Красилово, с ранних лет работала. В Налобиху после учебы приехала со старшей сестрой, здесь их приняли как родных, никто не попрекнул за корни, не обидел плохим словом. Скурлатов тоже не стеснялся национальности супруги:

– Все мы люди, чего делиться... А сколько поволжских немцев на фронте погибло в бою с фашистами... Чем они хуже меня?

По данным на начало 2011 года, в Косихинском районе проживало 17.8 тысяч человек, в основном это русские, украинцы, белорусы, немцы, казахи, мордва, татары, чувашаи, алтайцы.

Алексей Иванович и Мария Александровна от совхоза получили комнату в бараке. Условия были не самые комфортные: кровать, стол, печка – вот и вся обстановка.

Старожил Налобихи Роза Матвеевна Ледникова рассказывала своим детям:

– В нашем селе деревянных добротных домов было очень мало. В основном стояли землянки. Их лепили из глины с соломой. Для тех, кто работал в Овчинниковской МТС, строили одноэтажные баракы на шесть квартир. Их почему-то называли конторами. Так и говорили «Живу в конторе № 1». Еще строили двухэтажные дома на четырех хозяев. Всех богаче считалась нефтебаза – для ее рабочих возводили двухэтажный дом на две квартиры.

Жили молодожены хоть в тесноте, но душа в душу, без ссор и обид. Жена выдалась хорошей хозяйкой: дома всегда порядок, на столе – ужин. Если приходили гости, то, несмотря на тесноту, был пир на весь мир.

Село Налобиха

И сейчас скурлатовское гостеприимство – это особая история. Много раз я была дома у Алексея Ивановича и всегда меня усаживали за стол. Угощали первым, вторым, третьим, и обязательно что-то еще давали «с собой». Помню, за полгода до смерти Алексея Ивановича я заглянула к ним после рабочей командировки по Косихинскому району. Как всегда: стол, угощения, разговоры. Уже в сенях Нелли Алексеевна хлопочет: «Ой, у вас же в городе картошки поди нет, давай я тебе в пакет насыплю». И сказано это было с такой пронзительной добротой, что я не могла отказаться – боялась обидеть. Дома развернула пакет, а там не только картошка, а еще и помидоры, огурцы, лук... Щедрость Скурлатовых не знает границ. И самое главное, ты чувствуешь, что все это от души, от чистого сердца.

Нелли Алексеевна вспоминает детство:

– Все лето отец был в поле. Работал за десятерых. Домой только ночевать приходил. Мать тоже трудилась в совхозе. Были тогда планы, трудодни, а еще нужно было в своем огороде что-то сделать. За бараком у каждой семьи был участок. Там сажали картошку, морковку, капусту...

Летом по вечерам у барака зажигали костры. Не было тогда плит. На этих кострах женщины и готовили ужин.

Печь нам с бабушкой заменяла постель. А отец с мамкой спали на кровати. Помню такой эпизод. Редко отец позволял себе немного выпить с мужиками. И вот один такой случай: отмечали уборку или еще какой праздник. Приходит домой он подвыпивший и говорит матери: «Постели тулуп!». То есть пьяненьким он считал, что не достоин спать на кровати, ложился на полу на тулуп.

Раньше вообще с уважением относились и к дому, и к родителям. Мою бабушку, свою мать, отец очень сильно любил. Не слышала я никогда ни ругани, ни склок между ними. Она была старушкой безобидной. Соседи и родня Анну Никаноровну называли «жалейка» – всех она жалела и старалась помочь. А если и строжилась, то говорила разве что робко: «Побойся Бога!».

Мама Алексея Ивановича во время войны работала в пекарне поселка Комсомолец. Умела стряпать великолепный хлеб. После фронта сын хлеб выращивал, а она пекла уже дома. Сыном она очень гордилась, но даже материнское сердце не могло предположить, какая судьба ждет крестьянского Алешу.

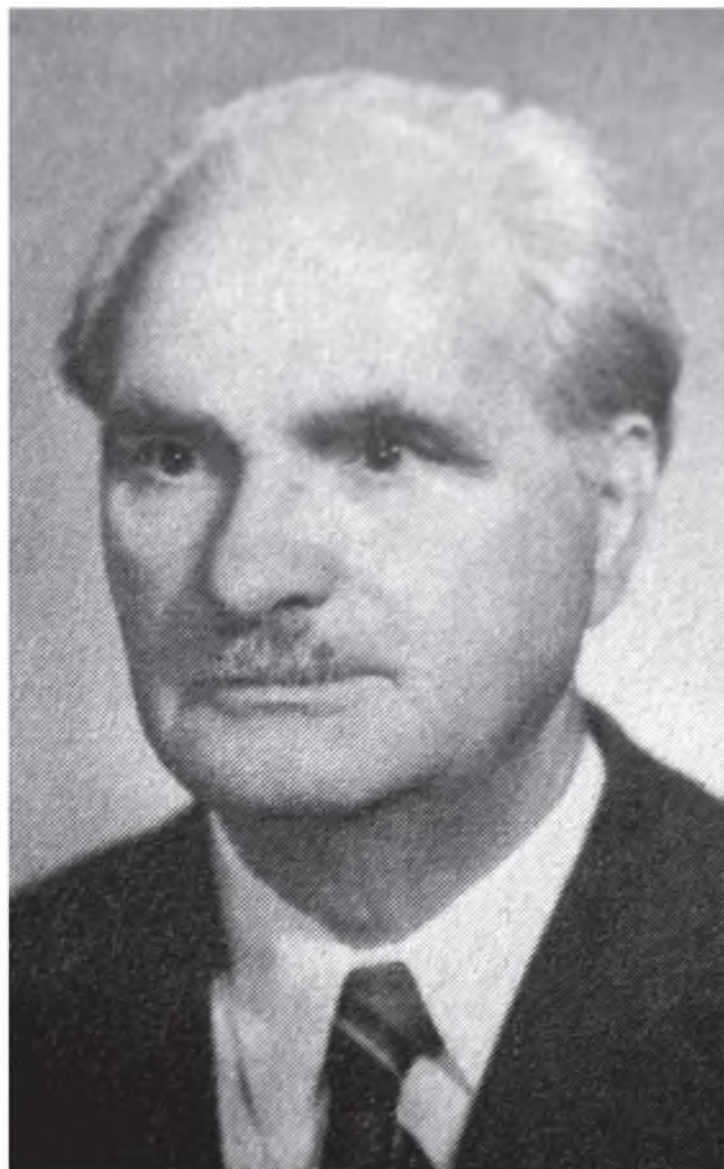
ДРУГА Я НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Между тем, в Пловдиве в январе 1947 года был создан общегородской инициативный комитет по строительству памятника Советской армии. В него включили представителей различных организаций и институтов. Председателем комитета был выбран Асен Греков – начальник Пловдивского гарнизона. Решили построить памятник на холме Бунарджик или, как его называли, Холме Освободителей, рядом с памятником русским солдатам, погибшим в русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

На призыв собрать деньги на строительство этого памятника откликнулись все жители Пловдива – представители трудовых коллективов, городские советы, общественные организации, особую активность проявили женщины... За десять месяцев собранная сумма достигла 6 миллионов 405 тысяч левов.

Супруга Методия Витанова

Методий Витанов

В 1949 году был объявлен общеполгарский конкурс проектов будущего памятника, в котором приняли участие десять творческих коллективов, состоявших из именитых болгарских скульпторов, художников и архитекторов. Так как уровень заявленных работ был высок, комиссия не смогла сразу принять решение о том, что же будет стоять над Пловдивом. После долгих споров выбрали два варианта: «Красный богатырь» и «Победа». Авторам обоим был дан год на доработку, и в 1950 году комиссия остановила свой выбор на «Красном богатыре», которого создал коллектив под руководством Васи́ла Радославо́ва.

Первым делом на месте будущего памятника был возведен макет в натуральную величину, который тут же выявил определенные недостатки – по задумке авторов монумент должен был состоять из трех элементов, но выяснилось, что на фоне неба они сливаются и композиция теряет свою красоту. В итоге было решено оставить только воина. Этот вариант и был утвержден в июне 1950 года.

Васил Родославов со своими соратниками-скульпторами Любомиром Далчевым, Тодором Босилковым и Александром Ковачевым приступили к работе над 11-метровым железобетонным памятником, который в итоге был водружен на 6-метровый постамент, облицованный среднегорским сиенитом и гранитом с горы Витоша, а так же украшенный барельефами «Советская армия бьет врага» (автор Георгий Коцев) и «Народ встречает советских воинов» (автор Александр Занков). К монументу, стоящему посреди большой смотровой площадки, ведет широкая лестница (авторы архитектурно-планировочно-

го решения – Борис Марков, Николай Марангозов, Петр Цветков).

Тем временем Методий Витанов в 1953 году меняет работу – теперь он инспектор по охране труда в областном совете профсоюзов. Витанов часто приходит к месту строительства, поднимается на гору, чтобы наблюдать за работой. Когда он увидел макет памятника, поразился: фигура и лицо монумента были словно списаны с его русского друга Алеша! Методий взял кусочек мела и написал на одном из гранитных блоков «Алеша». Рабочим понравилось это имя, такое мягкое и такое звучное одновременно. Строители стали называть каменного воина Алешей, вскоре это имя подхватили и местные жители.

Памятник был торжественно открыт в октябре 1957 года, к тому времени уже весь город знал, что на холме никто иной, а именно русский Алеша.

Методий многим рассказывал, что лично был знаком с этим храбрым Алешей. Сокрушался, что не взял адрес для переписки, да уж если честно, то и фамилию забыл спросить. Летят годы и вот в 1974 году, накануне 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, Методий пишет открытое письмо в популярный советский журнал «Огонек». А вдруг повезет и Алеша откликнется?!

«ОГОНЕК», КОТОРЫЙ ЗАЖЕГ ПЛАМЯ ДРУЖБЫ

В краевой библиотеке им. Шишкова мы отыскали тот самый номер журнала «Огонек» за март 1974 года. На странице 27 читаем письмо:

«Дорогие товарищи! Обращаюсь к вам, потому что всегда с удовольствием читаю ваш журнал. В Пловдиве есть памятник советскому воину. Он очень дорог и мил всякому болгарскому сердцу. У его подножия всегда многолюдно, всегда живые цветы. В Болгарии памятник ласково зовут «Алешей». Историю этого имени я и хочу рассказать.

В сентябре 1944 года болгарский народ встречал на своей земле Советскую Армию-освободительницу. Я работал тогда на почтамте в Пловдиве и познакомился здесь с бойцами из роты связи капитана Калашикова – Ваней, Мишей и Алешей (к сожалению, помню только их имена). Ваня – худенький, небольшого роста, Миша – высокий, всегда с улыбкой. Алеша был рослый, плечистый, с русым чубом и чистыми синими глазами, весельчак, родом, кажется, из Барнаула. Я полюбил их как братьев. Подразделение долго стояло в Пловдиве. Однажды Ваня сказал, что он бы очень хотел побыстрее надеть гражданский костюм. Я и мои товарищи решили сделать ему такой подарок. Собрали талоны – тогда еще были карточки, купили добротный отрез, и знакомый портной сшил Ване костюм. Сколько радости мы доставили этому парню, выросшему на войне и, может быть, никогда не снимавшему гимнастерки! Когда Ваня надел обнову, Алеша ему сказал: «Ты просто живая модель для памятника». А Ваня ответил: «Нет, Алеша, ты у нас настоящий русский богатырь, и лучшие модели скульптору не найти!» Все засмеялись и согласились, что памятник советским воинам непременно должен быть похож на Алешу.

Прошло несколько лет по окончании войны, и в Болгарии был объявлен конкурс на лучший проект

памятника советскому воину в Пловдиве. Когда началось строительство, я часто приходил сюда, на Холм Освободителей, и смотрел, как поднимается фигура советского солдата. Однажды рассказал рабочему о своем друге и на одном из камней написал «Алеша». Имя понравилось строителям, и они уже не называли скульптуру иначе, чем «Алеша». А потом и весь Пловдив задолго до официального открытия монумента стал называть его этим именем.

Любовь к России я храню со школьных лет. Отец, шахтер из Перника, много рассказывал о Советском Союзе. Мы, три брата, вступили в Рабочий союз молодежи, выпускали антифашистские листовки. Помню, в 1933 году мне посчастливилось достать книгу Михаила Шолохова «Тихий Дон» на болгарском языке. Она стала нашим оружием в борьбе.

Советские воины Ваня, Миша и Алеша были первыми гражданами вашей страны, с которыми я познакомился и полюбил на всю жизнь. Поэтому очень прошу вас: помогите мне отыскать их и установить с ними связь.

Методий Витанов. Пловдив, Болгария».

Это душевное послание сразу получило резонанс. Витанову стали приходиться письма со всего СССР от школьников, учителей, любителей истории, которые обещали помочь в поисках. Часто писали матери и жены погибших на фронте Алексеев, высылали снимки, спрашивали: «А может, это вы с моим Алешкой подружились в Болгарии?». Уже спустя много лет, в переписке со Скурлатовым, Методий признается, как же было тяжело отвечать на письма

*Обложка журнала «Огонек» за 1974 год,
с которого начались поиски Алеши*

АЛЕША

Нерушимые узы братства связывают Советский Союз и Народную Республику Болгарию. Каждый день приносит новые подтверждения того, как искренни и глубоки чувства дружбы, объединяющей наши народы. Об этом говорит и письмо, которое пришло в «Огонек» накануне отмечаемой 18 марта 26-й годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.

Дорогие товарищи! Обращаюсь к вам, потому что всегда с удовольствием читаю ваш журнал. В Пловдиве есть памятник советскому воину. Он очень дорог и мил всякому болгарскому сердцу. У его подножия всегда многолюдно, всегда живые цветы. В Болгарии памятник ласково зовут «Алешей». Историю этого имени я и хочу рассказать.

В сентябре 1944 года болгарский народ встречал на своей земле Советскую Армию-освободительницу. Я работал тогда на почтамте в Пловдиве и познакомился здесь с

*Статья, которую в «Огонек»
написал Методий Витанов*

несчастливых матерей, говорить им: «Нет». Несколько раз к Витанову обращались фронтовики, которые утверждали, что они и есть тот самый Алеша. Но потом выяснялось: не помнят болгарских историй, почтамта, разговоров, а то и вовсе не были в Болгарии. Так в поисках проходили годы. Даже некоторые приятели Методия стали сомневаться: а был ли вообще прототип Алеша, почему он не откликается? Витанов не стал ничего доказывать. Ему не нужны были подходящие под Алешу кандидатуры (а их было немало), он всем сердцем желал найти своего товарища, настоящего Алешу, сибирского богатыря, который поразил его силой, мужеством и задором. За усердные поиски болгарская пресса даже нарекла Методия Витанова «Крестным отцом памятника Алеше».

Алексей Иванович к этому времени перешел на новую работу – устроился слесарем на Овчинниковский мотороремонтный завод. Супруга Мария родила ему дочку Нелли. Кстати, такое необычное для деревенского ребенка имя, внучке дала бабушка Анна Никаноровна. Где и откуда она его услышала – никто уже не скажет. Но родителям оно понравилось. Жили они уже не в общежитии, а в своем доме.

Популярный журнал «Огонек» в селе Налобиха читали многие. В то время любая сельская семья выписывала по три–четыре печатных издания.

На завод свежий номер «Огонька» принес молодой слесарь Андрей Усольцев. После обеденного перерыва выдалась минутка, решил для всех вслух почитать. И надо же быть такому совпадению – выбрал именно письмо из Болгарии. Как вспоминают друзья

Алексея Ивановича, он будто бы сразу узнал болгарского друга. От волнения даже руки задрожали.

Усолецев на правах чтеца ради шутки спросил: «Товарищи, никто случайно не встречал этого Алешу?» Мужики замотали головой: «Где у нас в деревне таких найдешь, чтобы памятники из них делали?!».

– А вы, Алексей Иванович? Вы же фронтовик! – обратился он к Скурлатову.

Алексей Иванович смутился. Руки продолжали ходить ходуном, лицо побледнело.

– Вам плохо, Алексей Иванович?

– Нет, мне хорошо, – с трудом проговорил он. – Столько лет... Выходит, Методий помнит! Помнит!

– Кого? – ничего не понимал Андрей.

– Да это меня! Меня в Болгарии ищут!

– Ну, вы и загнули! – взорвался смехом Усолецев. – Да были бы вы тем Алешей, все бы про вас знали.

Скурлатова эти слова ранили в самое сердце. Он перевел все на шутку, а сам зарекся никому не рассказывать больше про Болгарию. Зачем? Если не верят, да еще и шутком выставляют...

Об этой истории он ни слова не сказал даже любимой жене. И журнал «Огонек» принципиально читать не захотел. Сказались его гордость и скромность.

ЕЩЕ НЕ ИЗВЕСТНЫЙ АЛЕША

Все, кто знал Алексея Ивановича, подтвердят: он никогда ничем хвастался, но при этом много делал. В 1957 году, работая комбайнером, получил почетную грамоту Министерства сельского хозяйства

РСФСР «За активное участие и высокие производственные показатели на уборке урожая». Кстати, этот год был для сельского хозяйства края непростой, засушливый, но, тем не менее, с Алтая государству было поставлено 4 млн 336 тыс. тонн зерна. Свою долю внес и хлебороб Скурлатов.

На новой работе, уже слесарем Овчинниковской РТС, в 1959 году опять награжден почетной грамотой за успехи в труде. Любопытный факт: Скурлатов не имел высшего образования (после фронта он окончил училище механизаторов в Троицком районе), но прекрасно разбирался в технике. И даже проявил себя как рационализатор. В семейном архиве сохранились два удостоверения на рационализаторские предложения Скурлатова. Так, в 1976 году он придумал хитрое приспособление для пробивки отверстий в прокладках. А в 1977 году внедрил свой собственный метод расточки промежуточной плиты ПД-107. Эти технологии используют в слесарных мастерских и сегодня.

Рационализаторское предложение – техническое решение, являющееся новым и полезным для предприятия, организации. При положительном решении автору Р. п. выдается удостоверение, являющееся основанием права авторства, на вознаграждение и т.д.

И вне своей мастерской он был уважаемым человеком. Мария Мироновна Калиш, старожил села Налобихи, рассказывает:

– В 70-е годы я работала в школе учителем истории, была классным руководителем у Нелли Скурлатовой. Алексей Иванович всегда был активистом,

много лет возглавлял родительский комитет. Помню, однажды отчитывали мы «на ковре» мальчишку одного за прогулы. Все женщины парня за двойки ругают, грозят, что останется на второй год. Скурлатов встает и от родительской общественности говорит: нужно его в поле отвезти, пусть поработает денек, сразу не до гулянок будет. И правда, прогулы как рукой сняло. Я еще тогда подумала: да из нашего Алексея Ивановича вышел бы хороший педагог.

История про памятник затмила другие стороны жизни этого удивительного человека. Мало кто знает, что деревенский работяга Скурлатов прекрасно рисовал. Его племянник Алексей Иванович рассказывает:

– Карандашом мог портрет написать. Но то ли стеснялся этого... Родне говорил: «Да так – мазюкаю».

Дочь Нелли Алексеевна говорит:

– Видимо, еще до войны учил рисовать его мой дед. Он знал разные пропорции, делил лист на четыре части и начинал вырисовывать лица. Потом я случайно узнала по телевизору, что такой техникой пишут иконы. Все сходится: дед, по легенде, был иконописцем. Уже в конце 1980-х годов, когда папа стал знаменитым и про него стали снимать программы, к нам в Налобиху пришло письмо от дальних родственников из Ярославля. Моя тетя туда ездила с отцом. Они даже видели несколько старинных семейных икон. Но папа дома писал, точно, не иконы. Это были портреты, пейзажи. Например, в школе зададут нам по рисованию зайчика – отец мне тут же выдаст. Из детских воспоминаний у меня еще есть одно сокровенное. Я была еще маленькая, игрушек у нас тогда почти не было. И отец своими руками сделал

Алексей Скурлат ов на рем заводе

Трудовые будни Алексея Ивановича Скурлатова

мне самолет. Выстрогал из деревяшки: с крыльями, кабиной. Мне все соседские мальчишки завидовали, думали – это из города, из магазина игрушек...

Скурлатов был еще заядлый охотник и рыбак. Дома держал ружье. Охотился на зайцев. Нелли Алексеевна рассказывает:

– Помню, у меня были пушистые теплые-претеплые перчатки из заячьей шкурки. Их шила бабушка. Да и шапка у отца была заячья, сам добыл.

Рыбалка – это отдельная история. Дочь фронтовика рассказывает:

– Отец брал меня на речку с самого раннего детства. Ходили втроем: отец, я и наш кот. Мы с котом всегда ждали выходных. Отец уставал в поле, но рыбалку никогда не пропускал. С ночи готовился и на рассвете мы уже сидели у воды. Папка учил меня удочку закидывать, червяков копать. Это было так интересно и весело.

Тянулся Алексей Иванович не только к природе, но и к искусству. В семье была традиция слушать по радио спектакли. Нелли Алексеевна улыбается:

– Сидели мы у приемника смиренно, ни на что не отвлекались, словно в настоящем театре. И слова «из коробочки» были такие проникновенные, что мама с бабушкой иногда чуть не плакали. Любили родители и в кино ходить. Помню, в красном уголке клуба Овчинниковской МТС появился первый крохотный черно-белый телевизор. Это был какой-то новый мир! В зале набивалось много народу, отец сажал меня на колени, и мы слушали (разглядеть что-то на экране было сложно) передачи.

После посевной передовик Скурлатов часто получал премию. Тогда с Марией Александровной они

*Алексей Иванович Скурлатов в Москве
на встрече ветеранов Великой Отечественной войны*

Фото из домашнего архива

*Алексей Иванович Скурлатов
после выхода на пенсию*

ездили на ярмарку за покупками. Нелли Алексеевна говорит:

– В магазинах в то время было скудно. Даже гвозди покупали на ярмарках. А одежда – та вообще была в дефиците. Однажды отец купил маме красивую зеленую крепдешиновую ткань и туфли на каблуках. Мама сшила у портнихи платье. Нарядилась. Отец все смотрел на нее, глаз оторвать не мог. Даже когда мама состарилась, это платье у нее долго в шкафу висело.

В семейном альбоме смотрю фотографии 1970-х годов. Вот Алексей Иванович, в модном черном костюме, стоит в ряду активистов Овчинниковской МТС. Самый высокий, плечистый, про таких говорят: «Ух, орел!» Наверняка у Скурлатова были и завистники. Возможно, еще и поэтому не стал он настаивать на своем в истории с памятником. Видимо, подумал: «Скажу, что это с меня памятник сделан, что тогда начнется?» Так и молчал почти десять лет. Но судьбу не обманешь...

ПЕСНЯ

Глава третья

АЛЕША

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша –
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
По-прежнему горько,
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги.
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот – Алеша,
Алеша, Алеша,
Но то, что вот этот – Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объатым,
Покоем объатым,
К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девчатам,
Девчатам, девчатам,
Цветов он не дарит девчатам,
Они ему дарят цветы.

Привычный, как солнце и ветер,
Как солнце и ветер,
Привычный, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,
Стоит он над городом этим,
Над городом этим,
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша –
В Болгарии русский солдат.

1963 год

*Стихи: Константин Ваншенкин
Музыка: Эдуард Колмановский*

АЛЬОША

*Перевод с русского языка
на болгарский язык: Красимир Георгиев*

В полето белее ли още,
белее ли още,
в полето белее ли още
снежец, или лее порой,
стои над тепето Альоша,
Альоша, Альоша,
стои над тепето Альоша –
в България руски герой.

В сърцето за мъка обречен,
за мъка обречен,
в сърцето за мъка обречен
на битка в оловния смут,
бе с каменна куртка облечен,
бе с камък облечен,
бе с каменна куртка облечен,
с гранитни ботуши обут.

Под бремето страшно и лошо,
под бремето лошо,
под бремето страшно и лошо –
младежи безименни с чест;
и ето, че този Альоша,
Альоша, Альоша,
и ето, че този Альоша
познава България днес.

С покой долините го мамят,
с покоя го мамят,
с покой долините го мамят,
но няма да тръгне на път.
Цветя за момичета няма,
момичета само,
цветя за момичета няма –
те него с цветя ще дарят.

Войникът е слънце и вятър –
и слънце, и вятър,
войникът е слънце и вятър,
звезда над града е изгрял,
вовек часови в свободата,
звезда в свободата,
вовек часови в свободата,
той винаги там е стоял.

В полето белее ли още,
белее ли още,
в полето белее ли още
снежец, или лее порой,
стои над тепето Альоша,
Альоша, Альоша,
стои над тепето Альоша –
в България руски герой.

*Превод от руски език
на български език: Красимир Георгиев*

АЛЕША

Слова К. ВАНШЕНКИНА

Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

Сдержанно

1. Бе - ле - ет ли в по - ле по - ро - ша, по -
 ро - ша, по - ро - ша, бе - ле - ет ли в по - ле по -
 ро - ша, иль гул - ки - е лив - ни шу - мят, — сто -
 - ит над го - ро - ю А - ле - ша, А - ле - ша, А -
 ле - ша, сто - ит над го - ро - ю А - ле - ша, в Бол -
 - га - ри - и рус - ский сол - дат. 2. И // - дат. В Бол -
 - га - ри - и рус - ский сол - дат. В Бол -
 - га - ри - и рус - ский сол - дат.

Алиса – в Болгарии русский солдат

КАК БЫЛА НАПИСАНА ПЕСНЯ

В Пловдиве силуэт каменного «Алеша» виден с любой точки города. 11-метровый солдат стоит на горе, чтобы подойти к нему нужно преодолеть 100 ступеней. Это один из самых высоких памятников Болгарии. И он поражает своим масштабом во всех смыслах этого слова! «Алеша» – единственный памятник в мире, у которого есть свой личный гимн. Песня «Алеша» поэта Константина Ваншенкина и композитора Эдуарда Колмановского стала безумно популярной как в России, так и в Болгарии. С 1970-го по 1989 год в Пловдиве она была официальным гимном города. Ее включали на радио каждое утро. Под «Алешу» просыпались сотни тысяч людей и шли на работу, учебу, в детские сады...

Для сравнения, памятнику воину-освободителю в Берлине (Трептов-парк) посвятили шесть песен, но ни одна из них как-то не прижилась, не стала народной. Сейчас даже трудно отыскать их слова. В советское время не было термина «хит». Но если песня становилась популярной, она передавалась из поколения в поколение, ее затягивали всей компанией за столом и даже напевали детям вместо колыбельной. Песня «Алеша» пошла дальше. Например, в СССР она была включена в фонохрестоматию (подбор пластинок) для уроков музыки в школе. Ее рекомендовали для хорового пения педагоги, работающие по знаменитой системе Дмитрия Кабалевского (выдающийся композитор, музыкант, педагог XX века). В 2010 году в Интернете среди русскоязычного населения был опрос: «Какие песни вы пели в школе на уроках музыки?». Большинство опрошенных вспомнили только «Алешу» и «Катюшу».

Скажу больше, даже после распада СССР песня «Алеша» долго звучала на уроках пения. Так, я впервые услышала эту песню в 1995 году, учась в третьем классе барнаульской школы № 40. Наш учитель пения Вячеслав Анатольевич Ежов включал нам не кассетный магнитофон, а именно проигрыватель. Несколько минут он колдовал над иголкой, протирал, подкручивал и потом аккуратно ставил пластинку. Сначала мы слушали всю песню, потом записывали под диктовку стихи в тетрадку, потом пели всем классом. Домашним заданием было не просто выучить текст, а еще и расспросить родителей, что они знают о Великой Отечественной войне. Обычно все уроки начальных классов веселые, а здесь что-то зашевелилось в наших детских душах. Это было очень пронзительно. А вечером моя бабушка поведала мне о том, как не вернулся с фронта мой дядя и как чудом сбежал из плена двоюродный дед Василий...

Известно, что песня «Алеша» переведена на болгарский, японский, английский, сербский, румынский, украинский языки. Она облетела почти весь мир. Миллионы людей, которые никогда не видели каменного солдата, прониклись лирической мелодией, почувствовали горечь солдатской доли, услышали эхо страшной войны...

Как же родилась эта удивительная песня? Все началось с того, что осенью 1962 года по приглашению общества советско-болгарской дружбы Пловдив посетил уже широко известный в то время композитор Эдуард Колмановский. Надо заметить, в 1960–1970-е годы в Болгарии проходило много песенных фестивалей, конкурсов. Это был некий центр популярной эстрады. Например, именно в Болгарии

зажглась звезда Аллы Пугачевой. Песню «Арлекино» сочинил болгарский автор Эмил Димитров. С этой песней Алла Борисовна прославилась на фестивале «Золотой Орфей», который тоже проходил в Болгарии.

Эдуард Савельевич Колмановский, видимо, тоже был гостем одного из подобных фестивалей (в интервью, воспоминаниях современников, газетах, мы не смогли отыскать точной цели поездки). Советскую делегацию повезли на гору, где стоит «Алеша». Здесь они провели несколько часов. Мемориал произвел сильное впечатление на всех, и, вернувшись в Москву, Колмановский начинает писать для «Алеша» музыку. Это оказывается непросто. Вот как тот творческий процесс вспоминал сам композитор в одном из интервью:

– Уже после того, как музыка была написана, я все чувствовал неудовлетворенность работой. Поэтому долгое время никому ее не показывал. Очевидно, причина была в том сильнейшем впечатлении от Болгарии. А потом я понял: пловдивский памятник для полноты музыкального выражения нуждается в болгарской народной музыке, с которой бы все другие болгарские впечатления сплелись в моем представлении в единый художественный образ. И я ввел мелодию известной болгарской песни «Гей, Балкан» – песни, услышанной в автобусе по дороге из Софии к Черному морю...

Эдуард Савельевич Колмановский (1923–1994) – советский и российский композитор. Написал музыку к таким фильмам, как «Большая перемена», «По семейным обстоятельствам», «Три дня в Москве». Его самые известные мелодии

«Я люблю тебя жизнь», «Алеша», «Хотят ли русские войны», «А мне мама целоваться не велит», «Ты говоришь мне о любви» и многие другие. Колмановский дружил и работал с нашим земляком, поэтом Робертом Рождественским, который, как и фронтовик Алексей Иванович Скурлатов, родился в Косихинском районе Алтайского края.

Спустя несколько месяцев, в том же 1962 году, Колмановский играет эту мелодию своему другу, поэту Константину Ваншенкину.

Константин Яковлевич Ваншенкин (1925–2012) – советский и российский поэт, автор слов знаменитых песен «Я люблю тебя, жизнь», «Алеша», «Вальс расставания», «За окошком свету мало».

С начала 1960-х годов писал прозу, преимущественно автобиографическую. Автор повестей «Армейская юность» (1960), «Авдюшин и Егорычев» (1962), «Большие пожары» (1964), «Графин с петухом» (1968), рассказов и др. Выпустил более 20 книг.

Тот начинает работать над словами «Алеша». Об этом, кстати, его попросил не сам Колмановский, а активисты общества советско-болгарской дружбы. В советской прессе я нашла цитату, где говорится, что Ваншенкин быстро написал песню «Алеша», потому как сам был фронтовиком, прошел всю войну, эта тема ему была близка. Заметим, Константин Яковлевич, как и Алексей Иванович Скурлатов, участвовал в боях на 3-м Украинском фронте. Так что с

прототипом памятника Алеше он мог даже случайно встретиться. Но при всем том, легендарная песня «Алеша» писалась не быстро – потребовался год. В авторской книге стихов под редакцией самого Ваншенкина стихотворение «Алеша» отмечено 1963 годом. В 2005 году в интервью он признавался:

– Я никогда не пишу на готовую музыку. Пишу стихи. Для «чистого» поэта написание песни – по ряду профессиональных причин, сложившихся привычек и навыков – дело чрезвычайно сложное, а для многих и невозможное. У большинства слова песни получаются, как правило, гораздо слабее собственно стихов, и мы лишь мечтаем, чтобы наши просто стихотворения были положены на музыку. Практически не пишу и на готовую мелодию – так называемую «рыбу». Не потому, что не умею, а просто не люблю. «Алешу» я писал специально для музыки. Это было исключение из правил. Конечно, автору приятно, когда стихотворение становится песней, его знают и поют. Только не так, как это бывает: слова и разобрать невозможно, а главное – лишь громкость и ритм... Создать настоящую песню – редкостная удача и, думаю, противоестественно, когда у одного автора их несколько сотен.

В те годы Колмановский и Ваншенкин были, как бы сейчас сказали, «звездным тандемом». Современники завистливо шутили, что их общая песня «Я люблю тебя жизнь» даже побывала в космосе. Такой эпизод: в 1961 году после полета на орбиту у первого космонавта Юрия Гагарина спросили о любимой песне, тот назвал «Я люблю тебя жизнь». После этой истории Колмановский и Ваншенкин стали часто общаться с космонавтами, в том числе

и снаш им легендарным зем ляком Германом Титовым. В 1962 году, работая над песней «Алеша», Константин Яковлевич хоть косвенно, но постоянно сталкивался, то с А лтаем, то с Болгарией. В мем уарах Ванш енкина мож но найти вот такой эпизод:

«В 1962 году случился инф аркту м оего друга М арка Галлая. (советский летчик-испытатель, писатель,

Композитор Эдуард Колмановский

Герой Советского Союза – прим. авт). Это было время, когда мир еще не пришел в себя после полета в космос Гагарина, а следом и Титова. А ведь они Марка хорошо знали. Дело в том, что он был у них «инструктором-пилотажем по космическим полетам». Именно на такую должность пригласил Галлая С.П. Королев, – будто тот мог иметь подобный

Поэт Константин Ваниенкин

опыт. Нет, в космосе Марк, естественно, не бывал, но обладал блестящей реакцией выдающегося летчика-испытателя и одновременно аналитическим складом ума, то есть обоснованным талантом предвидения возможных неожиданных ситуаций. Я часто навещал его в больнице. Он лежал на первом этаже в специально выгороженной для него одноместной палате. Старался не показывать вида, но томился, нервничал, страдая от своей беспомощности. А тут еще возникло подозрение, что у него и аппендицит, к счастью, не подтвердившееся.

При входе дежурил пожилой вахтер, я быстро нашел его расположение, и он охотно пускал меня и в неурочное время. Недавно прошла хрущевская денежная реформа (1:10), и весьма ценились выпущенные в оборот металлические рубли и полтинники, которые и стали основой нашего с ним взаимопонимания.

Я смотрел в грустные глаза упорно бодрящегося Марка, и мне очень хотелось улучшить его настроение. Но как? Я был немного знаком с Гагариным, – однако, поди найди его!

И вдруг – звонят из Центрального Дома Литераторов и просят выступить на встрече с Германом Титовым. А я никак не могу – как раз в этот день должен обязательно поехать за город. Тогда я попросил Роберта Рождественского передать космонавту-2 записку:

«Уважаемый Герман Степанович!

В Остроумовской клинике на Пироговке, по иронии судьбы прямо напротив штаба ВВС, лежит с инфарктом известный Вам М.Л. Галлай. Сами понимаете, настроение у него не блестящее. Было бы

хорошо, если бы Вы с Юрием Алексеевичем нашли возможность навестить его.

С уважением К. Ваншенкин»

А назавтра я поехал к Марку. Вахтер встретил меня возбужденно:

– Что вчера было! Гагарин к вашему другу приезжал!

Оказалось, Титову надо было куда-то лететь и он отдал записку Гагарину. Через несколько дней я встретил Роберта, он говорит: «Я твою записку Герману передал...» Я ответил: «Спасибо, я знаю».

Эту историю я не рассказывал никому, кроме Инны, жены. И еще однажды под настроение – Толе и Гале Аграновским, которые обещали никому ее не разглашать».

С другой стороны, Ваншенкина, можно сказать, преследовал дух Болгарии. Еще с университетских лет его другом был болгарин Димитре Методиев. А в 1957 году москвич Ваншенкин вместе с супругой Инной переезжает в новый дом на ул. Ломоносова. Эту многоэтажку негласно называли «писательский дом». Здесь соседями Ваншенкиных стал писатель и поэт Владимир Соколов – большой знаток Болгарии. В 1955 году Соколов женился на болгарке Хенриетте Христовне Поповой (в литературной тусовке ее почему-то звали Буба). Много переводил с болгарского. В 1960 году вышла книга «Стихи из Болгарии». Ваншенкины и Соколовы крепко сдружились. В воспоминаниях поэтов рассказывается, что, когда Соколовым не получалось отправить детей на лето к бабушке в Болгарию, с ними сидела Инна – супруга Ваншенкина. Правда, в 1961 году случилось несчастье. Болгарка Буба покончила жизнь самоубийством, бросившись с балкона. Как оказалось, у нее

был роман с частым гостем дома поэтом Ярославом Смеляковым. Соколов и чета Колмановских тяжело переживали потерю близкого человека. В одном из интервью Инна призналась:

– Мы так любили болгарский дух нашего дома, теперь он пропал...

В 1963 году в рабочей тетради поэта Ваншенкина появилась песня «Алеша». Впервые она была опубликована только в 1966 году в журнале «Старшина-сержант», в выпуске, посвященном советско-болгарской дружбе. После чего песню включил в свой репертуар Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской армии имени Александрова, и в 1967 году краснознаменцы привезли ее в Болгарию. Там, в Пловдиве, у подножия памятника «Алеше», в присутствии многих тысяч слушателей состоялось ее первое исполнение.

В следующем году с огромным успехом исполнил «Алешу» Московский хор молодежи и студентов на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии. Для советских слушателей песню эту по-настоящему «открыли» болгарские певцы, замечательный дуэт – Маргарет Николова и Георги Кордов. Песня «Алеша» стала часто звучать по радио. А в 1971 году запись дуэта попала на телевидение в программу «Песня года».

В 2003 году в интервью газете «Известия» Ваншенкин скажет:

– До 1971 года мне не удавалось побывать в Болгарии, хотя и очень хотелось. А когда я впервые туда приехал и увидел «Алешу», когда увидел его громадные сапоги из камня, гимнастерку... Я чувствовал себя так, будто встретился со старым и близким другом...

*Константин Ваниенкин (первый слева)
с Роберт ом Рож дест венским (т рет ий слева)*

В 1971 году Константин Ваншенкин и Эдуард Колмановский были приглашены в Болгарию в качестве почетных гостей на фестиваль советской песни, где также звучала «Белеет ли в поле пороша...». После этого они стали частыми гостями Пловдива, их всегда очень тепло встречали.

«Нас принимали на болгарской земле с таким чистосердечным гостеприимством, с такой душевной теплотой, искренностью, радостным и заботливым вниманием, с какими может встретить только настоящий верный друг, – вспоминает об этих поездках и встречах Эдуард Савельевич... – Да, у меня в Пловдиве много друзей. Число их, к моей радости, растет. И первым среди них я называю своего старого друга «Алешу», бессмертная молодость которого навеки утверждена кровным братством и нерушимой дружбой наших народов. И пусть, как поется в песне, «из камня его гимнастерка, из камня его сапоги», – Алеша живет в наших сердцах, в наших мечтах и надеждах, в наших делах...»

Кстати, в дневниках сохранились сведения, что во время поездок в Болгарию Колмановского многие друзья-поэты и композиторы звали Алешей. На что он ворчал и говорил: «Алеша в каменных сапогах, на горе».

В мемуарах Ваншенкин вспоминает любопытный эпизод: именно в Пловдиве он смог своими глазами увидеть, как бьется сердце великого писателя. В своей книге «Писательский клуб» (издана в 1998 году) поэт рассказывает:

«Это произошло в 1977 году в Болгарии. Мы давно не виделись с писателем Василием Быковым и я обрадовался, узнав, что мы в одной делегации. Была

зима, старый Пловдив, новые античные раскопки, только что построенный французский отель. Наши номера оказались рядом. Быков называл меня Алешей.

– Вася, прекрати, – говорил я. – Я не Алеша. Алеша из камня.

– Нет-нет, не спорь, ты – Алеша.

И даже фотокарточку свою подарил с надписью в таком роде: «Алеше от Быкова».

Дни, наполненные выступлениями и встречами, пролетели быстро. Завтра – в Софию. Лег я не слишком поздно и тут же уснул. Меня разбудил телефонный звонок.

– Костя, ты спал? – спросил Быков. – Секунду помедлил и выдохнул. – У меня сердце останавливается.

– Не вздумай встать, – сказал я и посмотрел на часы. Было около часа.

...Вася сидел у раскрытого окна.

– Что же ты делаешь! – крикнул я так, будто испытывал уже это все на себе. – Ложись немедленно.

Быков лег.

Я не знал, как позвонить портъе, и бросился к лифту. Не успел я договорить, а дежурный уже вызывал неотложку. Сняли кардиограмму, еще одну. Объявили, что забирают больного в стационар, там обследуют более подробно. Быков запротестовал. Мы начали убеждать: надо. Он попробовал приподняться, но ему запретили – только на носилках. Он вновь было заупирался, но тут же сдался – ладно. Мы с Сидоровым поехали вместе с ним.

Мы ждали в коридоре.

– Инфаркта нет, – сказал врач, – все нормально,

но пусть он побудет у нас денек-другой. – Он известный писатель?

(Он произносил без смягчения: «нормално», «писател».)

– Конечно! – воскликнул я. – Василий Быков! Он всемирно известный писатель.

– Да, – сказал врач, – я знаю. Хотите увидеть его сердце? – И подвел меня к стоящему в коридоре монитору: – Он сюда подключен.

На темно-сером, почти черном экране ритмично вспыхивала и гасла, вспыхивала и гасла сильная голубая искра. Я смотрел, затаив дыхание. Это билось сердце Василя Быкова.

На другой день он уже был с нами в Софии».

Кстати, Василий Быков тоже бы фронтовик, участвовал в освобождении Румынии и Болгарии, как и Алексей Иванович Скурлатов. Визит в Болгарию через столько лет стал для него чрезвычайно волнующим событием.

А вот композитор, автор музыки к «Алеше» Эдуард Колмановский на фронте не был, но, по словам современников, невероятно любил военных, был самым верным слушателем всех фронтовых воспоминаний. И однажды Ваншенкин даже записал в своем дневнике: «Колмановский не служил в армии и не был на войне, хотя по возрасту вполне мог там оказаться. Но, как говорил Толстой, несмотря на это, а быть может, именно поэтому он очень любил военных разного звания и сочинил немало прекрасных песен о них и для них. А общение с генералами приводило его в состояние трогательного возбуждения и ликования. Он был беспартийный, но с охотой брался за написание песен на гражданские темы, где

имел удачи, хотя частенько и перебарщивал количественно, не только не умел, но и не хотел отказываться от подобных предложений».

Колмановский написал музыку к сотням песен, но самые любимые его были «Я люблю тебя жизнь» и «Алеша». Дома на Арбате в своем рабочем кабинете он поставил на самое видное место круглую медаль «Алеша», которую ему вручили на одном из фестивалей в Болгарии. На одной стороне бронзовой медали был изображен памятник, на другой – ноты песни, которую он сочинил...

Поэт Ваншенкин в 1998 году, уже после смерти Колмановского, напишет в своих воспоминаниях: «Как я любил бывать у него дома, слушать его музыку! Уютный кабинетик, коричневый рояль, купленный по рекомендации Бернеса. На стене финская «Золотая пластинка» песни «Я люблю тебя, жизнь». Керамическая плашка «Дождь» работы А. Зиневича, подаренная мною и Инной к пятидесятилетию Эдика. Мощная медаль «Алеша» на подставке. Книги, магнитофон, проигрыватель. И сейчас все как было, только хозяина нет».

Сам Ваншенкин к песне «Алеша» после 1990-х стал относиться немного с прохладой. Словно не хотел тревожить сердце. Он сильно переживал по поводу судьбы памятника. В своей книге «Писательский клуб» он написал:

«И еще одна непредсказуемая судьба нашей с Колмановским песни. На этот раз «Алеша». Новые власти Болгарии решили было демонтировать самый памятник русскому солдату в Пловдиве. И хотя акция не была одобрена большинством жителей, посягательства на него продолжались. Я процитирую в

связи с этим нашу газету «Культура» (от 28 декабря 1991 г.): «...Узнав о готовящемся демонтаже «Алеша», мэр Москвы Гавриил Попов (за день до объявления о своей отставке) и премьер правительства Москвы Юрий Лужков направили письмо президенту Болгарии Желю Желеву, где заявили, что, несмотря на трудное положение, найдут средства, чтобы перенести памятник в Москву». Далее в заметке сказано, что и деловые новгородцы хотели бы принять Алешу у себя, в Новгороде Великом.

Итак, Россия была готова взять Алешу назад. Домой! Я даже написал тогда вариант:

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над Москвою Алеша,
Вернувшийся русский солдат».

В 2008 году, перед юбилеем Алексея Ивановича Скурлатова (85-летие) газета «Алтайская правда» дозвонилась до Константина Яковлевича Ваншенкина. Поэт сказал: «Жалко, что песню «Алеша» сейчас не поют, но, думаю, ее и не надо петь часто. А самое удивительное: не поют, но знают! Это свойство всех лучших песен – никто не знает, откуда они известны людям».

Кстати, песня «Алеша» многим исполнителям принесла славу. В России и Болгарии ее пел Бедрос Киркоров (отец Филиппа Киркорова). Бедрос родился в Варне, в семье простых сапожников, пел в хоре. Однажды в Болгарию приехал композитор Арно Бабаджанян. Бедрос с ним познакомился, удивил его своим голосом, тот посоветовали ему лететь в Москву учиться. Так и случилось: Бедрос Киркоров

перебирается в Москву, поступает на второй курс в ГИТИС. Бедному студенту помогает семья Бабаджанянов. Мать Арно, известная пианистка, берет шефство над Бедросом и даже становится его концертмейстером. Репетируют они дома у Бабаджаняна на Арбате, в том самом доме, где живет композитор Колмановский. В одном из интервью Бедрос рассказывал:

– Под Бабаджанянами жил Эдуард Колмановский. И когда мы в очередной раз репетировали, он позвонил и спросил: «Кто у тебя там распевается?» Тереза ответила: «Один певец из Болгарии», и Эдуард Савельич заявил, что у него для меня есть подходящая песня. Это была песня «Алеша» и я влюбился в нее по первым тактам.

Песня «Алеша» стала звездной и для сына Бедроса – Филиппа Киркорова. Впервые молодой Филипп появился на телевидении в программе «Шире круг», где он дуэтом с отцом исполнил песню о нашем Алеше. Номер получился очень душевным, и Филиппа заметила режиссер популярной телевизионной программы «Голубой огонек» Светлана Анапольская. Филиппа стали приглашать на ТВ.

Когда умер Алексей Иванович Скурлатов, Филипп Киркоров выразил соболезнования родственникам фронтовика:

– Новость о смерти Алексея Скурлатова, конечно, печальная, а песня навсегда останется в моем сердце, потому что она первая, самая дорогая и светлая. Это мой дебют на телевидении, и она останется со мной на долгие года. Я лично с прототипом памятника не виделся, но знаю, что мой отец встречался с Алексеем Скурлатовым. Для каждого болгарина

тема отношения с русским и – трепетна. Может меняться политический режим, но народ Болгарии ничем и никогда не отвернется от России и русских. Памятник «Алеша» пытались в свое время убрать из города, но народ это сделать не позволил. Существует нечто более важное и ценное, и это называется братская любовь двух стран.

Песня «Алеша» есть в репертуаре и известного болгарского певца Бисера Кирова. Бисер Христов Киров был знаком с Алексеем Ивановичем Скурлатовым, несколько раз приезжал к нему в Налобиху. А когда в 2012 году посетил школьный музей Скурлатова, то даже снял шляпу (обычно без своего фирменного головного убора на людях он не появляется) и чуть не расплакался, так был тронут экспозицией.

*Болгарский певец Бисер Киров со школьниками
налобихинской школы*

*Бисер Киров дарит Алексею Ивановичу
диск со своим и песням и*

Бисер Киров тогда сказал:

– И Болгария не была бы такой, какая она есть сейчас... И Европа была бы другой, если бы не такие герои, как Алексей Скурлатов. Вечная слава тем, кого нет в живых, и слава тем, кто с нами. Пусть долгое время с ними пребудет Божье благословенье. Я не надеялся на свою встречу с Алешей. Слава Богу за эту честь, и слава Алтаю за это благословение. Берегите Алешу!

Добавим, что песня «Алеша» попала в советскую юношескую комедию «Без сына не приходи» (1986 год) режиссера Радомира Василевского.

Но для нас важно, что песня «Алеша» сыграла и в судьбе Алексея Ивановича Скурлатова решающую роль. Вопреки расстоянию и годам чудесным образом соединила фронтовика Скурлатова с дальним болгарским другом Методием Витановым.

ГОЛУБЕВ И ДВА УСОЛЬЦЕВА

Историю о том, как Алешу отыскал учитель-историк из Свердловска Леонид Голубев, наверное, слышали многие. Возможно, вы даже знаете, что помог ему в этом случай. Леонид Александрович приехал отдохнуть в Белокуруху, его соседом по комнате стал слесарь из Налобихи Андрей Усольцев, тот самый, что неудачно подшутил над Скурлатовым. Заиграла песня «Алеша» и... Но мы нашли, что на самом деле Усольцевых было два. Спустя более чем тридцать лет, мы нашли одного из них и даже побывали в гостях. Но сначала перенесемся в 1981 год.

В 1981 году Белокуруха была еще не городом-курортом, а только поселком. Но здесь уже работали

знаменитые санатории с радонолечебницами. По путевкам поправлять здоровье в Белокуриху ехали люди со всей страны. Так в одном номере санатория оказались учитель из Свердловска Леонид Александрович Голубев и слесарь из Налобихи Андрей Гаврилович Усольцев, тот самый, кто читал всем журнал «Огонек», тот самый, кто не поверил робкому признанию Скурлатова. А может, в глубине души все же поверил?

Белокуриху без преувеличения можно назвать уникальной по своему расположению, природным условиям.

Город Белокуриха – это отдых в одном из крупнейших курортов федерального значения, который расположен в предгорьях Алтая на высоте 240–250 метров над уровнем моря, в долине горной реки Белокурихи. Чистый воздух и естественные радоновые источники способны творить чудеса, оказывая оздоравливающее воздействие на все системы и органы человека.

Мягкий климат, азотно-кремниевые термальные радоносодержащие минеральные воды, чистый воздух, целебные местные растения – факторы, способствующие лечению многих заболеваний.

Интеллигентный, эрудированный педагог Голубев произвел на сельского труженика Усольцева большое впечатление. Еще бы! Голубев – директор экспериментальной политехнической школы (которых всего несколько на весь СССР), пишет книги и заметки для центральных газет, увлекается живописью.

Вечером после ужина соседи идут в холл смотреть телевизор (это сейчас телевизор в каждом номере, а в 1980-е был один на этаж). Слово за слово, Усольцев, видимо, тоже хочет блеснуть в разговоре, показать, что не лыком шит, а тут как раз подходящий момент...

Вот как этот вечер описывает сам Леонид Александрович Голубев. Мы отыскали его рассказ в газете «Советская Россия» за 1982 год:

«Я отдыхал на курорте Белокуриха, что расположен в живописной долине меж Алтайских гор. По телевизору в исполнении болгарских певцов Маргрет Николовой и Георги Кордова звучала популярная песня «Стоит над горою Алеша, в Болгарии русский солдат...» Ко мне склонился сосед по палате А.Г. Усольцев:

– Очень люблю эту песню. Вот уж действительно памятник памятнику. А знаете, кто он Алеша? Да это мой товарищ, рабочий Алексей Иванович Скурлатов».

Голубева эта история чрезвычайно заинтересовала. Ведь он был не просто историком, но еще и следопытом. Леонид Голубев сам фронтовик, активист ветеранской организации. До войны Леонид Александрович работал воспитателем Тегульдетского детдома Томской области. В 1942 году добровольцем пошел на фронт, за ним сбежали на передовую три детдомовских мальчугана. Их приняли в «сыны полка». Прошел с боями Украину, Белоруссию, Польшу. Однажды, после налета вражеской авиации, раненый и контуженный Голубев был завален в траншее землей. И не остаться бы ему живым, если бы этого случайно не увидел один солдат.

Из госпиталя Леонид Голубев был направлен в местечко Малашевичи, что под Варшавой, в 911-й батальон аэродромного обслуживания, назначен старшиной роты боепитания и довольствия. Здесь, осенью 1944 года, почти месяц обеспечивал всем необходимым летный состав 32-го истребительного авиаполка, которым командовал сын Главкома страны – Василий Сталин.

Известно, что в городе Седлец, что тоже располагался недалеко от польской столицы, ему довелось встретиться с фронтовыми корреспондентами газет «Красная Звезда» и «Правда» Константином Симоновым и Михаилом Шолоховым. Эта встреча, как и три встречи с Павлом Петровичем Бажовым после войны, сыграли в судьбе гвардии старшины Голубева важную роль. Он решил попробовать писать рассказы и воспоминания о фронте.

Наконец, пришла долгожданная Победа. Голубев поступает на заочное отделение географического факультета Свердловского пединститута и начинает работать учителем в школе № 4 в городе Полевском. В 1950 году открыли среднюю школу № 3 и Леонид Александрович становится ее директором.

Любящий свое дело педагог-фронтовик создает отряд следопытов, и юные полевчане идут по местам бажовских сказов, а затем и по следам героев войны – ведут переписку, встречаются с ними, записывают воспоминания, создают школьный музей. Все это благоприятно влияет на учебу и воспитание даже трудных подростков. Вместе с педагогом дети уже разыскали Героя Советского Союза Николая Кичигина (бесстрашный офицер вынес из горящей боевой машины раненый экипаж, оказал им первую

помощь и в одиночку до утра вел бой с противником, уничтожив несколько десятков вражеских солдат).

Вдохновленный рассказом Усольцева, Леонид Александрович записывает в блокнот фамилию-имя-отчество Скурлатова и его место работы, а сам решает проверить достоверность легенды об Алеше. Вернувшись домой в Свердловск, начинает собирать материалы про памятник воинам-освободителям в Пловдиве. В библиотеке он находит тот самый «Огонек» за март 1974 года. Письмо Методия Витанова он переписывает и показывает своим ребятам – красным следопытам свердловской школы № 3. Рассказывает о встрече в Белокурихе с Усольцевым. Юные следопыты уже хотят слать телеграмму в Болгарию, что нашелся Алеша. Но Голубев сначала хочет все достоверно проверить. Он пишет письмо в Налобихинский райком комсомола, интересуется: правда ли слесарь Алексей Скурлатов освобождал Болгарию?

Письмо это попало (внимание!) к Усольцеву. Только не к Андрею Гавриловичу, а Николаю Никаноровичу. Между собой они не братья, а только однофамильцы. Сейчас Николаю Никаноровичу – 73 года, он живет в домике на окраине Налобихи. Договариваюсь по телефону о встрече. У деревенских нет привычки давать адреса, они любят объяснять место «на пальцах». Вот мой маршрут: от школы прямо, потом резко направо, потом опять направо и до околицы.

«К Усольцеву правильно иду?» – спрашиваю мужичка копающегося в ограде. Тот качает головой: «Это вам нужно идти прямо-прямо, но держаться правее». Благодарю! Ответ мне показался философским и в самую точку. Порой кажется, если ты идешь прямо, то никогда не свернешь с дороги. А оказыва-

ется не факт, можно заплутать. Или судьба специально кидает нас в разные стороны, чтобы мы, сами того не подозревая, оказались в нужное время в нужном месте? Удивительная история Скурлатова тому яркое доказательство: как ни прятался Алексей Иванович от славы, как ни избегал, а она все равно его нашла. Вся Налобиха, весь Алтай, Россия, Болгария, мир узнали, что он и есть тот знаменитый Алеша, в Болгарии русский солдат...

Навстречу выходит бодрый дедушка – это и есть Николай Никанорович Усольцев. Весь его облик выдает какую-то скрытую ответственность. Он словно ждал нас много лет, чтобы из первых рук передать историю, которую не забудет никогда.

Калитка. Необъятный огород. Лохматый пес. По двору скачут куры, и гордо вышагивает петух. С крыльца Усольцева виден обрыв и поле, там был совхоз, где работал молодой Скурлатов. Николай Никанорович начинает рассказ:

– 1981 год. Я весь в комсомольских и профсоюзных делах: слеты комбайнеров, мероприятия для пионеров, конкурсы самодеятельности и тут приходит к нам письмо. Из Свердловска. До сих пор помню, пишет некий гражданин Голубев. Рассказывает, что со школьниками ищет солдата, ставшего прототипом памятника Алеше в Пловдиве. И якобы у нас в районе этот герой и проживает. Я ахнул! Кто же это? Кто? Оказывается – Скурлатов. Да я же его знаю! Он у нас слесарь и председатель ветеранской организации. В письме был длинный список вопросов Алексею Ивановичу. Многие из них про Болгарию. Я пригласил Скурлатова к себе в кабинет и стал эти вопросы из списка задавать. И оказывается:

действительно был он в Болгарии, ходил на почту и сдружился с неким Методием. Только звал его не Методий, а просто Митя. Я ему говорю: «Что же ты про памятник молчал?». А он: «Да неловко, еще скажут, что выдумал». Все ответы я фиксировал на листке, потом отдал Скурлатову эту записку, чтобы он переписал на чистовую и отправил Голубеву. Через неделю встретились: «Ну как, отправил?». «Отправил, но переписывать не стал, что бумагу изводить». Вышло, что первое письмо Голубеву было написано моим почерком. В конверт Алексей Иванович еще вложил свою фотокарточку...

А Голубев тем временем через редакцию журнала «Огонек» нашел болгарский адрес Методия и 8 декабря 1981 переслал ему фото Скурлатова с кратким текстом: «Алеша, тот самый Алеша, который участвовал в освобождении Пловдива и дружил с болгарским товарищем Методи Витановым, жив и здоров, работает слесарем на мотороремонтном заводе. Его адрес: Алтайский край, Косихинский район, село Налобиха, улица Юбилейная, 5, квартира 2».

Ответ Голубеву пришел где-то через неделю (!), всего несколько слов, но зато каких: «Это он! Нашелся братушка Алеша!».

ВСТРЕЧА

Глава четвертая

НАЛОБИХА – БОЛГАРИЯ

С этого момента события стали разворачиваться стремительно. В начале января 1982 года (вот это подарок на Новый год!) на имя Скурлатова в Налобиху из Болгарии приходит большая почтовая открытка с изображением памятника. И письмо: «Дорогой Алеша! Особенно я сильно обрадовался, что ты жив и здоров. Давно тебя искал, но ваша страна велика, и я почти уже не верил, что ты найдешься. Спасибо Леониду Александровичу Голубеву. Напиши мне подробно о своей жизни...»

Скурлатов садится за ответ:

«В конце 1944 года с территории Румынии мы прибыли в Болгарию и оказались в Пловдиве. Я был во взводе управления и связи дивизии...Мы – Миша, Ваня и я – были дружны с болгарскими ребятами. Когда я прочитал письмо в «Огоньке», сказал товарищам по работе: «Смотрите, какое совпадение. Мои приятели Миша и Ваня, и костюм, который был куплен для Ивана, – все совпадает. В Пловдиве мы все сфотографировались. Если бы мне удалось сохранить фото, то не было бы никакого сомнения».

Это письмо с фотографией Скурлатова было опубликовано в болгарской прессе. Любопытный факт: прочитав его, жители Пловдива атаковали редакции письмами и звонками с просьбой дать адрес Алеша, чтобы ему можно было послать весточку. Редакция публикует адрес Скурлатова на первой полосе. И сразу же в Налобиху полетели заграничные письма.

В марте 1982 года почтальон вновь несет Алексею Скурлатову конверт с болгарской маркой. В семейном

архиве бережно хранится это письмо: «Дорогой Алеша! Письмо твое получил и очень обрадовался, что помнишь меня. Верно, что прошло много времени, но ничего не забыто... Я всегда относился и отношусь к Советской стране с огромной любовью и не могу себе представить жизнь без этого чувства. А сейчас хочу напомнить о нашей первоначальной дружбе. Я работал на центральной почте в Пловдиве. Все время, пока шла война с фашистами, участвовал в движении Сопротивления. На центральной почте в Пловдиве была создана нелегальная партийная организация, в которой активным членом был и я. Группа осуществляла связь с партизанским центром, и я вел большую разведывательную деятельность, которая оберегала от провалов и арестов наших нелегальных товарищей. Работа продолжалась до прихода Советской Армии в Болгарию. Вы находились в казармах, но часто приходили на почту, особенно Ваня, Миша и ты. Рассказывали мне о Сибири, о ее суровом климате, и я представлял себе эту суровую землю. И когда Ваня попросил меня найти ткань, чтобы сшить цивильный костюм, я очень обрадовался. Нашли ему ткань, купили в одном из магазинов. Ткань была черная и не самого высокого качества, но все-таки это была цивильная ткань. Пошли сразу к одному моему знакомому портному Георги Неколову. Костюм был сшит очень быстро. Сейчас вспоминаю: когда Ваня надел новый костюм, пришел ко мне домой, вместе с ним были ты, Коля и Миша. Вы ему сказали тогда, что в этом костюме, что он такой важный, что похож на памятник. А тот говорит: «Памятник нужно делать с богатырей, таких как наш Алеша». Все засмеялись и согласились.

А Ваня и Миша повисли на твоих плечах, и ты долго кружил их.

Когда началось строительство памятника, я часто приходил на Холм освободителей и смотрел, как возвышается фигура советского солдата. Однажды я рассказал рабочим о своем советском друге и на одном из камней написал «Алеша», и так это имя осталось навечно в Пловдиве».

В период с 1982 по 1986 год серии публикаций об удивительной истории Алеши появились в советских и болгарских газетах. Болгарское телевидение сняло фильм про Алешу. Скурлатов получает по 200 писем в месяц из разных уголков мира. Он становится кумиром для молодежи. Вот какие трогательные письма пишут ему школьники:

«Дорогой Алексей Иванович! Вам пишут болгарские пионеры из города Попово, школы имени Никола Вапцарова (болгарский поэт, писатель, революционер – прим. авт.). Мы посетили город Плевен. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов за Плевен шли жесткие бои. Там в музее есть колечко русских волос (их нашли у раненого солдата), которые и сейчас сохраняются. 9 сентября 1944 года в город вошли солдаты Третьего Украинского фронта. Среди них был и внук того солдата, у которого нашли русые волосы. Мы провели урок русского языка «Русые волосы». В конце урока говорили о памятнике Алеша в Пловдиве. Наша учительница принесла газету, в которой написано о Вас. Мы очень обрадовались, когда узнали, что герой Алеша живой. В прошлом году мы были в Пловдиве, положили цветы к памятнику Алеше. Просим Вас прислать Вашу фотографию и воспоминания о войне. Мы знаем о войне

только из книг и фильмов. Пусть всегда будет мир и голубое небо над всей планетой...»

Дружеская переписка завязалась у Алексея Ивановича с Кириллом Тодоровым из Перника (главный шахтерский город Болгарии). В письмах Кирилл рассказывает об истории города, его шахтерах, своей семье. В каждом письме он спрашивает о здоровье супруги Скурлатова Марии Александровны, об их дочке Нелли и внуках Танюше и Андрюше. «Однажды я был у памятника Алеше в Пловдиве. Если еще буду, то выполню поручение: поклонюсь Алеше от Вашего имени. И снова я приглашаю Вас в гости. Верю, что поездка в Болгарию состоится...»

Много статей про Скурлатова было в краевой газете «Алтайская правда». В редакцию даже стали приходиться стихи, посвященные Алексею Ивановичу. В номере «АП» за 19 апреля 1986 года, можно найти стихотворение «Алеша» известного на Алтае поэта Валерия Куницына:

АЛЕША

На каждого сына в семье
– похоронка!
Не ведала мать
и родная сторонка,
Что кто-то вернется
живым из парней...
Один возвратился,
один Алексей...
Он тысячи верст прошагал
с автоматом,
И стал он в Болгарии
другом и братом,

А в сердце своем
у него до сих пор
Погибшие братья –
Иван и Егор.
Прошло много лет.
Как-то раз побывал,
Скурлатов в местах,
где он кровь проливал,
Где памятник высится
вечный солдату
Как знак уважения
русскому брату.
К нему в окруженьи
болгарских друзей
На встречу Скурлатов
пришел Алексей.
И снова открылось
в душе у солдата
Все то, чем война
перед ним виновата:
Сожженные вспомнил он
села и хаты,
Усталых сестер и врачей
медсанбатов.
Погибших друзей
на безвестных высотах,
На водных преградах,
на топких болотах...
С годами утраты
острее вдвойне...
Ты мир научился
ценить на войне!

Вновь празднуют в городе
встречу с весной.
И держит в руках,
как награду, герой
Живые цветы
от болгарских девчат
«Алеша –
В Болгарии
русский солдат».

При такой славе и всеобщей любви у Скурлатова не было, как бы сейчас сказали, «звездной болезни». Он продолжал работать простым слесарем. И по рассказам родственников даже удивлялся, с чего это ему вдруг дважды без экзаменов предлагают учиться в новосибирской партийной школе: «Что-то здесь не так. Часто приглашать стали».

Николай Никанорович Усольцев, очевидец тех событий, рассказывает:

– Скромность была у Скурлатова одной из черт характера. Он старался быть наравне со всеми, а не лезть в верха. На встречах с ветеранами был спокойным, тихим, не рвался речи говорить. Мы, конечно, им гордились. Вся Налобиха провожала, когда он, по приглашению Методия, полетел в Пловдив. А вот Алексей Иванович словно даже стеснялся такой почести.

В доме Скурлатова, в шкатулке фронтовика до сих пор хранится тот самый голубенький билет на самолет: Барнаул – Москва – София – Москва – Барнаул. Сказать, что для Алексея Ивановича это путешествие было большим событием – ничего не сказать. Он полетел в Болгарию в августе 1982 года, в возрасте шестидесяти

Билет в Болгарию Алексей Иванович бережно хранил в своих документах

Одно из писем Методия Витанова Алексею Скурлатову

лет. Скурлатов переживал: а вдруг болгарский друг его не узнает, ведь прошло столько времени?

Дочь Нелли Алексеевна говорит:

– Папа волновался по многим поводам. Сам памятник он видел только на открытках, фотографиях и несколько раз по телевизору. А тут нужно будет встать рядом, на глазах у многотысячной толпы: «А вдруг кто-нибудь скажет: «Да не похож!». Мы всей родней его старались поддержать.

Для поездки Скурлатов купил себе новый строгий черный костюм, галстук.

В школьном музее села Налобиха хранится черно-белая фотография – встреча Скурлатова и Витанова спустя 38 лет. От этого снимка идет невероятная энергетика. Крепкие мужские объятия, за которыми прожитая жизнь, молодость, отвага, верность. Скурлатова у трапа самолета встречают как национального героя: с хлебом и солью. А он замирает, прежде чем ступить на болгарскую землю: перед глазами мелькает война, погибшие братья, окопы и самый счастливый день – День Победы.

Вернувшись в Налобиху, Алексей Иванович написал в краевую газету «Алтайская правда» письмо-отчет о поездке в Болгарию. Этот документ сохранился:

«...Как-то не хватало смелости, ведь никогда я не писал подобные письма в газету. Ну, вот решился. В Болгарию я поехал с группой с Алтая на курорт. В аэропорту в Софии нас встречало много людей с цветами, были корреспонденты. Тут и произошла наша трогательная встреча с Методием Витановым. Я его узнал, и он меня. Бросились друг к другу со слезами и руки так до самого вокзала не отпускали.

*Алексей Скурлатов с Методием Витановым
на фоне «Алеши»*

Нам давали целые охапки цветов, мы шли и шли по цветам, которые бросали нам под ноги. Потом повезли нас в Пловдив.

Мне выдали номер в гостинице «Ленинград», а потом пригласили на ужин. Только переступили порог ресторана, как раздалась музыка и песня «Алеша» в исполнении болгарской певицы. Поклонился я всем, и, пока мы ужинали, музыканты исполняли русские и болгарские песни...»

На следующий день Методий и Алексей поехали на Холм Освободителей.

Вот как эту встречу описала одна из болгарских газет:

«К памятнику подошли двое мужчин с сединою на висках. Один из них болгарин, другой – русский. Это Методий Витанов и Алексей Скурлатов, встретившиеся, наконец, после многолетней разлуки. В 1944 году Алеше была двадцать два, теперь Алексею Ивановичу – шестьдесят.

И русский, и болгарин, возложив цветы к памятнику, долго, не отрываясь, смотрели на величественную статую советского солдата, в образе которого воплощены тысячи таких воинов-освободителей, каким был Алеша. И так они, русский и болгарин, стояли долго, взявшись за руки, со слезами на глазах. В тот день друзья-болгары рядом с гранитным увидели живого Алешу».

Потом Витанова и Скурлатова принимал первый секретарь Пловдивского окружкома Болгарской Коммунистической партии. Он рассказал о том, как в округе и городе живут и трудятся люди.

И были еще встречи, и еще, и были улыбки и слезы, расспросы и рассказы, цветы и крепкие рукопожатия

*Памятник Александру II находится рядом
с памятником «Алеши»*

друзей. И был хлеб-соль, которым встретила Алексея Ивановича в своем доме жена Методия. На прощальном вечере назвали Алексея с Методием братьями на всю жизнь. И, конечно, опять звучала песня «Алеша».

Алексея Ивановича Скурлатова торжественно объявили почетным гражданином Пловдива. Вручили серебряную медаль – сейчас она почернела от времени, но стоит в доме Скурлатовых на особом месте.

Прощаясь, все приглашали Алешу вновь прилететь в Болгарию, посетить санатории, отдохнуть на море. Для болгар Скурлатов стал не просто дорогим гостем, а родным человеком. Но пользоваться этим фронтовик вновь постеснялся. Легендарный Алеша продолжал скромную жизнь в Налобихе. В 1987 году идет на пенсию и погружается в домашние дела: занимается огородом, ходит в лес по грибы и ягоды...

ПИСЬМА И СУДЬБЫ

После поездки в Болгарию, о которой написали все главные советские и болгарские газеты, писем Алексею Ивановичу стало приходиться еще больше.

Местные говорят, что почтальон даже шутила: «Доплачивать мне должны, я благодаря Скурлатову норму в десять раз перевыполняю!» По конвертам, что приходили в дом ветерана, можно было изучать географию всего СССР. Нелли Алексеевна вспоминает:

Алексей Скурлатов. Фото 1980-х годов

– Откуда только ни писали! Да не было, пожалуй, такого места в стране, откуда не прилетела бы весточка. Письма отец всегда читал сам. Садился в кресло, сначала рассматривал конверты, потом медленно разрезал ножиком «язычки» и принимался за чтение. На все письма старался отвечать. Если просили, всегда высылал фото. У нас поэтому в семейном альбоме и осталось мало карточек, что отец не мог отказать людям, отправлял свои фото для музеев, интернациональных клубов, обществ.

Читать чужие письма нам немного неловко, но без них книге не обойтись. С позволения дочери Нелли Алексеевны мы открываем эпистолярный мир Алеши. Перед нами знаменитый скурлатовский старый кожаный чемодан. В нем плотными рядами лежат письма. Это он сам их сортировал и раскладывал. Нелли Алексеевна знает порядок:

– Здесь, с краю, подборка писем от фронтового товарища Шпыхова, в середине – болгарская переписка, потом идут конверты из Москвы, Екатеринбурга, советских республик...

Мы садимся с Нелли Алексеевной на пол, запускаем руки в чемодан и на несколько часов окунаемся в совершенно другой мир. Далеким, немного наивным, добрым...

Каждое письмо – маленькая жизнь. Может, давно нет в живых авторов, а их слова, их чувства, переживания возникают перед нами. Ловлю себя на мысли, что читая самое, на первый взгляд, обычное письмо, где предсказуемые обращения, вопросы, пожелания, вдруг наворачиваются слезы. О каких простых вещах рассказывали друг другу люди, почему сегодня мы об этом никому не пишем. Да и вообще, почему

мы сегодня не пишем писем? Рукой, душой, сердцем??? Разве может телефонный разговор или короткая эсэмэска заменить: «Здравствуйте, дорогой Алексей Иванович. Вы знаете, как горжусь я нашей дружбой, как благодарен судьбе за знакомство с таким Человеком»...

Скурлатову люди рассказывали свои сердечные тайны, переживания, делились радостью, просили совета. Много милых писем от школьников, которые Алексею Ивановичу (как Деду Морозу) отчитываются о своих успехах. Только взамен просят не подарки, а рассказать поподробнее о фронтовых буднях, о поездке в Болгарию. Писали матери и вдовы погибших на войне Алеш... Присылали свои стихи, фото, маленькие подарочки. В некоторых конвертиках до сих пор лежат засушенные цветочки, фото и болгарская вышивка.

Для того, чтобы и вы, уважаемые читатели, прониклись нашим повествованием, публикуем несколько писем целиком. А после – краткие истории, как сложились судьбы авторов.

«Здравствуйте, уважаемый Алексей Иванович. Пишут вам студенты Бельцкого пединститута, члены клуба интернациональной дружбы «Аврора». Мы благодарны Вам за теплое и дружеское письмо. Нам было очень интересно узнать ваши впечатления о Болгарии, о встречах с боевыми друзьями. Спасибо Вам за доверие!

В настоящее время все усилия студентов сосредоточены на претворении в жизнь продовольственной программы. Студенты работают в колхозах, на консервных заводах Молдавии. В институте создан,

по инициативе КИДа, оргкомитет, который начал подготовку к фестивалю дружбы, посвященному 60-летию образования СССР. Мы думаем пригласить делегации со всех республик. Кидовцы получили приглашения принять участие в фестивалях союзных республик: Украины, Литвы, Белоруссии. В эти республики будут отправлены делегации, ансамбли.

Мы получили очень интересные материалы от дочери соратника В.И. Ленина Е.В. Бонч-Бруевича, которая прислала нам свои воспоминания о великом вожде, материалы личного секретаря В. Ленина – Л. Фотиевой. На основе имеющихся у нас материалов, мы создали уголок В. Ленина.

Кидовцы написали письмо с просьбой наладить связь второй женщиной-космонавту С.Е. Савицкой. Ждем ее ответа.

Алексей Иванович, пишите нам о своих делах, планах. Нам будет очень интересно о них узнать. Может быть, если вам не трудно, вы пришлете свои воспоминания о боевых путях Великой Отечественной войны.

Крепкого Вам здоровья и, всего самого хорошего.

С уважением кидовцы.

Наш адрес 279200 МССР, г. Бельцы, ул. Пешкина, 38. БГПИ КИД «Аврора».

Через Интернет (в социальных сетях) мы нашли сообщество Бельцкого педагогического института. Написали письма более чем 100 человекам. Но откликнулась только одна – Людмила Петрова. Вот ее ответ:

– Спасибо, что меня разыскали. Я действительно в годы учебы была в рядах «Авроры». Хорошо

Алексее Скурлатову приходили сотни писем

помню историю про Алексея Скурлатова. Скажу вам больше – я сейчас живу в Болгарии, в Софии. Именно в студенческом кружке интернациональной дружбы я познакомилась с будущим мужем – болгариним Деяном Петровым. К сожалению ответных писем Алексея Ивановича у меня нет. Скорее всего они где-нибудь в музее. Помню, что писал письмо всегда один человек (у кого красивый почерк). Но текст мы придумывали все вместе. Даже споры у нас шли, о чем спросить фронтовика, а о чем не стоит. Помню наше общее ликование, невероятную радость, когда с далекой-далекой русской деревни пришел ответ от Скурлатова. Мы это письмо все раз на десять, наверное, перечитывали. Прыгали от радости. В душе была какая-то легкость, гармония от того, что мы делали хорошее дело. Мне так жалко, что сегодня дети не пишут никому писем рукой. Компьютеры, смс – это все другое, искусственное. Мне в день сегодня на электронную почту приходят по 100 писем, но они не трогают душу.

«15.10.04 г. Горький

Здравствуйте дорогой Алексей Иванович. Пишут Вам члены Клуба Интернациональной дружбы школы №164 города Горький.

Алексей Иванович, недавно мы узнали, что у вас побывали гости из Болгарии, которые сняли документальный фильм о вашей жизни. Мы знаем, что многолетняя дружба связывает Вас с Болгарией, что Вы несколько раз побывали в братской стране, а теперь сами принимаете гостей из Болгарии. В своем клубе мы рассказываем новым членам

КИДа о всемирно известном памятнике в Пловдиве советским войнам-освободителям, что Вашим именем он назван «Алеша». Мы рассказываем, что Вы были участником освобождения этого Болгарского города.

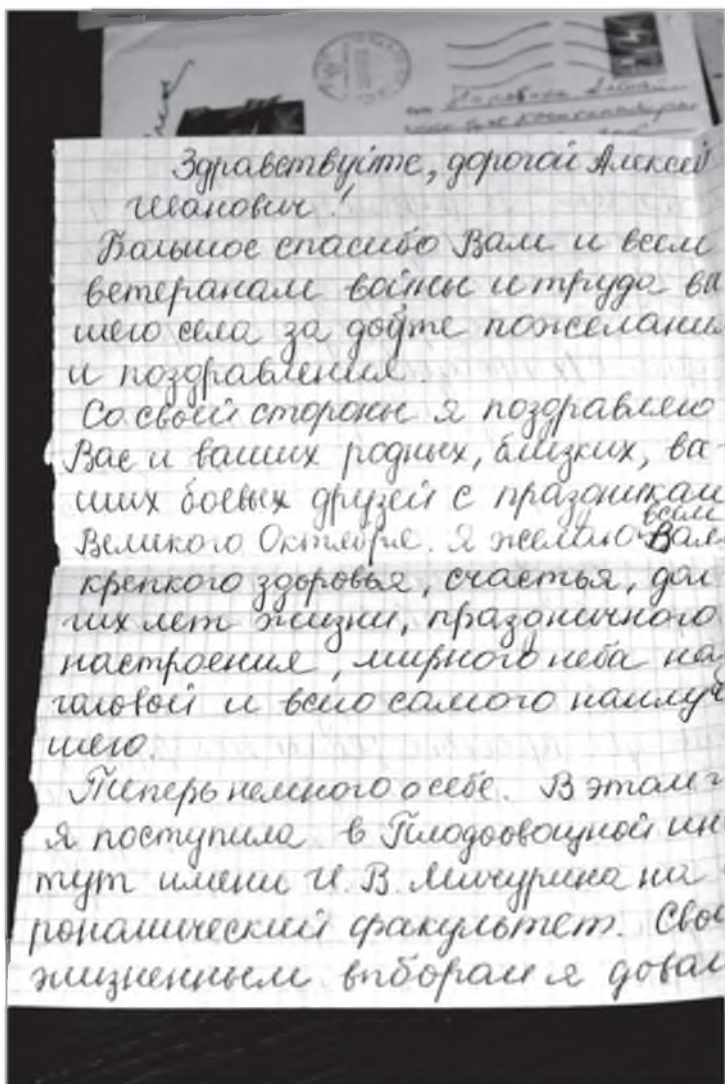
Дорогой Алексей Иванович, от всех членов нашего КИДа желаем Вам крепкого здоровья, успехов Вам и в укреплении мира и дружбы, долгих Вам лет жизни на радость всего миролюбивого народа.

С горячим приветом Ваши друзья».

Сейчас в России нет такого города – Горький. С 1990 года ему возвращено историческое название Нижний Новгород. Мы попытались разыскать ту самую школу № 164. Нашли, поговорили с директором и учителями. Но, увы, сменилось уже несколько поколений педагогов: история переписки с фронтовиком Алексеем Скурлатовым забылась. Но преподаватель Валентина Егоровна Тесс рассказала любопытный момент:

– Лет десять назад на уроке истории одна девочка сделала доклад про памятник «Алеша». И даже выступала на городской конференции. Интерес к памятнику у ребенка возник не случайно, ее мама рассказала, что во время учебы в Москве была волонтером при ветеранской организации и там она лично видела человека, с которого этот памятник сделали и что это фото с ним хранится в их семейном альбоме...

Возможно, мать девочки встречалась со Скурлатовым, потому что в 1970-е и 1980-е годы он действительно ездил в Москву на слеты ветеранов. В семейном архиве Скурлатовых сохранены фотографии.

Здравствуйте, дорогой Алексей
Иванович!

Большое спасибо Вам и всем
ветеранам войны и труда за
много чего за добрые пожелания
и поздравления.

Со своей стороны я поздравляю
Вас и ваших родных, близких, ва-
ших боевых друзей с праздником
Великого Октября. Я желаю Вам
крепкого здоровья, счастья, да-
лих лет жизни, праздничного
настроения, мирного неба на
головой и всего самого наилуч-
шего.

Теперь немного о себе. В этом
я поступил в Государственной ин-
ститут имени И. В. Личуркина на
ромашинский факультет. Свои
личными выборами я добал

Одно из писем Алексею Скурлатову

«Здравствуй наш дорогой легендарный Алеша – Алексей Иванович. От всего сердца поздравляем Вас и Вашу семью с праздником 1 мая, Днем международной солидарности трудящихся, и с Вашим кровным праздником – Днем Победы, желаем Вам огромного счастья, купленного дорогой ценой, ценой собственной крови, Вам, который вместе с миллионами воинов подарили миру – Мир.

Алексей Иванович, у меня нет слов, чтобы описать ту радость, когда в моих руках, оказалось Ваше письмо, письмо самого Алеши, о котором поют песню в нашей стране и дружеской Болгарии. Огромное Вам спасибо за оказанную мне честь. Получила и Ваш подарок – книгу, словно сам Алеша прилетел с Алтая.

Я благодарна Вам за то, что ответили письмом, из которого я узнала о нелегкой Вашей юности, увенчанной самой кровопролитнейшей из войн – Великой Отечественной. Судьба избрала Вас стать символом дружбы и братства народов нашей Родины и братским болгарским народом. Благодаря этой дружбе и был воздвигнут этот памятник «Алеша», Алеша – защитник. И когда в канун сорокалетия Победы в «Советской России» был напечатан очерк об истории написания песни «Алеша», о том, что песня эта стала музыкальным гимном Пловдива, – с ней начинается утро Пловдива.

Так вот, прочитала я очерк и сама захотела во имя Вас (ведь никто же не знал, что вы живы) написать стихи, о том, что Ваши друзья поклялись Вам в верности и несут память о Вас по всему миру. Слава об Алеше везде – и в космосе, и на БАМе...

Но теперь, когда мы узнали, что Вы живы, что Вы есть, это куда Величественнее. Алеша и в переводе

и наяву – защитник. И выполнил свой долг война до конца, неся освобождения от фашизма. Я так рада за Вас, да теперь не только наша семья, но и все мои друзья, знакомые, родные, соседи знают о Вас, рады, что наш Алеша жив остался, выжил! Можете, Алексей Иванович, послать мои стихи Вашему другу Методи Витанову, как стихи народные. Я рада, что мои стихи Вам понравились. А песня «Алеша» у нас тоже любимая. Когда она появилась, мы назвали нашего внука Алешей, верней, назвал его отец в честь Вас. Теперь он в пятом классе. Я писала стихи ветеранам войны к сорокалетию Победы. Теперь я посылаю их Вам, достойнейшему из ветеранов на долгую память.

Ирина Васильевна Черкашина, город Новокузнецк.

К сожалению, разыскать автора письма нам не удалось. В Новокузнецке оказалось более 120 семей Черкашиных, и те, кому мы дозвонились, ничего не знают об этой истории.

«Здравствуй Алексей Иванович, дорогой мой друг Алеша! Отбор слайдов для тебя (в письме много картинок: вырезки из газет, книг открыток – прим. автора), писание аннотаций отняли у меня вчера целый день. Просидел за столом целую рабочую смену – 8,5 часов, и Графиня де Гранде (видимо так автор называет свою жену – прим. автора) ругала меня за это: «Опять давление нагоняешь!». Но дело сделано, вчера я отправил тебе толстые заказные письма, а сегодня с главпочтамта упакованный в плотную бумагу полиэтиленовый пакет, в котором 114 цветных слайдов: десять в коробке, остальные отдельно. Инструкция и аннотация прилагается. Иван Андреевич К.»

История этого письма тоже остается загадкой. Нам даже не удалось выяснить, из какого точно города пишет Иван Андреевич К. Но в чемодане мы нашли еще сотню его писем с разнообразными картинками.

«Здравствуйте, дорогой Алексей Иванович! Большое спасибо Вам и всем ветеранам войны и труда вашего села за добрые пожелания и поздравления. Со своей стороны я поздравляю Вас и Ваших родных, близких, Ваших боевых друзей с праздником Великого Октября. Я желаю всем Вам крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни, праздничного настроения, мирного неба над головой и всего самого наилучшего.

Теперь немного о себе. В этом году я поступила в Плодоовощной институт имени И.В. Мичурина на агрономический факультет. Своим жизненным выбором я довольна. В нашей студенческой группе 25 человек. В среднем у нас по 3–4 пары занятий (одна пара – это два часа). Изучаем самые разные предметы: химию, физику, электрификацию с/х производства, высшую математику, историю КПСС, английский язык, механику, ботанику. Преподаватели наши очень хорошие люди, прекрасные специалисты. Среди них есть немало ветеранов Великой Отечественной войны.

Алексей Иванович, у меня к вам есть две просьбы: если нетрудно расскажите, пожалуйста, о вашем боевом пути, боевых друзьях. И еще. Если можно, то пришлите, пожалуйста, Вашу фотографию. Я очень Вас прошу.

В заключении своего письма хочу пожелать Вам крепкого здоровья, счастья и всего наилучшего. С уважением, Марина».

К сожалению, девушка не написала свою фамилию, поэтому найти ее оказалось просто нереально. Но мы все равно списались с администрацией Плодоовощного института имени И.В. Мичурина. Вуз находится в городе Мичуринске Тамбовской области. Преподаватель Елена Игнатович вспоминает:

– В 1980-е годы студенты вуза вели большую переписку с фронтовиками. У нас был клуб «Встреча», где ребята зачитывали письма со всей России. Конкретно письма от Алексея Скурлатова, я, конечно, не помню. Но точно знаю: переписку студенты ввели от души, по собственному желанию, никто их не принуждал, не заставлял. У нас учился парень – он здорово рисовал, и фронтовикам он отправлял букеты нарисованных гвоздик. Это было очень трогательно. А однажды мы получили одно просто фантастическое письмо (извините, не помню, из какого российского города). Письмо было написано каллиграфическим подчерком, без единой ошибочки, но почему-то в конце каждой строчке не хватало одной-двух букв. И дочитав до конца, мы поняли, в чем дело. Оказывается, автор письма был почти слепой. Письма писал практически «наощупь». Дедушка рассказал, что он совсем один и ему страшно одиноко в квартире, поэтому он пишет письма, а раз в неделю приходит почтальон и помогает ему их запечатывать. И что у него одна мечта: услышать ответ. Письма с ответами ему читают соседи или все также почтальон... После этой истории мы все плакали...

«Здравствуйте уважаемый Алексей Иванович. Пишет Вам Анна – дочь фронтовика Егора Васильевича Быкова. Я совсем не помню своего отца, он ушел

на фронт, когда мне было пять лет. Мама рассказывала, что последнее письмо от него пришло из освобожденной Болгарии. А потом связь прекратилась: ни похоронки, ни весточки. Я не надеюсь, что вы его могли знать, слишком мал такой шанс. Просто, услышав вашу историю по телевизору, решила Вам написать. Сказать спасибо за Ваш подвиг, за вклад в войну с фашизмом. Мы с мужем были на отдыхе в Болгарии, своими глазами видели величественный памятник «Алеша». Какое же было счастье узнать, что солдат Алеша жив, что живет на Алтае. От нашей семьи позвольте пожелать Вам крепкого здоровья и долгих лет жизни. Если будет у вас свободная минутка, напишите мне ответ. Я буду хранить его, как весточку от родного отца. Омск, ул. 40 лет Октября, д. 18-7».

К сожалению, Анна (а вернее Анна Алексеевна Звонкова) умерла в 2007 году. Нам удалось в Омске разыскать ее сына Романа. Он сообщил нам:

– Мама всю жизнь проработала учителем истории, Великая Отечественная война была главной темой, с ребятами она готовила открытые уроки, всегда приглашала на занятия фронтовиков. Уже перед самой смертью в архивах раскопала весточку про отца, моего деда. Он был ранен в голову и умер в 1945 году во время Будапештской операции. Похоронен в братской могиле.

«Уважаемый Алексей Иванович, поздравляю Вас с праздником – Днем Победы. Сегодня все знают, что вы и есть тот знаменитый каменный Алеша, что стоит в Пловдиве на высокой горе. Позвольте передать

вам привет от моего деда Ветерана Великой Отечественной войны Алексея Степановича Петушкова. Он сам вам хотел написать, но немного стесняется. Мой дед прошел всю войну, как и Вы, сражался на Курской дуге, был ранен и лежал в госпитале. Сегодня он часто приходит к нам в школу на уроки, где рассказывает о храбрости советских солдат в схватке с фашистами. Я хочу пожелать вам от всех пионеров нашей страны здоровья, низкий поклон за Ваш подвиг, мы его никогда не забудем!!! Константин. Москва».

Найти автора этих строк не удалось.

«Здравствуй, товарищ дорогой Скурлатов. Не думал, что ты так быстро начиркаешь мне ответ. Рад, что у тебя все хорошо, что полон ты сил и готовишься к ветеранскому слету. У меня к тебе просьба: найди для музея свои фотографии, желательно крупно портрет, ребята будут делать к празднику экспозицию. Как у вас на Алтае с урожаем? Как живет твое село? Мы с супругой в который раз приглашаем тебя в гости, найди, наконец, время для товарища! Я недавно опять читал про тебя в газете, вырезку сохранил. Ну все. Будь здоров! Жду фото. М.К. Рустамов».

М.К. Рустамов – это, видимо, Максим Кириллович Рустамов, ветеран Великой Отечественной войны, который служил вместе со Скурлатовым в 188-й стрелковой Нижнеднепровской Краснознаменной дивизии. Мы наши краткую информацию о нем на сайте, посвященном дивизии. Максим Ки-

риллович умер в 2006 году. До сих пор жива его супруга Анна Валентиновна. Но связаться с ней у нас не получилось.

Отдельная история, как мы искали свердловских следопытов. Тех самых ребят, которые под руководством Леонида Голубева написали про Скурлатова письмо в Болгарию Методи Витанову, благодаря чему вся история и закрутилась.

Мы позвонили в ту самую школу № 3 Свердловска (сегодня это Екатеринбург). Сам Леонид Голубев, знаменитый педагог и директор, умер в феврале 2000 года. Найти его учеников оказалось непросто. Школу несколько раз переводили в разные здания, состав школьников и педагогов менялся. Новый директор школы с грустью констатировала:

– Увы, история ваша интересная, но помочь мы вам не сможем. Даже в нашем школьном музее не сохранилось никаких фактов.

Но мы сдаваться не стали и написали письмо в краеведческий журнал «Уральский следопыт» (он, кстати, издается с 1935 года). Здесь нам подсказали координаты друга Леонида Голубева – известного в Екатеринбурге писателя, участника Великой Отечественной войны Алексея Николаевича Кожевникова. С его электронной почты нам ответил его ученик Антон Петров, сообщил, что он помогает Алексею Николаевичу управляться с компьютером и передаст ему нашу просьбу. Вскоре пришел еще один ответ, с электронной почтой Валентины Анисимовой. В 1985 году она училась в 8 классе и принимала участие в кружке следопытов. Валентина Анисимова нам рассказала:

– Леонид Александрович Голубев был удивительным человеком, он умел вдохновлять детей на

добрые дела. Я помню, что мы занимались поисками разных ветеранов, не только Алеши. Но когда болгарин, не помню, как его звали (Методий Витанов – прим. автора) написал ответ, что мы – нашли, что это и есть тот Алеша, радости Голубева и нашей не было предела. От общества следопытов мы сразу стали писать письма в советские пионерские газеты. Даже собирались приехать делегацией на Алтай, но что-то сорвалось. Хотя я запомнила, что учитель нам сказал: «Алтай – это страна хлеба». И мы хотели приехать осенью, посмотреть на уборку урожая. Я думаю, история Скурлатова многому нас научила. Мы стали верить в свои силы, осознали, что чудеса случаются. И это кредо мне много помогало по жизни. Была тяжелая болезнь, врачи ставили самый страшный диагноз, но я все выдержала, верила в излечение, и недуг удалось побороть. В жизни нужно быть бойцами. Учиться отваге у наших фронтовиков. Сожалею, что многих уже нет в живых. До слез сейчас обидно, что забросили мы переписку с Алешей, но когда были молодыми – университет, новая жизнь, думалось, что все еще успеешь. А оказалось вон как быстро жизнь пролетает...

«АЛЕША»

НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ВОКЗАЛЕ

После поездки в Болгарию Алексей Иванович стал самой настоящей местной знаменитостью. В партии решили, что нужно написать портрет Скурлатова и прислали в Налобиху молодого тогда художника

*Алексей Скурлатов с ветеранами
Великой Отечественной войны
Косихинского района. Фото 1980-х годов*

*Журнал «Земля Сибирская, Дальневосточная»
в 1980-е годы опубликовал большой очерк
про Алексея Скурлатова*

Владимира Проходу (сегодня он председатель правления Союза художников Алтая). О той командировке Владимир Федорович вспоминает так:

– Скурлатова в то время «разрывали на части»: журналисты, активисты, школьники, какие-то общественные деятели. Представьте картину: приезжаю в село, иду по пыльной деревенской улочке и тут мне глава сельсовета говорит: «У Скурлатова все встречи расписаны по минутам, вы его долго не задерживайте». Я сразу представил, что общаться придется как минимум с министром. Даже настроение пропало. Но на деле Алексей Иванович оказался очень простым и приятным в общении. Почему-то предложил мне выйти в огород. Стояли мы возле грядок, шутили. Я почувствовал в нем какую-то доброту, что ли. Помню, он даже как-то по-детски, наивно у меня спросил:

– Что все возле меня кружат? Ну, памятник! Ну, что – меня теперь в музей ставить, что ли?!

Сначала я хотел написать портрет Скурлатова, а потом выяснилось, что спонсором (раньше такого слова не было, но оно уж очень подходящее) картины выступит дорожное управление. Поэтому работа должна будет украшать налобихинский вокзал. Приехав на место, я понял, что о стандартном портрете и речи быть не может. Стены высокие, окна – контровой свет. В общем, нужно было что-то придумать и мне пришла такая идея. Написать не портрет, а болгарский памятник. Я видел фото, мне понравились высокие ступени. И тут стены высокие, картину можно повесить под самый потолок и на первый план ступени, чтобы было впечатление, что сделаешь шаг – и уже поднимаешь к «Алеше».

Скурлатову идея тоже понравилась. Мы еще несколько раз с ним встречались для моего вдохновения.

Он рассказывал мне про Болгарию, про друга Методия, но я, честно сказать, уже не помню тонкостей тех бесед. Картину я писал почти два года, полотно получилось почти два метра. Потом ее торжественно повесили на вокзале, висела она до 1990-х, а потом...

В 1990-е здание вокзала закрыли на ремонт и картина чуть не погибла. Спасли ее простые люди. Письмо в сельсовет написала жительница Новоалтайска (прежде жившая в Налобихе): «Товарищи, нельзя допустить, чтобы картина пропала!»

Глава администрации села Иосиф Абрамович познакомил с письмом бывшую учительницу Марию Калиш и педагога Наталью Кауль. Все вместе, с участием школьников, обратились к железнодорожникам – так и удалось найти картину.

По словам местного художника Василия Степаненко, который реставрировал работу, он не сразу решился на это. Краска осыпалась, пострадала от снега и воды, на полотне зияли дыры, рама была сломана. Реставрация заняла два месяца, закончившись в декабре 2004 года.

Между прочим, краски, кисти, дерево для рамы удалось приобрести благодаря неожиданному союзу: деньги изыскали депутаты крайсовета, член партии «Единая Россия» Виктор Красилов и член КПРФ Виталий Сафронов.

ПЕРЕСТРОЙКА

Когда наступила перестройка, про фронтовика словно забыли. Прерывается связь с Методием. Последнее письмо с фотографией друга Алексей

Иванович получил в 1989 году. Приблизительно тогда же прекратился поток писем от «КИДовцев» (клуб интернациональной дружбы), членов других различных патриотических клубов и обществ. Ничего не знает о судьбе друга Алексей Иванович и очень тяготится этим. В глубине души он всегда ждет 9 мая. А вдруг раздастся телефонный звонок из Пловдива?..

Но все реже приходят письма. Все меньше в селе остается ветеранов Великой Отечественной войны. А молодежи кажется, что история человека-памятника какая-то уж слишком фантастическая, может, и вовсе сочиненная. И Алексей Иванович со своей природной скромностью снова замолкает, не рассказывает о себе.

Затем наступают еще более тяжелые времена: в дом Скурлатова стучится беда. Тяжело заболевает любимая супруга Мария Александровна. Алексей Иванович звонит дочке Нелли в поселок Кадыкчан Магаданской области (сюда она переехала после замужества). Та принимает решение продать квартиру и с мужем и детьми ехать в Налобиху – помогать ухаживать за мамой. Нелли Алексеевне пришлось много натерпеться. Дорого продать квартиру не получилось, из всего имущества осталась машина и вещи. Автомобиль они загнали в контейнер, который шел несколько недель. «Мы сначала думали, что это хорошая идея, а потом как представили – если разворуют контейнер, у нас вообще ничего не останется, спать не могли от волнения» – вспоминает Нелли Куйрукова.

Несколько лет Нелли Алексеевна с отцом ухаживала за мамой, но болезнь победить не удалось. «Отец очень переживал смерть мамы, замкнулся в себе, дома

у нас всегда стоит ее фотография», – говорит дочка фронтовика. Нелли Алексеевна не оставляет отца. Они живут в скромном маленьком домике вместе с зятем Борисом Макаровичем и внуками Андреем и Татьяной. Потом внуки женятся и рождаются правнуки. Скурлатов теперь не просто легендарный фронтовик, но и почетный прадед. У внука Андрея четверо детей: Юра, Арсений, Никита, Маша. А у внучки Татьяны двое: Настя и Алексей. В архиве газеты «Алтайская правда» есть замечательная фотография, где Алексей Иванович с правнуком Алешкой на руках. После 2005 года пресса вновь активно пишет про Скурлатова. Шефство над фронтовиком взял на себя барнаульский военно-патриотический клуб «Русские витязи».

«СКУРЛАТОВ – НАШ ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ!»

Несмотря на свой почтенный возраст, Алексей Иванович Скурлатов всегда был искренне рад гостям. Скакало давление, последние годы частенько кружилась голова... Но когда в дом заходили гости, старик выпрямлялся, тянулся в шкаф за выходной рубашкой и пиджаком. Встречать народ он всегда выходил с улыбкой, и с каким-то неподражаемым ласковым ворчанием: «М-м! Явились – не запылились! А я уж думал, забыли про деда». После таких слов он моментально становился родным, даже те, кто видели Скурлатова впервые, порывались его обнять. Алексей Иванович до последнего не терял задора. Женщин он не только обнимал, но и ради шутки мог чмокнуть в щечку. Да еще и сказать: «Хороша Маша,

жаль не жена наша!». Вот так: легко, теплом, с юмором принимал Скурлатов посетителей.

Осенью 2013 года мы пили чай с Алексеем Ивановичем, когда к нему приехала болгарская делегация. Камеры, диктофоны, много журналистов. Все хотят с ним сфотографироваться, что-то спросить. После напряженного часа я задаю ему вопрос: «Алексей Иванович, а вы не устали?». Скурлатов поворачивается лицом к камере: «А чего же... Пусть снимают. Хуже будет, если забудут о нас, ветеранах...»

Уже потом на кухне дочь фронтовика Нелли Алексеевна мне рассказала:

– Важно отцу внимание! Всегда ждем и писем, гостей, смотрит на себя в телевизоре, вдохновляется. Этого же не только Скурлатову, это всем нашим дедушкам и бабушкам не хватает. Для пожилого человека внимание – второй хлеб, драгоценная пилюля от всех хворей.

Последние десять лет самыми частыми гостями в доме Скурлатова стали ребята из барнаульского военно-патриотического клуба «Русские витязи». Могли в месяц к нему приезжали по два-три раза. Зимой помогали чистить снег, летом – копать огород. Это была особая дружба: ветеран заряжался от них энергией, а мальчишки смотрели на статного фронтовика и без учебников понимали, что такое доблесть, честь, как это – быть героем.

Последний раз ребята приехали к Алексею Ивановичу за две недели до его смерти...

Создатель и руководитель клуба Нелла Федоровна Маркова рассказывает:

– Наш клуб образован на базе строительного училища. Сюда попадают парни из простых семей,

есть те, кто из детдомов. Увы, многие не знают не то что дедовской, но и отцовской и материнской любви. Скурлатов был для них всех любимым дедушкой, на которого хотелось смотреть и равняться, к которому можно было упасть на плечо, посмотреть вместе с ним фотоальбом, почувствовать человеческое тепло...

Нелла Федоровна вспоминает, как впервые увидела Алексея Ивановича:

– Мы познакомились в 2001 году в Барнауле, в театре праздновали 60-летие системы профтехобразования на Алтае. Мы сидели со Скурлатовым в одном ряду – он ведь еще и выпускник Троицкого училища механизаторов широкого профиля. Кстати, со сцены никто даже не объявил, что это тот самый Алеша, прототип памятника. Ветеран и ветеран. А я сразу заинтересовалась его орденами и медалями: орден Красной Звезды, какая-то иностранная награда... Думаю: нужно обязательно пригласить такого почетного фронтовика к нам в училище на урок мужества. Обменялись координатами. А потом, приехав к нему в гости, в скромный домик в селе Налобиха, я узнала, что это за герой передо мной! Только писем со всего света у него в комнате целый чемодан! Пока мы смотрели фотографии и вырезки из газет, ребята «Русские витязи» помогли хозяину в огороде: натаскали воды, полили грядки. Скурлатов в долгу не остался и вытащил из погреба банки с маринованными грибочками и вареньем. Кстати, ягоды и грибы он всегда собирал сам. Только последние два года отказался от своего увлечения. Так завязалась наша крепкая дружба.

Алексей Иванович с дочерью Нелли

Наши знаменитый Алеша

Вскоре Алексей Иванович приехал в училище на торжественную присягу новобранцев клуба «Русские витязи». Нелла Федоровна рассказывает:

– Он поразил нас всех! Его выправке могли позавидовать молодые. Глядя на такого ветерана, парни наши разволновались, а произнося клятву, чуть слезы не проронили. Почувствовали они на себе взгляд настоящего, не из книжек или фильмов, героя!

Алексей Иванович вышел на сцену и сказал короткую речь: попросил мальчишек не отлынивать от армии, не бояться защищать Родину. Это было так искренне, так от души, что все, кто был в этот вечер в училище, по-другому посмотрели на себя и свою жизнь. Это был такой урок!

Ребята из училища стали помогать ветерану, можно сказать, взяли над ним шефство. Отремонтировали тротуар возле калитки, прикрепили на стене дома памятную красную звезду – чтобы все знали, что за человек живет здесь. Кстати, такие звезды (ребята их вырезали из дерева сами) получили все фронтовики села Налобиха. Зимой мальчишки чистили улицы от снега, чтобы участники Великой Отечественной войны могли спокойно дойти до почты, магазина.

Об этом в газете «Алтайская правда» был репортаж под заголовком «Звездопад»:

Двадцать ребят из барнаульского военно-патриотического клуба «Русские витязи» (профессиональное училище № 16) прикрепили именные звездочки на дома ветеранов Великой Отечественной войны. Обычно про фронтовиков у нас вспоминают на 9 мая, а тут парни решили сделать старикам новогодний сюрприз.

К 87-летнему Григорию Макаровичу Медведеву парни приехали во время обеда. Дед уже почти три года не встает с постели, но барнаульским студентам был очень рад. За полчаса они раскидали у ограды весь снег, натаскали в дом воды из колонки. На одной улице с Медведевым живет еще один ветеран – 83-летний Семен Петрович Немыкин. Он помоложе, да и дети помогают. «Ни в чем мы не нуждаемся, – скромно рассказывает нам супруга София Александровна. – Даже печку недавно отремонтировали!». Ребята не только очистили двор от снега, но и сфотографировали ветерана и его медали – все это для специального альбома, который «Русские витязи» в ближайшее время подготовят для музея. Ветеран не выдержал, расчувствовался: «Да вы мои золотые! Что ж не предупредили – мы бы хоть конфет купили».

81-летний Петр Михайлович Галкин сначала встретил ребят холодно: «Болею я». Но когда те стали спрашивать про войну, закричал, но полез в комод за старенькой коробочкой: «Вот глядите, какие у меня медали. Да и трудовая книжка вся в благодарностях».

Иосиф Абрамович, глава Налобихинского сельсовета, поделился с «АП»:

– Сельчане очень благодарны «Русским витязям», они для нас как родные. Наши местные ребяташки стараются брать с них пример: недавно организовали волонтерскую бригаду, тоже ходят по домам, помогают старикам.

Алексей Иванович Харитонов после фронта всю жизнь проработал в селе фельдшером. Увидел на своем доме звезду и чуть не расплакался. Говорит: «Я не

то что звезды – письма сто лет ни от кого не получал! А тут такое украшение на избе!» Всего ребята навестили 22 ветерана. И так запали в душу старикам, что многие не хотели их отпускать. Особенно тепло «Русских витязей» встретил наш знаменитый земляк Алексей Иванович Скурлатов (прототип памятника русскому солдату-освободителю в Болгарии), дочка фронтовика Нелли Алексеевна угощала горячим борщом и пельменями. А Алексей Иванович сказал мальчишкам, что такого праздника, как сегодня, давно не было: «Все деды в Налобихе точно спать не будут, на звезды будут глядеть»...

Многих из этих ветеранов, как и Скурлатова, уже нет в живых. А красные звезды памяти остались...

Еще летом 2007 года ребята решили осуществить давнюю мечту Алексея Ивановича Скурлатова: построили ему баньку. Кстати, принимать новострой приехала от «Алтайской правды» и я с фотокорреспондентом Андреем Каспришиным. Помню, хозяева вынесли на улицу большой раздвижной стол. Сколько там было угощений! В центре большая шкворчащая сковорода с деревенской молодой картошкой, которую жарили с грибами и болгарским перцем. Мы с Андреем смутились: «Так мы же баню не делали! Это пусть мальчишки едят». Но Алексей Иванович шуткой все расставил на свои места: «Садитесь, кому говорят! Раз баню не делали, мы вас мыться не пустим, а обедать извольте!».

Банька получилась красивая. Один из строителей Андрей Морозов вспоминает:

– Самое сложное было укладывать фундамент, мы очень хотели, чтобы банька получилась не тяп-ляп,

а красивая. Алексей Иванович контролировал процесс и даже подшучивал: «Во, молодежь какая, щас как даст деду бани!». Мы работали впятером с восьми утра до девяти вечера. Баню собрали за неделю.

– Это не баня, а мечта, – радостно хлопотала за столом дочь Алексея Ивановича Нелли Алексеевна, – парилка получилась просто замечательная и предбанник просторный. Но больше всего приятно, что работали ребята от души: над каждым бревнышком тряслись, все щелочки замеряли. А вечерами еще веселили нас концертами – пели фронтовые песни под гитару...

Наше застолье тоже не обошлось без песни. Мы дружно затянул на весь огород «Стоит над горою Алеша». Алексей Иванович пел с нами и даже пританцовывал. Ему тогда было всего-то 85 лет...

Клуб «Русские витязи» основан на базе барнаульского строительного училища № 16 в 1979 году. Среди выпускников клуба – более 500 воинов-интернационалистов, прошедших службу в Афганистане и Чечне. В клубе «выросли» два генерала, Герой Советского Союза, десять кавалеров ордена Мужества и пятьдесят кавалеров ордена Красной Звезды, 200 воспитанников награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». «Русские витязи» постоянные победители всероссийских слетов военно-патриотических клубов в Анапе. Ребята постоянно проходят стажировку в воинских частях, изучают рукопашный бой, ведут шефство над ветеранами, занимаются исследовательской работой по истории. В музее училища № 16 есть немало

уникальных экспонатов, связанных с Алексеем Ивановичем Скурлатовым. Ребята создали стенд «Наш легендарный земляк», на котором представлен боевой путь Алеши, фотографии из Болгарии, письма. Здесь можно найти сочинения и творческие рефераты учащихся, посвященных знаменитому фронтовику.

На заметку

Картошка по-скурлатовски

Кстати, блюдо это русско-болгарское: наш русский картофель плюс болгарский перец. Даже в еде Скурлатов не забывал про Болгарию! Молодой картофель не варится, а жарится на сковороде «в мундире». Алексей Иванович это блюдо очень любил и называл его «боевой картошкой», потому что «в форме» (т.е. в мундире) и, как большинство солдатиков, горячая и молодая.

Приготовление:

– промываем молодой картофель, режем на дольки. Солим, бросаем на раскаленную сковороду с подсолнечным маслом. Кладем туда же грибы. Когда картошка подрумянится, режем кольцами свежий болгарский перец и добавляем в сковороду. Убавляем огонь, тушим минут 30, чтобы пропеклись грибы. Приятного аппетита.

АЛЕКСЕЮ ИВАНОВИЧУ – 85, а АЛЕШЕ – 50!

Губернатор края Александр Карлин не остался равнодушным к истории Алеши. Он часто приезжает к Скурлатову в гости, поздравляет его и всех

ветеранов с 9 мая. При поддержке краевых властей семья переезжает в новый просторный дом с газовым отоплением. Теперь у Алексея Ивановича есть собственная ванная, большая спальня, где можно расставить памятные ему вещи: фотографии, миниатюрную копию памятника Алеше, боевые награды. Возобновляется переписка с Болгарией. Методия Витанова уже нет в живых, но Скурлатову опять пишут школьники. А в гости приезжает консул Болгарии в Новосибирске Пламен Стоянов. В 2007 году Алексея Ивановича вновь приглашают в Пловдив на юбилей «Алеша» – памятнику 50 лет. Скурлатов очень хочет вновь побывать в Болгарии, но здоровье уже не то, врачи запретили перелеты. Вместе него летит дочь Нелли Алексеевна и помощники ветерана – ребята из военно-патриотического клуба «Русские витязи».

Нелли Алексеевна вспоминает поездку в Болгарию:

– Нас встретили в аэропорту Софии и сразу повезли в Пловдив. Выделили специальный автобус, который был с нами все дни, переводчиков, поселили в гостинице (расходы взял на себя оргкомитет мэрии города). Погода стояла хорошая, температура воздуха плюсовая, зеленая трава, цветы и даже листья на деревьях. На следующий день, пока народ собирался на площади перед памятником, там звучали песни: «Ах, война, что ты сделала, подлая?», «Десятый наш десантный батальон» Окуджавы, «Он не вернулся из боя» Высоцкого и другие. Мы их сами давно не слышали, настроение еще больше поднялось.

Праздник начался с торжественной церемонии: запели фанфары, выстроилась рота почетного караула, командир отдал рапорт. Ведущий Стоян Миндов

всю церемонию вел очень душевно, с искренними интонациями в голосе. Это и без переводчиков было понятно. Он вспомнил историю создания памятника «Алеша» и его авторов: архитекторов, скульпторов, камнерезов, строителей. Не забыл и о друге отца Методии Витанове, который еще на строящемся памятнике написал имя «Алеша». Он не дожил до этого праздника. Его высокопреосвященство Пловдивский митрополит Николай отслужил молебен в память о погибших.

Потом выступили председатель Народного собрания Болгарии Георги Пирински и посол России в этой стране Анатолий Потапов. Он напомнил, что прежний мэр Пловдива поклялся снести памятник «Алеша», объявив его личным врагом и пережитком коммунистического режима. (Нынешнего мэра города избрали перед самым праздником, он еще не успел официально вступить в должность, но на церемонии присутствовал). Пловдивцы два года противостояли ему и не дали уничтожить памятник. Посол поблагодарил их за это и за торжества, устроенные в честь 50-летия памятника, отметив, что такое мероприятие значимо как для Болгарии, так и России.

Хотя губернатор Тодор Петков выступал на болгарском языке, нам многое было понятно. Он говорил о значении для них памятника «Алеша», который как стоял, так и будет стоять. «Фигура солдата-освободителя наполняется для нас все новым смыслом. Его автомат опущен вниз, значит, пришел не воевать, а принес мир, лицом повернут на восток, а спиной к Германии – тоже символично». Кстати, накануне наша делегация вручила Петкову памятный адрес от губернатора Алтайского края Александра Карлина.

Нелли Алексеевна с особым удовольствием отмечает выступления на празднике болгарских и русских артистов. Мальчишки из местного хора кадетов прекрасно исполнили песню «Алеша» на русском языке. Им подпевали все зрители. Оперный певец Ивайло Михайлов потряс собравшихся «Катюшей» и «Калинкой».

Московский фольклорный ансамбль «Ладанка», в составе которого оказался барнаулец Александр Платонов, исполнял народные, казачьи песни и, конечно, «Алешу».

Закончилось торжество возложением многочисленных венков к подножию памятника, гимном Болгарии и праздничным салютом. Барнаульские парни из клуба «Русские витязи», трехкратные победители всероссийских соревнований военно-патриотических клубов, стояли в почетном карауле вместе с ротой болгарских солдат (страна входит теперь в НАТО), развернув перед ними трехцветный российский флаг. Его с гордостью держал третьекурсник Дмитрий Есин. Ребята исполняли на празднике патриотические песни и позже показывали приемы рукопашного боя, что вызывало восторг у зрителей.

После праздника мы встречались с жителями города. Я передала им от отца сердечный привет, благодарность и низкий поклон за то, что сохранили памятник советским воинам. Он действительно очень похож на отца. И болгары это сразу отметили, когда посмотрели видеофильм.

Встреч было много: с болгарскими школьниками (на наших похожи, любознательные, эрудированные), с клубом соотечественников, детьми работ-

ников российского посольства и, конечно, с ветеранами войны. Везде нас встречали очень тепло и доброжелательно.

Любовь и уважение простых граждан страны к русским сильнее всего почувствовали на себе, когда мы посетили Шипку, Софийский собор в столице Болгарии, Батьковский монастырь, где находится чудотворная икона Божией Матери. Туда приезжают лечиться со всей страны, из-за рубежа. Это в горах, 130 километров от Пловдива. Нас возили на кладбище, где похоронены советские воины. Болгары очень гордятся тем, что «ни одна болгарская пуля не ранила ни одного русского солдата». А на кладбище похоронены только те, кто умер в госпиталях, получив ранение до вступления Красной армии на территорию Болгарии. Могилы все ухожены, с надписями, у каждой плиты цветы. Перед отъездом, уже в Софии, всей алтайской группой мы возложили две корзины цветов к монументу Советской армии в честь павших.

Вечером памятник «Алеша» на горе подсвечивается со всех сторон. Смотрится великолепно: настоящий русский богатырь! Едешь мимо, волнение охватывает. Не зря его считают самым красивым памятником советским воинам-освободителям в Европе. Он один имеет собственное имя!

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В последний раз я видела Алексея Ивановича в июле 2013 года. Мы приехали, чтобы отвезти его в Косиху, в райцентр, на торжественное мероприятие,

посвященное 70-летию победы в Курской битве. Но сначала, как водится у Скурлатовых, нас усадили за стол, да не чай пить, а обедать – с первым, вторым и третьим, по-скурлатовски.

Ходили по его новому дому, купленному ему как ветерану, по президентской программе. Он показывал свое удостоверение болгарского офицера, сувенирный памятник самому себе. Смотрели фотографии – незадолго перед тем к Алексею Ивановичу в очередной раз приезжали болгары с Бисером Кировым во главе.

Он был после операции, в каком-то бандаже, но к своим представительским обязанностям относился всерьез. Поехали.

Так вышло, что в зале наши места оказались рядом, и когда зазвучала песня «Стоит над горою Алеша», я заметила, что губы у ветерана шевелятся – он тоже пел всем известные слова. А при последних коротко вздохнул – тяжелая она все-таки, песня про тех, кто не вернулся с войны.

Сам Алексей Иванович в последние годы про войну не рассказывал – отделялся разными шутками-прибаутками, которые, судя по всему, тут же сам и сочинял. Уже давно считалось, что Алексей Иванович плохо слышит, но я заметила, что когда все кругом начинают говорить о войне, глаза его влажнеют. Думаю, он все слышал, просто не обо всем уже хотел говорить. Несколько лет назад он так объяснил мне свое нежелание вспоминать о войне: «Страшное это было дело. А кто любит страшное вспоминать?» Война – это его рана и в переносном, и в самом прямом смысле: с войны и до конца он носил в спине осколок, с ним и похоронен.

Еще одну песню про него – «Держись, Алеша!» – спел тогда майор погранвойск Сергей Редькин.

– У меня музыкальная семья, пели бабушка и мама, и песня «Стоит над горою Алеша» была одной из самых любимых в семье, – рассказывал Сергей. – Поэтому сегодня очень торжественный для меня момент: петь песню об Алеше и для Алеша да еще в таком месте, на родине Германа Титова, – это высший космический пилотаж!

Тогда казалось, что старик доживет до ста лет. Да, у него всегда что-то понемногу прихватывало и все как-то свыклись – ну не может же в 90 в лишнем лет человек быть совершенно здоров...

Дочери Нелли Алексеевне тяжело рассказывать, на глазах – слезы:

– В последние годы отец перенес серьезную операцию, но всегда крепился. У него была такая воля к жизни! Когда лежал в больнице, я ему в палату принесла икону Алексея, человека Божьего. Она стояла у него на тумбочке. Вообще отец крестик не носил, можно сказать, был атеистом. Да и в советское время не принято было в церковь ходить. А здесь он стал молиться... И потом дома уже, когда заболит спина, он тихонько шептал на кровати: «Боженька помоги, не оставь»...

Последние годы Скурлатова донимала спина. Еще в 1943-м, когда он был контужен, в спину, почти в позвоночник, попал осколок снаряда. Врачи не решились оперировать. Рана зажила, но к старости вновь начала тревожить. Осколок словно пытался выйти: гноился, нарывал. Алексей Иванович никогда не жаловался, но спать ему было на спине не просто. Мазали всякими мазями, но «фашист», как

Скурлатов называл этот кусок металла, продолжал мучить...

До последнего Скурлатов ходил гулять в лес. Нелли Алексеевна говорит:

– По утрам ему вставать было тяжело, но он, стиснув зубы, одевался, обувался и тихонечко выходил на улицу. Раньше шагал бодро, после 90 уже медленнее. У отца был свой маленький секрет. Перед смертью он мне его рассказал. Где-то в лесу была у него своя березка. Он каждый день ходил к ней, здоровался, обнимал, говорил с ней. И вроде как отпускала его сразу болезнь, легче на душе было. Сейчас где-то стоит эта самая березка, наверное, скучает без своего друга Алеши...

ПРОЩАНИЕ

В октябре 2013 года у Скурлатова была Нэлла Маркова.

– Смотрю – у него сильное кровоизлияние в глаза, – рассказала она мне потом. – Это значит давление. Я говорю – в больницу его надо.

Однако Скурлатов от клиники наотрез отказался. Через несколько дней ему стало совсем плохо, его перевезли в одну из больниц Барнаула, сделали операцию, но Скурлатов впал в кому и в девять вечера 3 ноября умер. Вот так – только с третьего раза смерть управилась с русским богатырем...

...Хоронили Алексея Ивановича 6 ноября. Дом культуры, где проходило прощание, заполнили люди – разных возрастов, городские и деревенские,

*Дочь Нелли Алексеевна в день прощания
сло бим ым от цом ...*

Красная Звезда Алексея Скурлатова

земляки и те, кто приехал издалека. У гроба сидели родственники – дочь Нелли Алексеевна, внуки и правнуки Алексея Ивановича. Приехавшие проститься шли мимо гроба без перерыва, а потом оставались в зале. Когда в зале вдруг зазвучала песня «Стоит над горою Алеша – в Болгарии русский солдат», то даже мужчины не смогли сдерживать слез.

В почетном карауле стояли «Русские витязи». Проститься с другом, несмотря на слабое здоровье, пришел Петр Дементьевич Харланов, тоже фронтовик, знавший Скурлатова с 1950 года.

– Он воевал, и я воевал. А познакомились уже после войны, когда работали вместе в МТС, – рассказал мне Петр Дементьевич. – Он был хорошим товарищем, работающим мужиком. А суббота-воскресенье – на рыбалку. Причем ему больше везло. Однажды он щуку вытащил килограмма на три... В последний раз мы виделись буквально в начале ноября.

– Я мимо его дома бегал в школу, – вспоминал Валентин Бороздин, полковник запаса, председатель совета ветеранов УФСБ России по Алтайскому краю. – И если он был в ограде, всегда спрашивал, как дела? Я мечтал стать военным, бегал в фуражке, и он мне однажды сказал: «Если решишь стать военным, я тебя благословлю». И когда я, уже курсант военного училища, приезжал домой в отпуск, то обязательно был допрос у Алексея Ивановича об успехах и видах на дальнейшую службу. А когда, уже будучи офицером, я стал оформляться в КГБ, он мне сказал: «Я был на фронте разведчиком, выполнял специальные задания и

*«Русские витязи» несут портрет
Алексея Скурлатова*

*Односельчане провожают Алексея
в последний путь...*

Прощание

Салют в память об Алексее

поддерживаю твой выбор...» Когда в Новосибирске открылось генеральное консульство Болгарии, мы возили Алексея Ивановича туда. Болгары были потрясены – они-то думали, что он умер в конце 90-х годов, а он живой!..

Похоронили Алешу с воинскими почестями, под троекратные винтовочные залпы.

Хотя и это, третье известие о его смерти ошибочно – жив Алеша! Жив, пока помним мы его, пока живет людская благодарность, пока стоит его памятник над болгарским городом Пловдивом – и пусть он стоит вечно...

В БОЛГАРИИ. ПРИКАСАЯСЬ К ИСТОРИИ

Глава пятая

В ДОРОГУ

Удивительная история памятника «Алеша» чудесным образом крепко объединяет Алтай и Болгарию. И это тот случай, когда нелепо выяснять, чья сторона сыграла главную роль.

Если бы не алтайский солдат-богатырь Скурлатов, неизвестно, получил бы памятник имя «Алеша» и стал бы он таким любимым в народе, символом города Пловдива, и родилась бы вообще песня «Стоит над горою Алеша»?

С другой стороны: если бы не дотошный болгарин Методий Витанов, узнал бы хоть кто-нибудь, что именно простой солдат с Алтая стал прообразом великого памятника? Да и вообще, был у каменного солдата живой прототип?

В 1990-е годы умирает Методий Витанов. 3 ноября 2013-го, на 92-м году, уходит из жизни Алексей Иванович Скурлатов. Люди не вечны. Но каменный «Алеша» все также стоит над горою, все также смотрит на город, хранит только ему ведомые тайны.

Работая над этой книгой, мы постарались собрать всю информацию про Скурлатова, имеющуюся в российских архивах, музеях, библиотеках, поговорили с людьми, лично знающими Алексея Ивановича. Но вторая – болгарская сторона была для нас недоступна. Как и где умер Методий Витанов? Кто продолжает его род? Как строился в Пловдиве памятник, какие с ним были истории и коллизии? Об этом мы могли только догадываться.

Но в июле 2014 года, при поддержке краевой администрации, была организована поездка в Болгарию, в Пловдив, к «Алеше». Чтобы, пока еще не поздно,

Высота каменного «Алеши» – 11 метров

найти тех, кто своими глазами видел, как строился памятник, как судьба закручивала эту невероятную русско-болгарскую историю. И на пловдивской земле мы раскопали новые, еще неизвестные широкому кругу факты об «Алеше».

«АЛЕША» ВСЕХ ВСТРЕЧАЕТ

От Барнаула до Пловдива более 5 500 км. До Софии (столица Болгарии) с пересадкой в Москве 7 часов на самолете. А потом из Софии до Пловдива нужно ехать два часа на автобусе. Билет стоит 11 левов (300 рублей), и рейс – каждый час. Маршрут этот очень популярный. То же самое, что у нас из Барнаула до Бийска. И, как мне пояснили, автобус всегда полон.

Моя попутчица (очаровательная пожилая дама) приветливо улыбается. Оказалось, француженка, зовут Надин. Она едва говорит по-русски, изъясняясь жестами и на английском. Надин интересуется, к кому еду. А когда узнает, что к «Алеше», чуть не подпрыгивает с сиденья: «Я знаю Альошу! Это русский великан на горе!» В Пловдиве у француженки живет родная сестра с дочкой. «Когда племянница окончила школу, они всем классом фотографировались на фоне «Алеши». Девочка выросла и уже невестой ездила возлагать к памятнику цветы. Эти фото я получала по почте, храню их в Париже в семейном альбоме, – говорит она мне. – А где жил этот Алеша?» Я смотрю в автобусное окно и не верю своим глазам. Пейзаж удивительно похож на наш, алтайский: словно желтое море, поле, до горизонта усеянное

подсолнухами. Отвечаю: «Алексей Иванович всю жизнь прожил в селе среди таких же вот полей». Надин изумляется: «В Сибири же холодно?! Или я что-то про вас не знаю?»

Въезжая в город, автобус кружит по узким улочкам (по российским меркам Пловдив городок небольшой, всего 370 000 жителей), и вдруг эмоциональная Надин хватает меня за руку и кричит: «Вон он, твой Альошка!» И действительно, над домами и деревьями появляется силуэт. Здравствуй, «Алеша», привет тебе с Алтая!

Я читала, что памятник русскому солдату в Пловдиве виден из любой части города. Так и есть. Но вот любопытный момент: если подойти к подножию горы совсем близко, то «Алеша» вдруг исчезает. Местные говорят: «Прячется за деревьями, как опытный разведчик».

На вокзале меня встречает гид-переводчица Татьяна, и сразу получаю от нее приятное известие: «Этим летом я показывала памятник «Алеша» вашим алтайским ребятам – школьникам из Налобихи. Чудесные дети! Покорили меня кругозором! Я двадцать лет гидом проработала, а они не хуже меня историю нашего города знают. Рассказали мне такие интересные факты из биографии Алексея Ивановича Скурлатова! Я подумала, здорово бы нам было завести переписку с ними, так же, как Скурлатов переписывался с Витановым».

Выясняю, что мой отель расположен рядом с центральной площадью и зданием главпочтамта. Напомним вам, уважаемые читатели, что, по легенде, именно на этой почте познакомились Скурлатов и Методий Витанов. Якобы пошел наш Алексей с то-

варищами отправлять весточку на Алтай. Слово за слово – завязался разговор. Но как спустя столько лет проверить эту версию? Найти ниточки?

– В 1980-е годы здание почты перестроили, оно стало больше, но вот место осталось без изменения. Так что можно быть уверенными: именно сюда приходил Скурлатов... – говорит Татьяна.

Здание главпочтамта огромное, четырехэтажное, белого цвета. Стоит на бульваре Царя Бориса III, и перед ним площадь, где всегда много туристов. Дело в том, что в 200 метрах от этого места – римский амфитеатр. Уникальный объект, сохранившийся со времен Римской империи. Поясню: Пловдив – это город, которому свыше 6 000 лет, он старше Рима, Афин, Карфагена, Константинополя, и здесь археологи постоянно находят бесценные артефакты. Например, в 1972 году, во время оползня, в центре города просела земля и показалась римская арена. Сейчас амфитеатр реставрирован. Считается, что он сохранился лучше других подобных сооружений в мире.

Татьяна мне поясняет:

– Болгары боялись, что фашисты разгромят и разворуют Пловдив, поэтому красноармейцы для них были как ангелы, способные защитить. Вот здесь на площади прошел торжественный митинг-встреча советских воинов. В архивах сохранились данные, что была построена и украшена живыми цветами гигантская арка вышиною с жилой дом, через которую прошли солдаты.

От почты начинается длинная зеленая улица с домами XVIII века и высоченными, необъятными деревьями. Кроны такие пышные, что кажется, они

образуют зеленый купол, и ты шагаешь не по тротуару, а по просторному замку.

Татьяна рассказывает:

– Вот так же, как и мы, в 1944-м здесь шли и советские солдаты. Кто знает, может, возле этого дерева останавливался Скурлатов?

В надежде найти в подшивках старых газет и официальных документах хоть какие-нибудь важные факты мы отправились с Татьяной в городской архив.

ВЕРСИИ И СУДЬБЫ

В это трудно поверить, но ни в одном музее, ни в одном архиве Пловдива не сохранилось никаких документов о дислоцированных здесь частях Красной армии.

Я тоже в это сначала не поверила и повела себя, как мне кажется, даже нахально, попросив архивистов еще раз заглянуть в каталог. Чтобы у меня не осталось сомнений, сотрудник протянул мне книгу известной болгарской писательницы и журналистки Вербы Чавдаровой. За одно название я готова была ее расцеловать – «Ищем тебя, Алеша!». Оказывается, в 1980-е годы пловдивские журналисты даже организовали экспедицию, чтобы найти тех советских солдат, которые были в Пловдиве и сыграли в истории города большую роль. И таких, как выясняется, было немало. Книга на болгарском, но Татьяна мне переводит вступление, где черным по белому написано:

«Ни в одном музее, ни в одном архиве Пловдива не сохранилось никаких документов о дислоцированных здесь частях Красной Армии»...

Архивариус нам говорит:

– Время было такое, непростое – война... Людям было не до сбора фактов. Но кое-какая информация про памятник у нас есть.

И вот первая удача. Перед нами постановление о закладке мемориала, датированное 1947 годом!

Оказывается, идея возвести памятник советским солдатам родилась еще в январе 1947 года. Такое предложение внес общегородской инициативный комитет Пловдива. Первоначально планировалось построить небольшой мемориал и открыть его в кратчайшие сроки – уже к 9 мая 1948 года. Но затем комиссия решает, что спешить в таком деле не стоит, и задумывает уже грандиозный проект. Среди болгарских архитекторов, художников, скульпторов объявляется большой конкурс на лучшую идею для памятника.

Сначала на холме хотели сделать большую гробницу, а в ней захоронить останки погибших русских солдат.

Читаю: «9 мая 1947 года на месте будущего мемориала прошел торжественный митинг. Собрался почти весь Пловдив. Любопытный эпизод: на холме в одной из ближайших скал была даже выдолблена особая ниша, в которую под аплодисменты собравшихся положили капсулу с посланием будущим поколениям. Текст был написан на специальном нетлеющем пергаменте и украшен рисунками болгарского художника Димитрия Павлова».

Татьяна не верит своим глазам, уверяет меня, что эта запись – сенсация. «Нужно сообщить об этом

нашим ученым, наверняка про капсулу просто забыли и она до сих пор в скале», – говорит мой переводчик.

Копаем дальше. Сразу после митинга начался сбор средств на строительство памятника. И здесь, в старых документах, мы тоже находим новые факты. Оказывается, чтобы собрать деньги, мэрия Пловдива совместно с народным комитетом приняла решение увеличить цены на билеты в кино и театры, выросла туристическая такса. Все эти надбавки горожане одобрили, ведь полученные таким образом средства шли на памятник. Большую сумму внесли меценаты и общественники. Самые активные среди них – женские организации. Например, 1000 левов пожертвовало болгарское дамское общество любителей шляпок, Союз офицерских жен собрал 10 000 левов, Союз болгарских партизанок – 20 000. К 1948-му (за один год!) собрали всю необходимую для мемориала сумму – 6 405 000 левов.

Дальше – новый поворот. Идея с гробницей уже кажется жителям слишком унылой, стартует конкурс на новый проект памятника. С 1948 по 1954 год специальная комиссия заседает более 20 раз. В конкурсе участвует шесть макетов, но каждый строгое жюри отправляет на доработку. И только к 1952 году проект «Красный богатырь», который и стал впоследствии «Алешей», был выбран для работы.

Открытие памятника прошло 5 ноября 1957 года. Сохранились хроники, описывающие этот день: «небо было синим, почти безоблачным, площадка перед памятником полна людей. Наступает финальный момент: на площадке перед монументом встают представители центральной и местной власти,

аккредитованные в Болгарии работники советского посольства и посланники других государств-участниц войны с фашизмом. Все они произносят речи и возлагают цветы и венки. Интересный факт: всю неделю после открытия у памятника многолюдно, сюда идут и идут граждане со всей Болгарии, даже вечером здесь дежурят люди со свечами в руках.

Пловдивский ежедневник «Отечественный голос» публикует после открытия памятника такую передовицу:

«На самой высокой точке холма Бунарджик стоит памятник воинам-освободителям, ему говорят фамильярно «Алеша», как будто каждый житель Пловдива знал его лично. Не существует иного памятника у нас в Болгарии, да, пожалуй, и во всем мире, у которого было бы такое теплое и простое имя – «Алеша». Настоящих ветеранов войны осталось мало, еще меньше их будет через 20–30 лет. И наши дети будут приходить к «Алеше», смотреть и представлять какой же он был – русский солдат».

Важный для нас факт. В 1960-е годы именно в еженедельник «Отечественный голос» начинают поступать письма и звонки от читателей с просьбой рассказать в газете, почему памятник называется именно Алешей, а не Васей или Петей.

Коллектив редакции собирает строителей, архитекторов, историков – но никто не знает точного ответа – почему же Алеша? Все говорят одно: «Так прижилось, так назвал сам болгарский народ». Вопрос остается открытым. И в 1979 году (к 25-летию со дня открытия памятника) редакция объявляет что-то типа конкурса, чтобы читатели присылали свои истории, в честь кого «Красный богатырь»

стал «Алешей». Одним из первых на призыв газеты откликнулся Методий Витанов. Он, кстати, еще в 1974 году написал открытое письмо в советский журнал «Огонек», что ищет друга «Алешу» (так что мы не можем его упрекнуть в том, что он выдумал всю эту историю специально для пловдивской газеты). А некоторые присланные версии были действительно полувыдумками. Отзывов было очень много, в редакцию поступило более 100 писем с гипотезами. Некий Страти Генский пишет:

– Я помню, что учительница литературы пловдивского текстильного техникума, которая была добровольцем на фронте, нам рассказывала о встрече советской армии в Пловдиве в сентябре 1944 года. По ее воспоминаниям, в город заехали советские танки. Из первого танка выскочил парень и начал громко кричать, чтобы другие услышали. Он кричал что-то типа: «Алеша, стой!». И танки остановились. С тех пор слово «Алеша» стало для болгар, как знак – «стоп войне». Поэтому и памятник стали звать Алешей.

Еще были версии, что памятник назвали «Алешей» в честь некого советского генерала Алексея, в честь главного героя популярного фильма Григория Чухрая «Баллада о солдате»,...

Была гипотеза романтически-трагическая. Якобы в 1944 году красавица-болгарка Соня влюбилась в русского солдата Алешу. Он ушел дальше воевать, они переписывались, но в 1945-м в одном из боев он погиб. Соня долго рыдала и даже хотела прыгнуть и разбиться с холма, но ее остановили местные жители. Она все кричала: «Где, мой Алеша, где?». И когда на холме начали возводить памятник – она пришла туда и сказала: «Это возвращается мой Алеша...»

Сохранилась и другая любовная версия – якобы женой одного из строителей памятника была русская девушка Ольга и она попросила так назвать мемориал в честь своего родного 18-летнего брата Алексея, погибшего на Курской дуге.

Мы перебираем с Таней старые газеты и едва сдерживаем слезы. Таня мне говорит:

– Смотри, все эти истории не противоречат друг другу. Все могло происходить одновременно, десятки судеб сплелись возле этого имени. Хотя лично мне самой правдоподобной кажется версия про Скурлатова. И вот почему – уж слишком памятник похож на фото Алексея Ивановича. Как-то судьба так сложилась, что хоть скульпторы не видели фото – а он похож. Это какой-то знак нам всем свыше...

ВОЛГА В ПЛОВДИВЕ

В руках я держу старенький пожелтевший конверт – в нем Скурлатову пришло последнее письмо от Методия (этот конверт мне передала дочь фронтовика Нелли Алексеевна). Штемпель с точной датой давно истерся, а вот адрес еще читается: «улица Поручик Д. Величков, № 1». Таксист мне говорит: «Это рядом с улицей Волга». Изумляюсь: «В Пловдиве есть такая улица?» Водитель шутит: «Да! Но учтите, она названа не в честь российского автомобиля, там еще во времена моего деда жили несколько переселенцев с реки Волги». Выходит, Методий всю жизнь прожил рядом с русской улицей.

Про Методия Витанова нам вообще известно очень мало. В библиотеках, архивах про него нет

информации. Воспоминания самого Скурлатова тоже скудные, он не помнил, где друг работал, как жил. По указанному на конверте адресу стоит большой двухэтажный коттедж. Увы, хозяева давно сменились, снесли старый дом и построили свой. Новая хозяйка разводит руками:

– Остались нетронутыми подвал и фундамент. Мы купили этот дом 10 лет назад. У человека по фамилии Витанов, но имя точно не Методий.

Ситуацию нам разъясняет дедушка Христо, который вышел из двора напротив:

– У Методия с супругой не было детей. В 1980-е сначала умерла жена, а потом и сам Витанов тяжело заболел. Мы все за ним ухаживали, еду носили, но потом стало ему совсем плохо. Приехал из Софии племянник и забрал его в столицу. Там он и умер. И мы даже не ведаем дня и часа кончины. Очень жалко – замечательный был человек. Когда проводжали его, все мы плакали. А он все на гору рукой показывал, но уже ничего сказать не мог.

Домик деда Христо низкий, словно закопанный наполовину в землю, с плоской крышей. Маленькое окошко на уровне моих коленок. Мне поясняют, что так раньше строили почти все болгарские частные дома. Хозяин приглашает в гости. Прямо за калиткой крутая лестница, метра два вниз. Удивляюсь:

– А когда темно, как вы тут спускаетесь?

– А когда темно, спать надо, а не гулять, Наташка! – как своей внучке, говорит мне веселый дед Христо.

Мы усаживаемся в маленькой комнате. Она напоминает мне сени русского деревенского дома. Здесь старенький холодильник, стол, диванчик, в окошко виден дом Методия Витанова (вернее коттедж,

что на месте его дома). Дед Христо улыбается, зовет свою супругу, через переводчицу я задаю вопросы, и они начинают вспоминать:

– Методий был старше меня на 20 лет, я его знал как дядьку Методия. Он был уважаемым человеком, и мы мальчишками его даже побаивались, затихали, когда он шел по улице. В детстве какие у нас были развлечения? Побегать, виноград соседский надкусить. А вот когда началось строительство памятника, мы все школьники просто «дежурили» на холме. Это же было страсть как интересно! Помню, сначала поставили макет, то ли из бумаги плотной, то ли еще из чего. А потом камни рабочие огромные наверх закатывали. Все на себе, на горбу. Пыхтели, кричали, мужики все красные были, и пот тек ручьями. Мы, глупые, им завидовали, думали: вот вырастем – нам тоже доверят камни на себе волочь. Самым интересным было, когда скульпторы стали выделывать части «Алеши». Помню, лежало большое туловище и голова, и мы рядом носимся. Это напоминало Гулливера и лилипутов. Однажды вечером мы с этой головой «встретились». Прибежали поздно на стройку и тут «глаза в глаза» с головой сталкиваемся. Но страшно не было, мне сразу «Алеша» показался добрым. Потом уже взрослыми ходили к памятнику, в парке, у подножья все назначали свидания. Помню, когда мы решили с супругой пожениться, Методий помог договориться со столовой главпочтамта, чтобы нам там устроили обед. Там большой зал был, а у Методия на почте были связи...

Мы уже встаем и вроде как собираемся уходить, прощаемся, и тут дед Христо зазывает нас в другую комнату.

Таня мне шепотом поясняет:

– Это болгарская черта, они чужих людей постепенно пускают в свой мир. Ты им понравилась, и они приглашают в горницу.

Это уже большая просторная комната. Дед Христо достает стопки и пытается угостить меня ракией. Уговаривает он мастерски:

– Помянем русского Алешу и болгарского Методия. И чтобы памятник вечно стоял!

Таня, видя мое смущение, одобрительно кивает головой – ракия не крепкая, на орешках. Дед Христо грозит Тане пальцем:

– Секреты не выдавай! Из чего моя ракия, даже жена не знает.

Супруга хохочет: «Ты поди и сам уже от старости не помнишь, на чем настаивал, а?».

Прощаемся мы теплыми объятиями. И только за калиткой я обращаю внимание, что за забором у деда Христо стоит советский беленький автомобиль «Москвич». Кажется, модель – 408. И наша беседа начинается заново:

– Это мне, кстати, Методий посоветовал купить. Он был патриотом СССР. Дело в том, что в 1967 году в болгарском городе Ловече, на заводе «Балкан» было налажено производство советских «Москвичей». Если не ошибаюсь, в год производили до 15 000 авто. В Болгарии «Москвичи» считались хорошей машиной, я на свой копил много лет. Он и сейчас еще поехать может, да у меня зрение уже не то, да и ноги болят. Но продавать его не хочу, это память о моей молодости.

От деда Христо мы идем к другим соседям. Лучше всех Методия знала баба Невенко, ей сейчас уже

90 лет. Старушка почти не ходит, плохо слышит, но ради нас превозмогла себя и открыла дверь калитки. Обняла нас, и мы практически на руках донесли ее до лавочки. У бабы Невенко крохотный домик, весь в цветах – малиновой и красной герани. Она говорит:

– А раньше все так жили, и у Методия дом стоял небольшой, дороги для машин тогда не было, и мы раскладывали длинный стол посреди улицы и по вечерам ели таратор (болгарский холодный молочный суп), дыньку резали (дыней в Болгарии зовут арбуз). Методий на почте работал совсем немного, с 1944 по 1947 год, а вот его жена трудилась всю жизнь телеграфисткой, там они вроде как и познакомились. (Почта для Витанова прямо место судьбоносных встреч! – *прим. автора*). После войны мой сосед работал в совете профсоюзов. Был видным профсоюзным деятелем. Он вообще был человеком красивым и видным: яркие карие глаза, как виноградинки. Волосы богатые, черные. Всегда одевался нарядно, обожал костюмы, галстук. Любил читать, почтовый ящик у него всегда был полон газет и журналов – и болгарских и советских. Над ним даже соседи подшучивали: мол, что ты обо всем в мире читаешь, хочешь стать президентом? При этом он был простым человеком, без зазнайства. О его истории с Алешей я слышала. Помню, он все ждал друга из России, хранил какие-то фотографии, но где их сейчас найдешь...

Баба Невенко, кстати, об Алтае много знает. И вот почему:

– В 1962 году встречали мы у «Алеши» космонавта Германа Титова. Собрался весь город, в толпе с

цветами была и я. Он нам всем очень понравился, мы даже с девушками отметили, что похож немного на Алешу, даже пошутили, не родня ли. Посадил он дерево, и тут оказалась я рядом с ним. Протягиваю цветы, а он говорит: «А давайте с вами вместе сфотографируемся!» Я его обняла, такая радость, такое чувство – словно в космос улетела. Так что я еще тогда поняла: алтайские мужчины – самые лучшие. А когда выяснилось, что и каменный «Алеша» тоже вам родной, то даже и не удивилась...

Слово за слово, баба Невенко решается на откровения:

– Супруга у Методия болела долго, года два. Что там было – мне не ведомо. Через несколько лет после смерти он однажды приходит ко мне и говорит: «А давай я тебя сосватаю. Тяжело мне одному, совсем одному без семьи». А у меня-то семья большая: дети, внуки. Но я засмушалась: «Не выдумывай под старость лет». Так больше он мне и не предлагал супружества. Сейчас понимаю: тосковал он без детей, без внуков, судьба несправедливо обделила его – не было деток. А когда нет детей – не бывает и счастья. Не помню отчего, но он заболел. Сначала мы всей улицей ходили его проведывать. Кушать приносили, лекарства. А потом уж совсем туго ему стало, и приехали за ним какие-то дальние родственники, что жили в Софии. И забрали. С тех пор не было от него весточки и только случайно мы узнали, что он умер и похоронен на софийском кладбище. Как же я пойду его проведывать – ноги не ходят. Только в памяти с ним общаюсь, вспоминаю нашу улицу, посиделки, музыку, «Алешку»...

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Улица Поручик Д. Величков (где жил Витанов) находится у самого подножия горы, на которой стоит «Алеша». И это тот случай, когда география проливает свет на историю. Легенда оживает: Витанов действительно ежедневно ходил смотреть на стройку памятника, от его улицы до памятника идти где-то 10 минут вот по этой самой дороге.

Переводчик Татьяна говорит:

– На вершину несколько маршрутов. Быстрый – тяжелый (по каменным ступеням, подъем близкий к вертикальному), долгий – легкий (размашистой полой змейкой). Методий, как и все местные, скорее всего, предпочитал короткую дорогу. Попробуем ее осилить?

Торопимся по двум причинам: хочется скорее увидеть «Алешу», а еще накрапывает дождь и мы надеемся успеть до грозы. Идти тяжело, чем выше, тем чаще делаем остановки, чтобы отдышаться. В эти моменты любимемся панорамой города: Пловдив действительно как на ладони. Последний рывок, большая площадка – и вот он, «Алеша».

Каждый, кто поднимается на гору Бунарджик, сначала видит каменного солдата в профиль. Он высокий и стоит на самом обрыве. Татьяна говорит:

– Каждый раз сюда поднимаюсь и поражаюсь, как «Алеша» похож на алтайского Алексея Ивановича! Я долго и пристально рассматривала фото молодого Скурлатова. То же лицо, фигура. Причем, при знакомстве с материалами становится очевидным: Алексей Скурлатов не мог позировать скульпторам, он ведь был в Пловдиве всего несколько дней задолго до

строительства мемориала, и у Методия Витанова не имелось фотографии алтайского друга, чтобы передать художникам. Но тем не менее – похож! Это фантастика! Загадка! Как?!

Я тоже поражена сходством. Пытаюсь сделать фото, но тут начинается ливень. Гром, сверкают молнии. Под деревья вставать в грозу страшно, и мы пытаемся прижаться к постаменту. С лица каменного солдата, словно гигантские слезы, бегут потоки. Сентиментальная Татьяна говорит:

– Это «Алеша» оплакивает Витанова и Скурлатова, которые больше к нему никогда не придут...

В отеле я не могла уснуть, встала в шесть утра (по барнаульски в 10) и вновь отправилась к «Алеше». Может, сегодня повезет с погодой! На улицах – ни души. Но у подножия горы я встречаю бодрого пожилого мужчину. Он по-спортивному размахивает руками и даже пытается бежать трусцой. Знакомимся – это дедушка Иоанн. Не поверите: ему 85 лет! И каждое утро вместо зарядки он поднимается на холм. Иоанн улыбается:

– Это ритуал! Для всех, кто живет рядом, гора – тренажер. Мы дышим свежим воздухом, делаем упражнения, добравшись до вершушки, здороваемся с «Алешей», и только потом домой – на завтрак. Вот и секрет здоровья.

Нас обгоняет пара пенсионерок с палочками для скандинавской ходьбы. Иоанн продолжает:

– Даже старикам нужно покорять вершины, это делает жизнь слаще. Вон там внизу мой дом. С этого места я каждое утро машу супруге рукой (улыбается). Сейчас она увидит меня с тобой и будет ревновать.

– Тогда я отойду!

– Глупая, так она будет меня еще больше любить и вкуснее кормить!

На середине горы большая смотровая площадка, рядом спортгородок. На тренажерах занимается пара средних лет. Это Малена и Пламен:

– В фитнес-клуб ходить дорого, мы предпочитаем такие доступные всем площадки, к тому же заниматься на свежем воздухе полезнее.

Поднимаемся еще выше, и тут я слышу музыку. Живую музыку и чьи-то голоса. Оказывается, у подножия «Алеши» (на самой большой смотровой площадке) каждое утро собирается местное религиозное движение. Иоанн рассказывает:

– Эти люди верят, что на холме рядом с «Алешей» особая белая энергия. Поэтому, чтобы получить благодать, они приходят сюда в белых одеждах, встают в круг и танцуют особый танец.

Вчера во время грозы не разглядела, но сейчас отчетливо вижу: рядом с памятником на асфальте нарисован белый круг. Оказывается, по утрам около него, взявшись за руки, танцуют пары, а в центре девушка играет на аккордеоне и поет.

Кстати, кроме нас с Иоанном здесь немало зрителей, в основном туристы. Достаю камеру, чтобы сделать фото, но... батарейка оказалась разряженной. Похоже, здесь и правда особая энергетика, а может, я просто забыла выключить камеру, вот и сел аккумулятор. Мне подсказывают: после спуска с горы будет ресторан, там есть розетка, если поспешить, то можно подзарядить и вернуться. Люди в белых одеждах будут тут еще час.

Спускаться, конечно, легче, но тоже нужно быть предельно осторожным, чтобы не поскользнуться

на мокрых от росы булыжниках. Поясню: все тропы (а их много) к вершине выложены камнями, никакой грязи и пыли.

А вот и огромный ресторан. Калитка резного деревянного забора оказалась открытой. Захожу – никого нет. Кричу, зову – тишина. На просторной веранде столы застелены белыми скатертями, ветер покачивает шторы, расставлена посуда. У стены нужная мне розетка. Сидела здесь минут 30 (любовалась картинами, огромными расписными вазами) – так никто и не пришел. Мистическое место эта гора Бунарджик.

Поднявшись вновь к «Алеше», танцы уже не увидела, люди в белых одеждах прощались друг с другом и желали счастливого дня. Та самая девушка, что пела, спросила у меня на русско-болгарском: «Новенькая? Почему стеснялась танцевать?» Я стала пояснять, что приехала не за танцами, а к «Алеше». Та заулыбалась.

НОВЫЕ ПОИСКИ

У меня из головы все не выходила болгарская книга, которую нам показали в архиве. Мы отправились с Таней в библиотеку найти эту книгу, хотя бы на болгарском языке. Пловдивская центральная библиотека стоит на том же месте, где она стояла в 1944 году. Кстати, совсем недалеко от Главпочтамта. Здание чем-то напоминает алтайскую краевую библиотеку имени Шишкова: такое же крыльцо, высокие лестницы, просторный зал с каталогами. Удивительно, но единственный экземпляр книги «Ищем

тебя, Алеша» у кого-то из читателей на руках. Таня разводит руками:

– Видишь, интересуются у нас историей Алеши. Я, если честно, сама не ожидала, что книгу эту так зачитывают, ведь столько лет уже прошло.

В библиотеке нам сообщили, что автор книги Верба Чавдарова – жива. Сейчас ей около 90 лет и она редко принимает гостей. Но сотрудники библиотеки дали ее телефон. Таня разговаривала с ней минут 30 и потом, улыбнувшись, выдохнула:

– Уговорила! Она нас примет.

В библиотеке мы пытались найти старые газеты со статьями про памятник и Методия Витанова, но все что попадалось, были факты нам уже известные. И тут! Сотрудники библиотеки, заметив наш интерес к Великой Отечественной войне, рассказали любопытные данные. Оказывается, в библиотеке сохранилась старая тетрадь с именами красноармейцев, которые с 1944 по 1945 год брали почитать здесь книги. Они приносят эту тетрадь и я читаю: Андрей Васильевич Москвитин, Олег Степанович Быков, Леонид Леонидович Бутенко, Сергей Степанович Трусов, Лев Михайлович Брук, Григорий Бад, Соляк Камалеевич Манишев, Виктор Багаев...

Под фамилией Бутенко, сохранились даже точные данные о книгах, которые он брал. Авторы: Доде, Лори, Диккенсон, Лесков, Конан Дойль, Владимир Зотов – «История литературы», Джек Лондон, Байрон, Стендаль, Сенкевич, Ромен Роллан...

Даты взятия и возвращения – показатель безудержной жажды чтения: 20.06–24.06, 24.06–28.06, 28.06–4.7, 10.07–17.07.

Смотрю я на это, и гордость берет – какие были наши солдаты! Даже под пулями, даже сидя в холодных

окопах, голодными, измученными, потерявшими близких, они не забывали про свою душу, тянулись к прекрасному. Не знаю, читают ли сегодня школьники столько, сколько читали простые солдаты в передышке между боями?

Через базу данных «Мемориал» (виртуальная народная энциклопедия-картотека участников Великой Отечественной войны) мы проверили все значившиеся в библиотеки фамилии фронтовиков. Увы, с Алтая никого нет.

«Но это не значит, что алтайские солдаты не брали книг, просто записи сохранились частично» – пояснили нам в библиотеке. Но сибиряков нам все же раскопать удалось. Читатель Соляк Камалеевич Манишев оказался родом из Томска. Мы копнули еще глубже, и в томских газетах отыскали интервью с фронтовиком Соляком Камалеевичем (имя редкое, вряд ли это тезки), где он рассказывает журналисту о своей болгарской истории:

– Чем больше проходит лет с той поры, тем невероятнее кажется мне все пережитое. Разве это не чудо, что меня четырежды ранило, дважды я выходил из окружения, столько раз встречался лицом к лицу с фашистами и оставался жив? Суждено мне было впервые влюбиться в Пловдиве в одну болгарскую девушку. К несчастью, в то время для любви существовали границы. Как и каждый человек, в мыслях я часто возвращался к своей первой любви, а это значит, в Пловдив. Ходил по улицам, гулял по берегу Марицы или сидел на высоком холме и любовался уснувшим городом...

Соляк попал на фронт, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет, также как и наш Алексей Скурлатов.

ВЕРБА

Верба живет далеко от центра города, в тихом спальном квартале, в старой пятиэтажке, очень похожей на наши хрущевки. В гостиной – огромный во всю стену книжный шкаф, много книг на русском языке. Даже дочь Верба с мужем назвали Наташей, в честь Наташи Ростовой. На столе стопка газет. Писательница начинает свой рассказ:

– Об «Алеше» я могу вам долго рассказывать! У меня большой архив. В 1950-е я написала первую статью о строительстве памятника. Тогда весь город ходил на холм смотреть, как возводят скульптуру. И мои дети: дочь Наташа и сын Бойко каждый день бегали на холм. И толпы других ребятишек. И все они говорили дома: «“Алешу” поднимают!», или «“Алеше” доделывают голову!», и так это русское имя «Алеша» стало синонимом слова «солдат». Ажиотаж возле стройки был такой, что сейчас даже трудно что-то подобное представить. Шумиха испугала даже партию. И тогда представьте: окружной комитет партии принимает решение, чтобы скульптуру на холме именовали «Памятник Советской Армии», и никак иначе. Ведь это непорядок, чтобы мемориал был только в честь Алеши, были же и другие герои: Иваны, Петры, Николаи... и тысячи и тысячи других человек и имен. Об этом партийном распоряжении писали в газетах, сообщения зачитывали на встречах в профсоюзах, но, не смотря на большую пропаганду, народ все равно продолжал звать памятник «Алешей». Целый город говорил, что идет смотреть «Алешу». И ничего никто поделать не мог. Почему именно Алеша? У меня есть своя версия, она может,

правда, не совпадать с вашей основной, но мне ближе история, что каменного солдата первым назвал Маршал Сергей Семенович Бирюзов. Он был членом междусоюзной контрольной комиссии и в 1950-х годах прибыл в Пловдив посмотреть макет. Ему все очень понравилось, кроме одной детали: «Все, хорошо, но наш Алеша (так он обратился к скульптуре) почему-то накренил пилотку на правую сторону, а по солдатской традиции должен был бы налево». И якобы с тех пор на стройке и начали называть это русское имя. Строители «собирая» памятник то и дело кричали: «Поддай руку Алеши», «давай подставку под Алешу». Но это всего лишь одна из десятка версий. Точного ответа, почему именно «Алеша» я найти не смогла. После открытия мемориала очень много появилось людей, который стали называть себя крестниками Алеши. Но это неплохо. Они просто видели в этом памятнике образ своих друзей-красноармейцев, которые у них квартировали или просто с кем они познакомились. Я вам скажу: в очень многих болгарских домах и семьях жили русские солдаты. И можно сказать, каждый имел своего «Алешу». И в памятнике угадывал знакомые черты. Хотя сходство со Скурлатовым я не могу не заметить. Я даже в конце 1980-х годов звонила фронтовику Алексею Ивановичу на Алтай, пыталась его расспросить. Но беда в том, что фронтовики уже мало что помнили. Да и вообще: война часто «отшибала» память, люди находились в психологическом стрессе, часто не думали о будущем, боялись строить планы, поэтому не брали адреса, не запоминали фамилии. Приведу пример: в 1979 году ко мне обратился глава села Рыжево Конаре Атанас Биволарски. Он признался, что

уже много лет мучает его совесть: весной 1945 года в их село приехали русские солдаты, помогли деревенским урожай посеять, а потом также неожиданно пропали. И никто не записал даже их фамилии, из какой они части. Вот читайте.

Верба протянула нам свою книгу, где собраны воспоминания болгар. Атанос Биволарски в них говорит:

«Объединились мы 1945 году в первый в стране кооператив. Но только одни бедняки. Первый кооператив – это не шутка, со всех сторон на нас смотрят, наблюдают, что будет дальше. Нагрязнула весна, работы невпроворот, а скотина худая, если впряжешь ее в плуг – не потянет. Смотрю однажды утром, не то в марте, не то в апреле это было, на площади перед правлением кооператива останавливались четыре телеги, запряженная парой лошадей каждая. Услышал русскую речь и понял, что ищут меня.

– Я председатель, чем могу быть полезен?

Один парень – здоровый такой, крупный, спрыгнул с телеги и говорит: «Принимай, председатель, красноармейское пополнение». Смотрю и не знаю, как понимать его слова. А он снял фуражку и добавил серьезно: «Приехали, чтобы помочь вам. Скажите, что делать, товарищ председатель, руки наши работы просят: сеять хлеб, деревья сажать».

Посылаю жену в дом за ракией, чтобы встретить гостей как у нас полагается.

...Решили первым делом вывезти весь навоз со дворов и разбросать его по полям. Потом советские друзья привезли пиломатериалы, помогли нам построить навесы на хоздворе. И поля наши распахали, засеяли той весной. Работали так, как будто внутри

их что-то жгло и не давало покоя. По вечерам собирались вон там, у источника. Каждый приносил с собой какую-нибудь еду. Разговоры, песни – чуть ли не на всю ночь. Тихо и печально пели русские, как будто звали и искали кого-то, а мы хоть и не могли понять всего смысла, чувствовали, что грустят они, но ничем не могли им помочь.

Около двух месяцев работали красноармейцы. Уезжали на день-два в город и опять возвращались. Когда засевали бахчу, женщины рассказывали им, какие, какие арбузы растут на нашей земле, и наказывали, чтобы обязательно приезжали летом – тогда их проводили бы с наполненными телегами. Но они не приехали. Отправились однажды вечером и уже не вернулись. Как нам не пришло в голову записать их фамилии и из каких они воинских частей? Кто думал, что вот так, не попрощавшись, расстанемся...

Через год после того, как они уехали, пришла телеграмма, что к нам прибывает первый советский трактор – личный подарок маршала Толбухина».

История это нас очень заинтересовала, ведь Алексей Иванович человек сельский, комбайнер и так похоже на его характер не сидеть без дела, а при возможности любой найти себе работу. Чего только стоит та история, когда в госпитале он больной и то ремонтом занимался, с железьяками возился. А тут его стезя – поля!

Верба подхватила нашу идею:

– Все может быть! Если не в селе Рыжево Конаре, то мог в другом помогать. Сел-то у нас немало. Вот смотрите, какой я храню документ, он датируется 1946 годом, но просто в 1945-м такие подсчеты никто не вел.

Из папочки Верба достает ксерокопию архивного дела:

Окружной государственный архив города Пловдив, фонд 11, единица хранения 55.

Господину начальнику областного сельхозотдела, Пловдив.

Представьте в Министерство сведения об объемах вспашки, сева и боронования, произведенных в кооперативе и частных хозяйствах, а также о вывозе удобрений и семян тракторами, живой тяговой силой и грузовыми автомобилями, выполненном советскими войсками.

Исх. № 2024

4 мая 1946

Начальник отдела П. Георгиев

В министерство земледелия и государственной собственности (отдел сельскохозяйственного производства)

Представляем сведения о площадях, вспаханных тракторами и живой тяговой силой, принадлежащей Советской Армии:

– Тракторов – всего 18, лошадей – всего 368. Вспахано к 6 апреля 10 403 гектара, лошадьми – 8466, к 13 апреля тракторами – 17 585, лошадьми – 10 455, вывезено удобрений 495 тонн, к 20 апреля тракторами – 20 260, лошадьми – 13 445, к 4 мая тракторами – 33 440, лошадьми – 14 055.

*Начальник областного отдела земледелия
Динко Георгиев*

Верба продолжает:

– От Советского Союза в 1946 году к нам начали поступать гусеничные трактора, а первыми трактористами были именно красноармейцы, они наших селян и учили этой техникой обращаться.

Из книги Вербы «Ищем тебя, Алеша»:

«Мария Вылкова, жительница села Рыжево Конаре вспоминает:

– Никогда мне не забыть, как мы встречали красноармейца-тракториста, невозможно описать нашу радость, это казалось чудом. Однажды вбегает мой отец и от двери еще кричит, чтобы мы выходили быстрее на улицу – из самой России к нам прибыл трактор. Вскочили мы, кто в чем был, а на улице уже полно народу. Мы жили на самом краю села, у шоссе, ведущего в город, и народ бросился именно туда. Шли мы до тех пор, пока не увидели трактор,двигающий в нашу сторону. И тогда все как будто ума лишились: кричат, смеются сквозь слезы, обнимают и машину, и тракториста, украшают трактор цветами. Мне было тогда 13 лет, но и сейчас все стоит перед глазами.

Все, кто мог ходить или стоять, опершись на посох, вышли встречать трактор. Самые нетерпеливые залезли на деревья и заборы. На плечах отцов победоносно восседали мальчуганы. Ребячья время от времени бежала на окраину села, и вздущиеся от бега заставляли всех собравшихся замирать в трепетном ожидании:

– Едут, едут!

Атанас Биволарски вспоминает:

– Трактор утопал в цветах, многие подходили и целовали машину, как живого человека. Радость

была невероятная. Жаль, что мы не запомнили фамилию красноармейца-тракториста и откуда он родом, да и самого трактора теперь уже не найти, во времена укрупнения совхозов мы его отдали, где он сейчас – неизвестно».

История про трактор нас тоже зацепила. Первый советский гусеничный трактор прибыл в Болгарию в марте 1946 года, это значит, собрана машина была как минимум в 1945-м, а может даже раньше. А в годы Великой Отечественной войны именно на Алтай, в Рубцовск, был эвакуирован знаменитый Харьковский тракторный завод. И в 1943-м в Рубцовске уже выпустили для страны первую тысячу тракторов. В СССР был еще Челябинский тракторный завод, но он с 1941 по 1945 годы заморозил производство сельхозтехники: здесь собирали танки. Из официальных документов: 6 октября 1941 года приказом народного комиссара танковой промышленности СССР Челябинский тракторный завод имени Сталина был переименован в «Кировский завод наркомтанкопрома в г. Челябинске».

То есть получается, первые советские тракторы в Болгарии очень даже запросто могли быть алтайского производства!

Верба нам рассказала и о быте красноармейцев в Болгарии. Она знает, где находился палаточный городок:

– Это недалеко от моего дома, улица Перушица. Сейчас на этом месте заправка, рядом – крупный торговый центр – молл «Пловдив». А в 1944-м был большой сквер и там русские построили солдатский городок. Старожилы помнили, что рядом с лагерем была большая пекарня. Сейчас от нее остались

только стены и труба, но местные по традиции называют этот квартал «Солдатская кухня». У меня есть фото палаточного лагеря, где скорее всего был и ваш Скурлатов. Но начальство и офицеры жили в основном на квартирах. Как и положено, не обходилось без любовных историй. Даже на войне жизнь не останавливалась. Я записала в дневнике такую историю: офицер Евгений Иванович Ильин, он был командиром связи...

– Интересно-интересно! Наш Скурлатов тоже был связистом и тянул телефонную линию, а вдруг они были знакомы.

– Сейчас уже у них не спросишь. Так вот, этот красавец-связист Евгений влюбился в болгарку, у которой квартировал. Но руководство не решило ему жениться. И тогда этой Евгений взял винтовку и пошел на холм, где сейчас стоит Алеша, стреляться. Характер у него был такой, что точно бы прострелил себе голову, но за секунду до того, как он хотел нажать на курок, на гору, запыхавшись, вбежал командир и дал приказ: «Любишь – женись!». Я бы сама, наверное, не поверила в эту любовную историю, если бы не безоговорочное доказательство. Этот Евгений Иванович женился и забрал в СССР болгарку, но мать девушки ему наказала: «Отдаю дочь при условии – когда я буду стара, вы вернетесь с ней и будете за мной ухаживать». И через 40 лет связист действительно вернулся и жил в соседнем доме от меня.

В архиве Вербы мы наши программку концерта красноармейской художественной самодеятельности 1944 года, зачитаю только одну строчку: «Канцонетта», музыка Чайковского, исполняет на

скрипке рядовой Игнагов, аккомпанирует на баяне рядовой Бурдинский...»

Верба поясняет:

– По воскресеньям у солдат был выходной, и они посещали концерты, театры. И на танцы фронтовики ходили, наряжались и влюблялись. А кто-то потом шел и через пару месяцев умирал под пулями и... Жестокая война.

Эту программу солдатского праздника мы нашли в домашнем архиве Вербы Чавдаровой

Еще один любопытный и документальный факт: весной 1945-го даже прошел футбольный матч между советскими солдатами и болгарскими партизанами. Только вот кто у кого выиграл, данных почему-то не сохранилось, видимо победила дружба.

Верба достает черно-белое фото: это хоть и послевоенный снимок, но на нем Николов – известный в Пловдиве портной, который шил нарядные костюмы многим красноармейцам.

А я чуть не падаю в обморок от неожиданности. Методий ведь тоже водил Скурлатова с друзьями к портному, к этому самому Николову, и именно тогда кто-то сказал: «С Алеши нашего памятник ваять...» Еще одно доказательство, что история Методия и Скурлатова – это быль, а не сказка.

Верба говорит:

– Про известного портного Николова я вам еще вот что расскажу. Он не только мастерски шил мужские костюмы, но и жизнь людям спасал. Во время работы над книгой «Ищем, тебя Алеша» я наткнулась на такой вот любопытный факт:

Если бы сохранились больничные листы из временного красноармейского госпиталя в Пловдиве, в одном из них, выданном на имя 23-летнего Николая Никитовича Коржа, рядового 46-й гвардейской артиллерийской бригады, в описании болезни можно было бы прочесть: «Требуется переливание крови». Это было необходимо, чтобы прервать развивающуюся гангрену. Но от этих листов не осталось и следа, осталась только деревянная шкатулка с нечеткой надписью на внутренней стороне: «Коле от Райны, Марии, Данки, Недялки, Томы,

Тинки, Георгия. А телье Георгия 20 мая 1945 года. Пловдив». Дело в том, что кровь солдату Николая Корж у дали девуш ки из ателье Георгия Н иколова. Врач сказал: «Держ ись! П ерельем тебе болгарскую кровь. Девчата с вечеринки ради тебя приш ли. Так что если после этого не выздоровеешь – отлуплю!». Вы здоров, я первы м делом отправился в ателье. Встретил меня м астер, как его все звали, портной Георгий. Когда я рассказал, зачем приш ел, он по звал девуш ек, достал буты лку водки и мы вы пили по рю м очке за м ое здоровье. П одруж ились мы сра зу ж е. Каж дое увольнение я приходил к ним . П оговорю , бы вало с баем Георгием , он бы л ум ны й и начитанн ый человек. В ию ле 1946 наш полк отпра вили по дом ам . П ош ел прощ аться, а Георгий мне говорит:

– Коля, ты солдат, поедеш ь тепер ь к себе. Через месяц-два начнутся у вас зима, метели. Давай я сошью

*Мужчина в темном костюме и есть портной Никола,
тоже причастный к истории с Алешей*

тебе зимнее пальто. А я ему говорю: «Не успеешь, осталось – два дня». А он: «Завтра приходи на примерку». Ушел я, а сам думаю, за какие деньги буду это пальто покупать? Собрал у товарищей по пятерке, по десятке. За час до отъезда прибежал в ателье. «На, бери, носи на здоровье, Николай», – говорит Георгий, а я ему деньги достаю. «Ну-ка, убери свои деньги, – прикрикнул он, – а то как...» Я это болгарское пальто до сих пор храню... Портной Георгий прожил долго и умер совсем недавно, года два назад».

Не могли мы не спросить у Вербы о такой щепетильной теме, как снос памятника. Ведь в 1990-е годы, было дело, хотели «Алешу» убрать с холма. Верба рассказывает:

– В 1990-е годы одному нашему мэру пришла в голову такая плохая идея – снести «Алешу» и поставить на месте какой-нибудь другой символ. И он даже принял решение, но все люди из ближайших к мемориалу кварталов, все женщины – участницы войны, все, кто хоть имел хоть какое-то отношение к памяти красноармейцев, встали у подножья «Алешки» в «живую вирюгу» – то есть в живое кольцо, и не дали свершиться вандализму. В это же время общество болгарско-советской дружбы опубликовало плакат «Мы с тобой, «Алеша».

Власти организовали большую пресс-конференцию. Как журналист я там была. И я позвала на нее одного из архитекторов памятника – Николу Марангозова. Он к тому времени он был уже пожилым человеком и тяжело болел. Прийти не мог, но по телефону он мне сказал: «Верба, скажи этим чиновникам, что они никогда не свалят «Алешу». Мочи не хватит. Потому

что через весь постамент и еще три метра в землю проходят две широкие металлические сваи. Солдат выдержит, даже если его подорвут».

Я пошла на эту пресс-конференцию, но не посмела рассказать то, что мне сказал Никола Марангозов. Боялась, что мэр-самодур из принципа захочет всем доказать, что «Алеша» не выдержит, и начнет его по кусочкам разбивать.

Через пару месяцев Никола умер. И до сегодняшнего дня я никому не говорила его секрет, его откровение. Вам говорю, потому что я уже стара и потому как вы приехали из таких дальних краев и для вас этот памятник много значит.

Но я вам так скажу, вы мне поверьте: разговор о сносе – это было краткое помутнение сознания. Сейчас никто об этом даже не думает. Как и 50 лет назад «Алешу» так же любят пловдивчане, приходят сюда школьники, молодожены, просто люди. «Алеша» – символ Пловдива, и мы все его любим.

Еще одна интересная встреча была у нас в Пловдиве с учительницей болгарского языка Тоней. Мы встретились с ней на лавочке в сквере, рядом с тем местом, где стоял в 1944 году солдатский палаточный городок. К себе домой Тоня не приглашает, она стесняется своей небогатой квартиры. Вот ее история:

– Моя мать родилась в деревне Иска недалеко от Пловдива. Когда она вышла замуж, переехала в город. Но каждый год 3 марта, в день освобождения Болгарии от турецкого рабства мама брала нас – своих детей и мы ехали в деревню, чтобы поклониться памятнику. За сельским кладбищем стояла небольшая скульптура русского солдата-освободителя еще

той, русско-турецкой войны. Ее сделал не профессиональный скульптор, а кто-то из местных умельцев из камня. Под памятником было написано имена трех русских воинов, погибших здесь еще в XIX веке: Вася, Петя и Алеша.

Имена Василий и Петр встречаются в болгарском языке, а вот имя Алеша – моей маме, да и всем местным, казалось необычным, очень редким. Поэтому у памятника за кладбищем стали величать Алешей.

Я помню, мне было пять лет, брату 10 лет, и вот мы идем пешком за кладбище, хоть и март, но снега было много, очень холодно. Мы шли не одни, за нами и впереди нас много людей – почти все село. По традиции у памятника зажигали свечи в память обо всех погибших в русско-турецкой войне.

И вот я ребенком стою, смотрю на памятник вдруг говорю маме: «Мама, солдату же холодно!»

*Лагерь советских солдат в Пловдиве.
Здесь жил и Алексей Скурлатов. Фото 1944 года*

Давай укроем его одеялком». Мать и брат начали мне объяснять, что это не живой человек, что памятник из камня и ему не может быть холодно. Но я так раскапризничалась, стояла и рыдала. И мать сказала:

– Воля ребенка – закон.

Мы пришли домой, взяли старое одеялко, вернулись и укрыли «Алешу».

Эту историю мы потом часто вспоминали всей семьей. И вот проходит много лет, у меня уже у самой дети и внуки. И я узнаю по телевизору, что на 50-летие открытия памятника «Алеша» в Пловдив приезжает дочь Алексея Ивановича Скурлатова, который стал прообразом скульптуры. И тут мне приходит в голову идея: подарить ей большое болгарское одеяло, чтобы она передала Алексею Ивановичу, он был тогда еще жив. Чтобы он не мерз у себя в Сибири.

Мне неловко про этого говорить, но я живу очень бедно. И чтобы купить одеяло, мне даже пришлось занимать денег, но я все равно это сделала. Прихожу в клуб, где был концерт и встреча, но меня туда не пускают. А все потому, что у меня в руках подозрительный огромный мешок (я туда упаковала одеяло). Помогло то, что один из артистов, который там выступал, был моим бывшим учеником. Охране он говорит: «Эту учительница!». И меня впустили.

Я даже выступила на сцене и передала Нелли Алексеевне это одеяло. Она меня крепко обняла, мы стояли и чуть не плакали, и я поняла – может, неслучайно тогда я пыталась согреть каменного Алешу. Наверное, это был мне какой-то знак. Всю жизнь

я проработала в школе учителем болгарского языка, старалась детям привить любовь к культуре, а культура человеческая не может существовать без памяти и уважения героев. Тех отважных людей, которые не пожалели своей жизни ради нашего спокойствия, ради нашего мира. Я прошу вас передать всем жителям Алтая низкий поклон от нас – простых болгар. Мы помним ваш подвиг и со своей стороны будем защищать и заботиться об «Алеше». Поверьте, на холме он не будет один...

РОДИНА

Глава шестая

КОСИХА – ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ И ПОЭТОВ

Село Налобиха, где прожил всю жизнь и похоронен Алексей Иванович Скурлатов, расположено в Косихинском районе Алтайского края. Место это удивительное. Есть народная легенда, что райцентру наши предки дали название «Косиха» из-за того, что здесь крестьяне косили самую лучшую траву. По сей день необъятные косихинские луга славятся пышным разнотравьем: невиданным урожаем клубники, земляники, грибными местами. И сейчас, проезжая Косихинский район по оживленной трассе (М-52) хочется остановиться в поле, увидеть, как небо сливается с пашней, почувствовать простор, подумать о чем-то вечном. Наверное, не случайно именно здесь было суждено родиться людям, которые завоевали самую широкую славу и при этом не прятали свою широкую душу. Звездные земляки Скурлатова – космонавт Герман Степанович Титов, поэт Роберт Иванович Рождественский.

Алексей Иванович Скурлатов родился в 1922 году в селе Косиха, в 1932 здесь появился на свет Роберт Рождественский, а через три года, в 1935-м в селе Верхнее Жилино родился будущий космонавт № 2 Герман Титов.

Память о земляках бережно хранится. В Косихинском районе созданы уникальные музеи, которые отвечают самым высоким стандартам: алтайский государственный музей имени Германа Степановича Титова, мемориальный музей Роберта Ивановича Рождественского, «Музей Солдата Великой войны»

Алексея Скурлатова. Ежегодно сюда приезжают несколько десятков тысяч туристов.

Семья Роберта Рождественского переехала в Омск, когда ему исполнилось два года, Герман Титов уехал из района в 1953-м, после того, как окончил 9 классов, а Алексей Скурлатов прожил здесь всю жизнь. Дочь Алексея Ивановича Нелли Алексеевна рассказывает:

– Я была, как сейчас говорят, поклонницей Германа Титова, мы все очень гордились, что наш земляк – космонавт № 2. Мечтала получить его автограф. Сама я после замужества переехала на Север. Титов часто приезжал на Алтай, отец его, конечно, видел. Но папа был человеком скромным, не любил выпячиваться, лезть на глаза, поэтому с Титовым встреч, каких-то личных историй, наверное, и не было. А с Робертом Рождественским тем более. Хотя мы всей семьей любили его стихи и песни. Вся страна тогда пела «Эхо любви», «Мгновения»...

Фантастика, но именно болгарский Алеша взял и соединил Скурлатова, Титова и Рождественского! Пусть в разное время, но судьба удивительным образом привела их всех в Пловдив, на холм Освободителей.

Напомним, памятник «Алеша» был открыт в Пловдиве на Холме Освободителей в 1957 году. В сентябре 1962 года Болгарию посещает космонавт № 2 Герман Титов. В своей книге «Голубая моя планета» Герман Степанович пишет: «После полета в космос мне пришлось еще и еще раз поглядеть на нашу планету, но теперь уже не с космической, а с нашей, земной высоты. Посыпались многочисленные приглашения побывать в гостях у друзей:

*Знаменитый космонавт Герман Титов,
уроженец Косихинского района Алтайского края*

Германской Демократической Республики, Социалистической Республики Румынии, Монгольской Народной Республики, в странах Юго-Восточной Азии. Почти месяц мы были в Индонезии, Бирме и Демократической Республике Вьетнам. Вскоре в составе делегации Академии наук СССР я полетел в США, где работал Международный конгресс по мирному использованию космического пространства. В сентябре 1962 года мы посетили Югославию и Болгарию».

В мемуарах Николая Денисова (специальный корреспондент газеты «Правда», который описывал первые полеты в космос и визиты космонавтов) мы нашли запись:

«Мы целую неделю провели в солнечной Болгарии. Как самого дорогого гостя встречали советского космонавта жители Софии, Пловдива, Плевена, Варны, Стары Загоры и других городов. Они устилали перед ним дорогу лепестками роз, поливали ее из шлангов ароматной розовой водой.

У подножия Шипки кооператоры Казанлыкской долины передали нам листок из тетради в косую линейку, на котором было написано: «Мы смотрим на вас и радуемся, что по дороге, где много лет назад прошли русские богатыри и разгромили врагов болгарского народа, теперь идет советский человек, сокол коммунизма, совершивший самый большой подвиг нашего времени».

В Болгарии великое множество памятников русским солдатам-освободителям. В Пловдиве, на поросшем дубками холме Освободителей, возвышается гранитная фигура советского воина. Скульпторы изобразили его в накиннутой на плечи плащ-палатке,

*Герман Титов во время визита
в Боларию*

*В честь Германа Титова в Болгарии
выпустили марку*

*Герман Титов у подножя паметника
«Алеша» посадил ель*

с автоматом в руках. Вся Болгария ласково называет его «Алешей», возле него всегда много цветов».

Возлагая цветы к подножью памятника, Герман Титов даже не подозревал, что каменный Алеша ему буквально земляк.

В тот самый визит, 27 сентября 1962 года, Герман Титов получил звание Героя Социалистического Труда Народной Республики Болгария. А через 20 лет, в 1982 году, Болгарию посетил фронтовик Алексей Скурлатов, ему присвоили звание Почетный гражданин Пловдива.

Поэт Роберт Рождественский тоже был в Болгарии. Но точную дату визита нам найти не удалось. Скорее всего, он входил в одну из многочисленных писательских делегаций. Зато известно: памятник «Алеша» произвел на поэта огромное впечатление. Журнал «Юность» (№ 3, 1963 год) публикует подборку стихов Рождественского, среди них «Памятник солдату Алеше в Пловдиве».

Отсюда видно
 Далеко-далеко.
Горизонт
 Почти невесом.
Как ангел-хранитель,
 Солдат Алеша
над Пловдивом вознесен...
Алеша,
явно ошибся скульптор,
его твой облик стеснял.
Наверно, он знал о тебе
 слишком скудно,
а может,
 совсем не знал.

Ты выглядишь
этакой глыбой сонной
которой
нужны
слова.
Ты хмурый в камне,
А был ты веселым,
И от речей уставал...
Туман упадет
легко и белёсо
на неподвижный лес...
Сейчас я старше тебя,
Алеша,
Почти что на десять лет.
Это я просто родился позже,
А так
достаточно смел.
Я много видел.
Ты видел больше!
Ты видел однажды
смерть...
Мертвых
не принято зря тревожить.
Не надо.
Уйди.
Откажись...
Спросить бы проще:
«Как смерть, Алеша?» –
Я спрашиваю:
«Как жизнь?»
Вопрос мой
пусть не покажется вздорным.
Мне это
нужно решить!

Той ли я жизнью живу,
 за которую
ты перестал
жить?
Верь,
это мой постоянный экзамен!
Я все время
 сдаю
 его.
Твоими безжалостными глазами
гляжу
 на себя самого.
И этот взгляд
 никуда не денешь:
он в каждом
идущем дне...
Мне за две жизни
 думать
 и делать!
Два сердца
бьются
во мне!
Не струшу я,
что бы мне ни грозило, –
мне в душу
смотрит
солдат!
Алеша,
я уезжаю
 в Россию.
Что
маме твоей
передать?

Пролетели десятилетия, но читаешь эти строки – и по коже идут мурашки: душа поэта почувствовала, признала земляки. Приезжай на Алтай, Рождественский мог передать привет не только маме Алешки, но и самому солдату...

*Поэт Роберт Рождественский
тоже родился в Косихинском районе Алтайского края*

МУЗЕЙ СКУРЛАТОВА В НАЛОБИХЕ

Алексей Иванович Скурлатов был человеком редких душевных качеств. Никогда не зазнавался, не гордился собой. В дом к фронтовику много раз приезжал губернатор Алтайского края Александр Карлин, высокопоставленные гости из Правительства РФ, послы. Все интересовались: «Что для вас сделать?», но Скурлатов скромно отшучивался, мол, всего хватает. Он никогда не просил для себя, только для других. Когда губернатор задал вопрос: «Что подарить вам на 90-летие?». Алеша даже разволновался, но все же сказал: «Постройте в нашем селе новую школу, останется детям»...

Руководство края не подвело. В 2012 году, к 90-летию Скурлатова, в Налобихе открыли здание новой школы. Таковую школу в селе редко встретишь: просторные коридоры, огромные классы, современный спортзал, в кабинетах компьютерное обеспечение, актовый зал с настоящей сценой, столовая. Особое место отвели «Музею Солдата Великой войны», который посвящен удивительной судьбе Алексея Ивановича Скурлатова.

Музей этот уникален со всех сторон. Во-первых, сам Скурлатов здесь часто бывал. Рассказывал историю «Алеша» от первого лица. С посетителями он шутил: «Я тут живой экспонат, можно за руку потрогать, не укушу». Во-вторых, экскурсоводами музея стали дети – обычные школьники. Для них это не работа, а искреннее увлечение. Учителя насильно никого не заставляют, приходят те, кто любит историю, краеведение. Ребята пишут доклады, составляют презентации. В этих выступлениях нет

пафоса, заумных речей, школьники все рассказывают сердцем. В музей Скурлатова часто приезжают иностранные гости, и когда они слышат историю из детских уст, им даже не нужен переводчик, многие понимают, о чем речь.

Заведующая музеем, учитель истории Елена Николаевна Масляева рассказывает мне:

– В 2013 году приехала к нам делегация из Болгарии, мы показали короткий фильм, который наши школьники сняли про Алексея Ивановича любительской камерой. К концу показа болгары плакали. Одна из членов делегации подошла и говорит: «Это было так душевно, мы чувствовали, что это рассказ детей, без фальши, такое невозможно подделать. Спасибо, вы открыли нам душу!»

Среди активистов музея старшеклассники: Аня Никитина, Ирина Маркова, Рома Зарытов, Катя Недосекова, Рома Креклин, Анжелика Торгашова, Дима Кудрявцев, Надя Матвеева. Каждый из них был лично знаком с Алексеем Ивановичем Скурлатовым.

Рома Зарытов говорит:

– Мы жили с ним на одной улице. С самого детства помню, как он постоянно в лес ходил с лукошком. Высокий такой, добрый. Всегда над нами подшучивал: «В школу пошли? Опять за двойками?».

Рома Креклин добавляет:

– А меня он всегда березовым соком угощал, он вообще всех ребятшек чем-нибудь угощал. Мы очень любили его встречать, что-нибудь вкусненькое перепадет.

Аня Никитина делится своими воспоминаниями:

– Для меня Алексей Иванович был самым веселым дедушкой на свете. Всегда улыбался, не жало-

вался, как любят некоторые старики. Было такое чувство, что он никогда не заболеет...

Смерть Алексея Ивановича стала для ребят большой утратой. Парни Рома Креклин и Рома Зарытов помогали хоронить, несли памятную вахту у гроба.

Елена Николаевна говорит:

– Все вместе мы решили, что теперь нам нужно еще крепче хранить память о таком человеке. Рассказать то, что видели своими глазами. Родственники Алексея Ивановича передали нам новые экспонаты: бритвенный станок Алеши, ножик, с которым он ходил по грибы, вазу, привезенную из Болгарии, печать (Скурлатову приходили сотни писем со всего мира, чтобы не запутаться, на каждое отвеченное он ставил печать). Особая реликвия – старинные часы, которые стояли в спальне фронтовика. Удивительное совпадение: стрелки сами остановились без десяти минут девять. В это время вечером 3 ноября 2013 года в реанимации остановилось сердце легендарного Алеши...

Кроме этого на стендах много фотографий, грамоты Алексея Ивановича. Постепенно музей расширяется, сам Скурлатов хотел, чтобы здесь была информация не только про него, но и про других фронтовиков. В годы Великой Отечественной войны в Косихинском районе Алтайского края было призвано 6 618 человек. Из них 4 169 погибли или пропали без вести. В экспозиции музея архивные документы, фронтовые письма, уцелевшие личные вещи.

В 2014 году школьники сделали особый стенд, посвященный всероссийской акции «Бессмертный полк»: ребята составили биографии своих родных прадедов погибших на войне.

И все же изюминкой музея стал трехметровый (в высоту школьного потолка) графический памятник «Алеша» – копия того, который установлен в Болгарии. Около него часто фотографируются гости. Среди почетных посетителей здесь уже побывали, как уже упоминалось, болгарский певец Бисер Киров, посланник ООН Фарид Шахид, депутаты Государственной думы РФ.

Ребята признаются, что у них есть мечта, чтобы музей посетил сам президент.

Учителя отмечают, что благодаря музею, школьники очень изменились. Стали смелее, не боятся выступать перед публикой.

Рома Креклин признается:

– Помню первых гостей, меня так трясло, что отвели в медпункт, валерьянкой отпаивали, а теперь я научился выступать, даже нравится. История и обществоведение стали любимыми предметами. Родители говорят, я даже учиться стал лучше.

Все ребята, которые занимаются музеем, без преувеличения – удивительные. Почти все окончили музыкальную школу, участвуют в образовательных олимпиадах. Катя Недосекова так полюбила краеведение, что даже написала исследовательскую работу: составила словарь, где расшифровала названия улиц Налобихи. Со своим докладом она участвовала в программе «Будущее Алтая». При этом она успевает заниматься вокалом и искренне признается, что ее любимая песня это «Алеша». Она поет ее на праздниках и просто дома...

АЛТАЙ- БОЛГАРИЯ: ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ

Глава седьмая

ОТ ЧУЙСКОГО ТРАКТА ДО БАЛКАН

Некоторые современные ученые считают, что предки первых болгар могли жить на Алтае. В 2013 году в Монголии прошла IV Международная тегеранская конференция, где был представлен доклад «Сибирские скифы – предки болгар?!». Данную теорию поддерживает и историк Божемир Димитров. Он уверен, что прадеды болгар отправились в Европу еще в I веке до н.э., покинув равнины, лежащие где-то у северной границы Китая. Часть племен, следуя на запад, оседает в Западной Сибири, а впоследствии на Алтае, постепенно расширяя границы своего государства вплоть до Индии. В III–IX вв. они останавливаются в Европе – на территории нынешних южнорусских равнин, на Кавказе и в Армении, вступая в тесные контакты с Персией и Византией.

А если приглядеться не к такому далекому прошлому, тут найдется еще больше ниточек, связывающих Алтай с Болгарией. И одна из них – судьба исследователя Чуйского тракта, ставшего героем русско-турецкой войны в Болгарии...

Русские дважды освобождали Болгарию. В XX веке от фашистской Германии, а в XIX веке от османского ига. Стоит отметить, что и в русско-турецкой войне Алтай сыграл свою роль. Итак, перенесемся в 18 августа 1877 года. Армия Российской Империи уже форсировала Дунай, идут кровопролитные бои за свободу болгарских городов и деревень. У небольшого села Карахасанкиой целый день не стихает сражение. Силы неравны: три тысячи русских солдат Зарайского полка против двенадцатитысячного войска паши.

Белоснежная форма русских стала похожей на пыльные мешки, пропитанные потом, кровью и сажей. Страшная жажда, глаза разъедает копоть горящих деревенских хат и пороховой дым. Кажется, знойная погода на стороне врага: солнце мучает, а загорелым туркам все нипочем. К ним со всех сторон прибывает подкрепление.

Этот бой описывается в книге «Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка», которую в 1890 году написал поручик П. Домашев. Пять раз полк отбивал село и пять раз его назад захватывали османы. После шестой штыковой атаки генерал Леонов приказывает зарайцам отступить. Они сделали, все что смогли. В своем рапорте главнокомандующему он написал: «Поистине я могу сказать, что зарайцы из преданности Государю и Отечеству и ради славы своего полка, забыли голод и усталость и умирали героями». На следующий день Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич приехал в полк и лично поблагодарил зарайцев за службу.

В честь отважного 140-го Зарайского пехотного полка населенный пункт болгары переименовали в Зарайск (его и сейчас можно найти на карте).

Среди героев этой битвы и 39-летний полковник Андрей Густавович Принтц. Личность выдающаяся, правая рука командира. Он отличается невероятной закалкой, умеет ориентироваться в незнакомых землях, быстро составляет карты, лихо скачет на коне. Уже в декабре 1877 года Принтца назначают командиром Зарайского пехотного полка (прежний полковник Николай Николаевич Назаров пошел на повышение). Он участвует в решающих боях за

освобождение Болгарии. В начале 1878 года, когда турки уже разгромлены и русские войска готовятся к отправке домой, наших солдат настигает другая напасть – тиф. В книге «Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка» говорится: «нижних чинов умерло от тифа в четыре раза больше, чем от пуль и гранат противника». Отважный командир Принтц помогает переносить в госпиталь тифозных солдат и сам заражается инфекцией. 8 марта 1878 года он умирает, и его со всеми почестями хоронят на кладбище в болгарской деревне Пороищи (Разградская область, входит в общину города Разград). Эта могила с мраморным памятником сохранилась по сей день. За ней бережно ухаживают местные жители. Мало кто знает, что этот храбрый воин – не чужой Алтаю человек.

В архивных документах мы нашли строевую песню Зарайского полка:

Будем, будем с врагом драться,
Кровных братьев защищать,
Будут славные Зарайцы,
Слуги Благо Царя.
Народ русский провожает,
Нас с любовью везде...
Нас священник на прощанье
Окропил святой водой.
Предки наши боевые,
Заслужили славу нам;
Пусть теперь и нас узнает,
Лихой Турка – басурман!
Дунай реку и Балканы
Перейти нам нипочем, –

Берегитесь, басурманы,
Мы вас всех везде побьем!...
Мы порадуем Россию,
А с ней Батюшку Царя:
Грозной тучею нахлынем
Мы на нашего врага...
Знает он от наших предков,
Слуг Российского Царя;
Смерть ему, коль он услышит,
Наше дружное ура!...

Андрей Густавович Принтц родился в 1838 году в Санкт-Петербурге, в семье статского советника. Получил прекрасное военное образование (Первый кадетский корпус, Николаевская академия при Генеральном штабе). В списке выпускников Николаевской военной академии 1861 года из 66 человек Принтц записан под № 30. Поясним: данные списки в то время составляли, учитывая достижения в учебе (самым лучшим – первые места, худшим – последние). Десятка отличников оставалась при Генеральном штабе, других распределяли по всей России. Росчерком пера будущий герой Андрей Густавович назначается в штаб Отдельного Сибирского корпуса в городе Омске, куда приезжает осенью 1861 года.

Увы, в архивах города Омска мы не нашли документов, которые могли бы рассказать биографию Принтца. Историкам известны только мизерные данные. Любопытно, что персоной Андрея Густавовича несколько лет назад заинтересовалась болгарская исследовательница Веселина Мелушева. Она специально приезжала в Россию и даже участвовала

в телепрограмме «Жди меня», чтобы отыскать потомков славного русского воина. Мы пообщались с ней через Интернет и узнали интересные факты.

Андрея Густавовича Принтца можно назвать первым профессиональным (в военной академии он изучал геодезию, топографию) исследователем Чуйской долины. Он прошел дорогой, которую мы сейчас называем Чуйский тракт. До недавнего времени считалось, что родоначальником исследований будущего тракта был военным инженер Вараксин, который с 1893 по 1894 год детально изучил Чуйские тропы. Но материалы, найденные при подготовке данной книги, позволяют нам сделать вывод: санкт-петербургский Принтц был первым.

Думаю, стоит пояснить: Принтц стал участником, но инициаторами путешествия-исследования были бийские купцы. Вот что по этому поводу считает доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета Александр Старцев:

– Бийские коммерсанты еще в конце XVIII столетия установили торговые отношения с Монголией, входившей в состав Цинской империи. Первые упоминания о таких контактах относятся к 80-м годам XVIII века и связываются с именем купца Ивана Хабарова. Вскоре к нему присоединились купцы Мальцевы, Кузнецовы, Шебалины и жители Змеиногорска Токарев и Просеков. Торговцы отправлялись из Бийска зимой на лыжах, а затем верхом выезжали в горы. Эти путешествия были довольно опасны, но чрезвычайно прибыльны. По рассказам потомков Ивана Хабарова, живших в Бийске во второй половине XIX в., их предок «...брал с собою товаров

на 400 или 500 рублей ассигнациями, в том числе множество ничтожных безделушек, и, доехав до Чаган-Узун, на пути наменивал, кроме других товаров, такое огромное количество соболей, что они едва вмещались во вьючную суму. Следовательно, прибыль получалась втрое или четверо более против стоимости товара».

Постепенно продвигаясь далее на юг, торговцы вступали в контакт с подданными Китая. Так в Чуйской долине неподалеку от пограничных караулов установился регулярный торг.

Подписание между Россией и Китаем Пекинского договора 1860 года и «Правил сухопутной торговли» 1862 года позволили русским подданным выезжать за границу и торговать непосредственно в городах северо-западной Монголии. Однако русским торговцам было весьма затруднительно утвердиться на монгольском рынке без помощи правительственных органов. Поэтому в 1863 году торгующие в Кош-Агаче бийские купцы обратились к томскому губернатору Г. Лерхе с просьбой оказать содействие в перенесении их торговли непосредственно в пределы северо-западной Монголии. Признав обоснованность их ходатайства, Лерхе санкционировал поездку в Кобдо бийского купца В.А. Гилева с двумя работниками в сопровождении штабс-капитана генерального штаба А. Принтца как официального представителя администрации «...с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем».

После этой поездки все формальные препятствия были устранены, и чуйцы начали открывать в городах северо-западной Монголии свои торговые

предприятия. Так, в 1876 году постоянную торговлю в Кобдо вели четыре купца, в Улясутае в 1879 году насчитывалось девять русских лавок.

Получается, что похороненный в Болгарии русский воин Андрей Принтц не только герой русско-турецкой войны, но и первый проводник алтайских товаров на зарубежные рынки.

Еще в 1863 году он отправился в удивительное путешествие: от купеческого города Бийска до китайского Кобдо (Хобдо). Веселина Милушина по этому поводу написала нам:

«Принтц не просто прошел (люди здесь ходили и до него) от Бийска до Китая, он вел дневник, изучал почву, археологические древности, проводил этнографические исследования и описывал быт

Чуйский тракт в XIX веке

коренных жителей (в XVIII веке на территории сегодняшнего Горного Алтая было множество мелких поселений, в том числе и старообрядцев-каменьщиков). Андрей Принтц оставил для потомков замечательную работу «Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 году». А через два года неутомимый исследователь Алтая опубликовал в Санкт-Петербурге новый очерк – «Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в город Хобдо». А. Принтц прошел через Горный Алтай как по будущему тракту, так и другой дорогой, известной еще с древности как Бухтарминский тракт. Можно сказать, что на Алтае штабс-капитан искал самые северные ответвления Великого шелкового пути. У истоков Бухтармы тропа уходила над районом лесов в сторону плато Укок и через перевал Улын-Даба (по-казахски Кызыл Кезен), достигала крепости на Сайлюгемском хребте, который тогда считался границей между Россией и Китаем (сегодня с Монголией). Экспедиции Принтца предстояло выяснить, какой из двух путей по горам Алтая считается наилучшим для укрепления торговых связей с Китаем».

Из дневника Андрея Принтца

«Дорога, или лучше сказать конная тропа, пролегающая по горам и долинам горных рек, в настоящее время не только неудобна, но и представляет значительное затруднение... До с. Мьюты, где находится стан Алтайской духовной миссии, дорога колесная, далее же тележная езда становится затруднительной, и

ей предпочитается верховая...Перевоз же через Катунь по быстроте течения довольно опасный, тем более что переправа происходит в небольшом челноке и весьма неудобно устроена.

От катунского перевоза следуют вверх по небольшой речке Сальджар, в вершине ее переваливают в реку Елагуш, поднявшись по которой переходят высокие, местами снегом покрытые Айгулакские горы. С этого разлома гор, откуда берут начало реки Елагуш и Иня, текущие в Катунь и Айгулак, впадающие в Чую, представляется очаровательная картина снеговых вершин, или так называемых белков Алтая.

Следование по лесистой долине Айгулака, по топям и грязям, представляют много трудностей, а потому во избежание их, в особенности в дождливое время года, товары на Чую направляются из Сальджара на вершину небольшой речки Карасу, впадающей в реку Иня, а эта – в Катунь, и по берегу Катунь выходят в устье Чуи.

Этот путь выгоднее первого потому что исключает один перевал (из Елагуша в Айгулак), но зато затруднительно по Чуе вверх до Айгулака, где приходится переходить восемь бомов, из которых четыре весьма опасны. Бом, калмыцкое слово, усвоенное в тамошней местности и русскими, означает скалу, стесняющую течение реки, нависшую над водой и заграждающую путь по берегу реки. Для перехода через эти утесы извивается между камнями узенькая тропинка, часто на страшной высоте, над

самой пропастью. На опасных бомах всадники слезают с коней, вьючные лошади развьючиваются, а вьюки переносятся лошадьми, иногда даже лошадей втаскивают арканами. Все эти препятствия, представляемые природою, преодолеваются нашими купцами, ездящими на Чую и отправляющими туда каждый год несколько караванов с товарами. Самая торговля бывает в 40 верстах от лавок, у ключа Бураты, на половинном расстоянии между ними и китайской границей».

Сегодня федеральная трасса «Чуйский тракт» – это не просто автомобильная магистраль длиной 963 километров от Новосибирска до государственной границы с Монголией, это уникальный историко-географический памятник. Ежегодно этой дорогой проезжают тысячи туристов, приехавшие насладиться красотами Алтая. Вдоль тракта находится множество объектов культурно-просветительского значения, прежде всего это музеи, памятники и памятные места, связанные с выдающимися событиями Алтая, именами замечательных людей. Вот только некоторые из них: село Полковниково – родина космонавта Германа Титова, село Налобиха – родина фронтовика Алексея Скурлатова, бывший купеческий город Бийск, село Сростки – родина писателя, кинорежиссера, актера Василия Шукшина. В городе Бийске открыт музей Чуйского тракта (он находится в одном здании с краеведческим музеем).

ПИСЬМО С НАМЕКОМ

Нужно отметить, что бийские купцы были не только торговцами, но и в какой-то степени просветителями, людьми активными, любознательными. Они следили за мировыми новостями и хотели участвовать в мировой жизни. В 1875 году русский генерал Михаил Григорьевич Черняев в журнале «Русский мир» пишет статьи о необходимости освободить балканские страны от турецкого ига.

Весной 1875 года, когда произошло восстание в Герцеговине, Черняев один из первых усмотрел в нем начало крупного международного кризиса, связанного с общим вопросом о судьбе восточного славянства. Горячо отдавшись общественному движению в защиту турецких христиан, Черняев вскоре вступил в сношения с сербским правительством и был приглашен в Белград для руководства военными действиями в задуманной князем Миланом кампании против Турции. Единомышленники стали писать письма Михаилу Григорьевичу со всей России. В том числе и из Бийска. В мемуарах Черняева мы нашли сообщение от Афанасия Малькова, бийского купца, подписанное 1876 годом. Вот этот документ.

«Ваше Высочайшее Превосходительство, Возлюбленный о госпoде Михаил Григорьевич.

Поздравляю ВАС, моего родного и со всеми ВАШИМИ братьями, которые охраняют христианскую веру и воюют по братьям нашим славянам. Я бы полетел к ВАМ при прежнем моем здоровьи, как г-н Хлудов, но я весь год пробыл в болезни, только вот

дня три стала проходить моя болезнь. Поминаю и молюся во блаженном упокоении раба божия, воина Николая Николаевича Раевского и каждый день молюсь и прошу Господа, чтобы быть ВАМ здоровым, и поздравляю ВАС со днем Ангела, если ВЫ Архистратига Михаила 8-го ноября, и Ему молюсь, дабы он, поборник адских сил, пособил ВАМ побороть эту тьму магометанскую.

За сим остаюсь всегда искренно помнящий и каждый день поминающий грешный. Афанасий Мальков.

Проживающий в г. Бийске, Томской губ., торгую и слава Богу, трудом добываю себе насущный кусок хлеба.

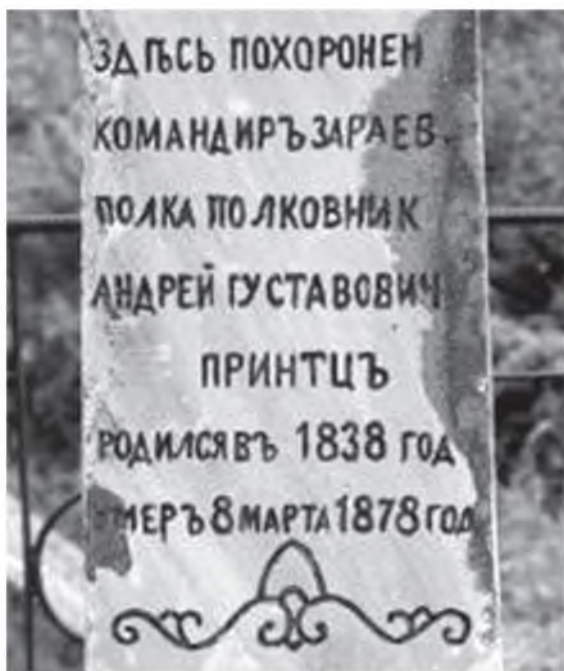
Р. S. Если можно Вас просить какой войне оборот будет - меня уведошить.

16 октября 1876 г. Г. Бийск».

Несложно догадаться, о какой войне говорит Мальков. Правда, Черняев сам не смог попасть, хотя и очень хотел, на русско-турецкую войну (Император его отстранил). Но само письмо Малькова еще раз доказывает, что сибиряки были не равнодушны к судьбе Балканского полуострова. Они всегда готовы помочь братья славянам.

УЛИЦА ДИМИТРОВА

Одна из центральных улиц Барнаула носит имя известного болгарского революционера – это улица Димитрова (в честь Георгия Михайловича Димитрова). Она пересекает главные городские проспекты Комсомольский, Ленина, Социалистический. На

Доска на могиле Андрея Густавовича Принца

Знак Зарайского стрелкового полка

улице Димитрова располагаются такие важные объекты, как городская больница № 1, корпуса двух вузов – алтайского технического и классического университетов.

Кто-то скажет: обычное дело. В советское время во многих городах улицы переименовывали в честь коммунистических лидеров и событий. Например, в Москве в 1956 году в честь Димитрова была переименована центральная улица Большая Якиманка. В Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) именем Димитрова названа в 1974 году новая улица в районе Купчино. В 1957 году в Ижевске улицу Ворошилова поменяли на Димитрова. Но вернемся к Барнаулу. У нас имя болгарского деятеля получила улица 6-я Алтайская. Причем случилось это скорее всего в 1928 году. В плане города 1925-го года зафиксировано название 6-я Алтайская, а в плане 1932 года уже

*В честь болгарского коммуниста Георгия Димитрова
в Барнауле названа улица*

значится улица имени Димитрова (алтайские краеведы считают, что массовое переименование улиц началось в 1928 году). То есть наша улица Димитрова появилась еще при жизни болгарского деятеля, раньше, чем в любом другом городе России. Правда, в плане Барнаула 1941 года улица Димитрова вдруг превращается в Дмитровскую. А после войны опять в Димитрова. Мы предполагаем, что это не переименование, а ошибка писаря, которая при составлении нового плана была исправлена.

В 1960 году в Барнауле появляется еще и проезд Димитрова (Железнодорожный район, от переулка Ядринцева до переулка Революционного). А в Благовещенском районе сейчас есть СПК «Димитровский».

Димитров

Георгий Михайлович Димитров (18 июня 1882, село Ковачевици, ныне Перникская область, Болгария – 2 июля 1949, Барвиха под Москвой) – деятель болгарского и международного коммунистического движения; с 1946 года – председатель Совета министров НБР, с 1948 – генеральный секретарь ЦК БКП.

БОЛГАРСКИЙ МИНИСТР И СИБИРЬ

Известный военачальник Петр Панчевский (в России он был известен как Петр Павлов) родился 25 января 1902 года в небольшом болгарском селе Бутан (Врачанская область, входит в общину Козлодуй), но судьба забросила его в Сибирь.

Отец Петра окончил два класса начальной школы. Одно время работал писарем при адвокате, вел крестьянское хозяйство.

Петр был третьим ребенком в семье. Когда вспыхнула Балканская война, будущий министр учился в третьем классе. Отца послали воевать с турками, а потом на фронт Первой мировой войны.

В 17 лет писарский сын Петр Панчевский был принят в Молодежный коммунистический союз молодежи. В 1921 году поступил в педагогическое училище, а окончив его в 1923 году оказался в самой гуще восстания, вспыхнувшего тогда в Болгарии. В ночь на 24 сентября 1923 года власть в селе Бутан перешла в руки повстанцев. Петра Панчевского единогласно избрали председателем революционного комитета. Вместе с отрядом земляков участвовал в вооруженных стычках. Но через несколько дней повстанцам пришлось отойти к югославской границе. Чтобы избежать репрессий, 3 октября 1923 года Панчевский эмигрировал в Югославию. 25 августа 1925 года с большой группой болгарских политэмигрантов (70 человек) через Австрию по подложным документам (на имя югославского гражданина Гюро Обрадовича) отправился в СССР.

Тех, кому нельзя было возвращаться в Болгарию, особенно из молодых, заграничное бюро ЦК БКП направляло в Советский Союз для учебы и подготовки к будущей революционной борьбе.

В Советском Союзе Панчевский получил фамилию Павлов окончил Ленинградскую военно-инженерную школу и Военно-инженерную академию имени Куйбышева, стал известным военным специалистом-сапером. Весной 1938 года его направили в Сибирь.

В своих мемуарах «Огненные дороги» (книга вышла в Болгарии в 1980 году, сейчас переведена на русский) Панчевский описывает свою службу в Сибири, в том числе вспоминает и Барнаул. Вот отрывок:

«Весной 1938 года я получил назначение на должность начальника инженерных войск Сибирского военного округа. Это меня немного смутило. Такую ответственную должность по штату полагалось занимать генералу, а я был майором и даже еще не командовал саперным батальоном.

Моя служба в Сибирском военном округе продолжалась до начала Великой Отечественной войны.

Главной задачей округа было готовить кадры по всем специальностям в глубоком тылу Советской Армии. На различные курсы для переподготовки призывались запасники рядового и командного состава. Все командиры в течение года были заняты напряженной учебой. Штаб округа, который в военное время формировал штаб армии, организовывал различные штабные учения с командирами и штабами частей.

Довольно много времени мы проводили в войсках, на месте проверяя ход учебно-тренировочных занятий и оказывая помощь в организации учебного процесса. Систематическая переподготовка рядовых и командиров запаса принесла большую пользу. Это сказалось уже в первые месяцы войны против немецко-фашистских захватчиков, когда 80 процентов участвовавших в боях составляли призванные из запаса командиры и солдаты. Те, кто прошел курсы переподготовки, очень быстро осваивались в боевой обстановке.

Это подтвердил и опыт нашего округа, развернутого в начале войны в 24-ю армию, которая, несмотря на неблагоприятные условия, вела успешные

боевые действия против превосходящих сил противника в районе Дорогобужа и Ельни в июле – августе 1941 года.

Война застала меня на командно-штабных учениях, которые штаб округа проводил в районе Барнаула на обоих берегах величественной русской реки Оби. Сибирские просторы широко раскинулись передо мной. Где-то вдали пролетали стаи запоздавших птиц...

О вероломном и внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз мы узнали утром 22 июня от руководителя учений, командующего округом генерал-лейтенанта С. А. Калинина. Он собрал нас и сообщил, что сегодня утром фашистская Германия без объявления войны внезапно напала на Советский Союз, нанеся удар огромной силы.

В двенадцать часов по московскому времени (в шестнадцать часов по местному) мы слушали в районе учений выступление В.М. Молотова по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии.

По пути в Новосибирск я обратил внимание на то, что в селах, которые мы проезжали, обстановка оставалась спокойной. В самом городе, куда мы прибыли на другой день утром, тоже царило спокойствие, только на улицах и площадях было более оживленно, чем обычно. Кое-где, собираясь группами возле домов, беседовали женщины.

– Слышала, Мария Ивановна, эти поганцы фашисты бомбили Минск и Одессу?..

– Война! – сокрушенно отвечала другая.

Вечером 25 июня группу ответственных офицеров вызвали в кабинет командующего округом. Среди них были начальник штаба округа генерал-майор Глинский, командующий артиллерией генерал-май-

ор Машенин, начальник связи генерал-майор Соколов, командующий бронетанковыми войсками полковник Ивакин, начальник оперативного отдела подполковник Сахно и я в качестве начальника инженерных войск.

Командующий округом генерал-лейтенант Калинин объявил:

– Все присутствующие здесь входят в оперативную группу штаба формирующейся двадцать четвертой армии и завтра самолетом вылетают в Москву, а оттуда на фронт. Будем готовить противнику второе Бородино. – И, обратившись ко мне, приказал: – Возьмите как можно больше ваших инженеров, пока придут части армии. Работы по вашей специальности будет больше всего.

Выполняя указание командующего округом, я взял с собой офицера из инженерного отдела штаба округа майора Филатова, хорошего специалиста по маскировочному делу, а также майора Слюнина, который два месяца назад командовал инженерным полком, а теперь работал в инженерном отделе. Других офицеров – специалистов инженерного дела – я уже не имел возможности взять с собой, так как саперные батальоны еще в марте 1941 года были отправлены на западную границу для оборудования пограничного района.

В шесть часов утра 26 июня мы все собрались на аэродроме. Провожающих не было.

С семьями прощались спокойно. «Иди, родной, бей озверевшего врага и скорее возвращайся живым и здоровым с победой!» – так тогда расставались матери с сыновьями, жены с мужьями. С такими же пожеланиями проводили и нас наши жены и дети.

В самый канун 1929 года Петр Панчевский женился на жительнице Ленинграда Марии Амосовой. Она разделила с ним все тяготы военной жизни: частые переезды из гарнизона в гарнизон, волнения, связанные с его пребыванием в течение года в Испании, лишения четырех лет Великой Отечественной войны.

Это она помогла будущему советскому офицеру, изучавшему военно-инженерные премудрости, в совершенстве освоить русский язык.

Когда 26 июня 1941 года Петр уходил на фронт, Мария оставалась в Новосибирске с двумя детьми на руках: одиннадцатилетней дочерью Эльмирой и семимесячным сыном Брониславом.

Самолет набрал высоту и взял курс на запад. Под нами открылась величественная панорама необъятных сибирских просторов. Густой ковер хвойных и лиственных лесов сибирской тайги вскоре сменили высокие Уральские горы. Здесь мы увидели большие заводы тяжелой промышленности Советской страны. Потом внизу засеребрилась великая русская река Волга, и поздно вечером мы прибыли в Москву».

Петр Панчевский в первые дни войны занимал генеральскую должность начальника инженерных войск 24-й армии, хотя пока еще был майором. Затем было новое назначение. На этот раз – начальником инженерных войск 5-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Леонид Говоров. Перед армией была поставлена задача оборонять ближние подступы к Москве. В ходе зимнего контрнаступления под столицей, как известно, были разгромлены 38 немецких дивизий, враг отброшен на 250 километров от Москвы.

Потом Петр Панчевский воевал на Северном Кавказе, где его серьезно ранило. После выздоровления был назначен начальником курсов усовершенствования командного состава инженерных войск (ИКУКС) в Костроме. В начале июня 1943 года стал командиром 12-й штурмовой инженерно-саперной бригады РКК.

*Петр Панчевский, болгарский министр,
служивший на Алтае*

Во главе этого соединения 3-го Украинского фронта генерал Панчевский освобождал от фашистов Румынию и родную Болгарию, Югославию и Венгрию.

Алтайский писатель и журналист Анатолий Муравлев публиковал в «АП» в 2008 году очерк о дальнейшей судьбе Панчевского:

«Вскоре после окончания войны Панчевского спросили, не хочет ли тот вернуться в Болгарию? Он без раздумий согласился.

По возвращении на родину Панчевский был назначен командиром 1-й гвардейской дивизии в Софии.

В этой должности пробыл около двух лет. В конце 1947 года его направили в город Казанлык командиром первого танкового соединения в стране.

В рядах Народной армии Болгарии Петр Панчевский прослужил тринадцать лет, дослужился до самого высшего воинского звания, восемь лет, с 1950 года, был министром народной обороны страны.

Одной из первостепенных задач руководителя оборонного ведомства была забота об улучшении кадрового состава армии. В рядах БНА большую часть командных кадров, и прежде всего в штабах, все еще составляли офицеры старой армии. Но через несколько лет военные училища Болгарии и Советского Союза подготовили новых командиров. Из СССР поступали современное оружие и боевая техника. Таким образом, к середине 50-х годов болгарская Народная армия была полностью перевооружена.

Богатый опыт, полученный в том числе и в Сибири, на учениях под Барнаулом, ну и, конечно, в боях в Испании, СССР, Румынии, Болгарии и других странах, позволил Петру Панчевскому стать выдающимся военачальником».

БАРНАУЛЬСКАЯ ЖЕНА

Еще один любопытный эпизод рассказал нам историк-краевед Евгений Платунов. Он просматривал электронный архив Министерства обороны РФ (www.podvignaroda.mil.ru) и обнаружил такой факт. 13 марта 1943 года при странных обстоятельствах погиб майор Красной Армии (болгарин по национальности) Илья Батевич Стойчев.

Из документа: «Стойчев Илья Батевич, майор, начальник топографического отдела штаба 22-й армии. Родился в Болгарии в 1902 году. Причина смерти – разможжение нижних конечностей, шок. Дата смерти – 13 марта 1943 года (несчастный случай, поезд). Родственница: Краснова Анна Назаровна. г. Барнаул».

Можно предположить, что Илья Батевич был у нас на Алтае. Каким ветром его занесло в наш край, остается загадкой. Адрес Анны Назаровны – п/я (почтовый ящик) 103. Можно предположить, что это какое-то из эвакуированных на Алтай предприятий или госпиталь. Были ли у Стойчева и Анны Назаровны дети, неизвестно. Не исключено, что потомки болгарина, воевавшего за Красную Армию, до сих пор живут в Барнауле...

ОТ СЫРА ДО КОТЛА

Несмотря на приличное расстояние, в советское время Алтай поддерживал с Болгарией торгово-экономические и партнерские отношения. В начале 1960-х годов болгарская сторона пригласила наших сыроделов к себе – чтобы наши научили болгар производству твердых сыров. Это еще раз доказывает:

Алтай всегда славился вкуснейшим сыром! В архиве мы нашли газету «Алтайская правда» за 1962 год с публикаций «Сыр «Алтайский» выпускает Болгария». Приведем небольшой отрывок:

«На всю страну и за ее пределами славятся алтайские сыры. И недаром, когда в Болгарии решили создавать производство твердых сыров, туда был приглашен старший мастер Алтайского завода Марк Дмитриевич Тимко. Недавно он вернулся из поездки.

– Болгарские товарищи встретили меня по-братски, – рассказывает Марк Дмитриевич. – На следующий день по прибытии меня пригласил министр. Он дал высокую оценку советскому сыру, а потом сказал: «В вашем распоряжении специалисты и инженеры республиканского управления молочной промышленности!»

До этого в Болгарии производились так называемые полутвердые сыры, главным образом из овечьего молока. За девять месяцев болгарские сыроделы под руководством Тимко освоили технологию приготовления «Советского» и «Алтайского» сыров. Налаживая производство сыра, Марк Дмитриевич одновременно знакомился с работой болгарских животноводов.

Алтайский край является прародителем многих сортов сыра. Наши сыроделы выпускают не только качественную и экологически чистую продукцию, известную далеко за пределами нашего региона. Алтайские сыроделы еще в конце XIX века пытались освоить производство сыров, схожих по рецептуре со швейцарскими. Но заимствованные из Швейцарии технологии

не работали в условиях Алтайских предгорий. Предстояло создать собственную, уникальную рецептуру, максимально учитывающую местные условия, и позволяющую наладить массовый выпуск. Решил эту задачу в 1930-е годы на Куяганском и Айском сырзаводах сыродел Дмитрий Анатольевич Граников. В отличие от швейцарского, советский сыр изготавливается из пастеризованного молока, обладает короткими сроками созревания (3–4 месяца). Пробные партии нового сорта были отправлены в Лондон, где получили высокую оценку (90–95 баллов по 100-балльной системе). Весь объем произведенного сыра «Советский» был причислен к высшему (25%) и первому (75%) сортам.

Начиная с 1932 года почти все заводы Алтайского района были переведены на выработку сыра «Советский».

– На фермах в Болгарии царят чистота и порядок, – делится он своими впечатлениями. – Возле скотных дворов не встретишь навоза, его сразу складывают в специальные бурты, а затем весь доставляют на поля. На фермах действуют доильные установки типа нашей «елочки», обслуживают аппараты в основном мужчины, механизаторы.

Однако на фермах Тимко подметил и ряд недочетов, посоветовал как устранить их. В этом его полностью поддержал профессор софийского зооветеринарного института Дымов».

Сейчас твердый болгарский сыр (с алтайскими корнями!) популярен. Блюда из него входят в кулинарные книги страны. Например, национальная

болгарская закуска кашкавал пане – это сыр твердого сорта, обжаренный в специальной панировке. Употреблять кашкавал пане желательно в свежеприготовленном виде, а немного душистого фруктового болгарского уксуса придадут блюду изысканный вкус.

Алтай помогал Болгарии техникой. Так, в центральной газете «Правда» за 19 февраля 1964 года мы нашли заметку «Для наших друзей». В ней говорится, что алтайские тракторостроители приготовили болгарам хороший подарок.

«Из ворот завода города Рубцовска вчера вышел железнодорожный состав. На платформах с надписями «Барнаул – София» – 50 мощных гусеничных машин. Это первая крупная партия тракторов, отгруженных в новом году алтайскими машиностроителями земледельцам Народной Республики Болгарии».

В 1968 году из болгарского города Видин в Барнаул прибыли две делегации специалистов химической промышленности. Они проходили стажировку на нашем Барнаульском комбинате химического волокна (КХВ). В архивах мы нашли письмо Емила Давидова, заведующего отделом контрольно-измерительных приборов и автоматики главного корпуса завода синтетического волокна Видинского химического комбината, руководителя группы болгарских стажеров в Барнауле. Приведем отрывок этого документа:

«Город Видин, где я родился и работаю, стоит на Дунае. По сравнению с Барнаулом он небольшой – в нем пока всего 60 тысяч жителей. Но рядом со старой частью растет новый современный город. Сердце его – химический комбинат с заводами шинным, синтетического волокна, корда и другими. Через месяц

мы уже пустим опытную установку по производству капронового шелка (по типу барнаульского «малого капрона»). Подобных предприятий у нас в Болгарии пока нет. А строят сразу три новых. Все они, как и наш комбинат, спроектированы советскими специалистами. И действовать будут на советском оборудовании, построить их нам помогают русские друзья.

Весной в Барнаул были направлены первые шесть болгарских специалистов с Видинского комбината. Все сдали экзамены, в основном на «отлично». Мы, вторая группа из Видина, приехали в Барнаул в августе. Ехали мы сюда со своей программой учебы. А нам ее здесь так дополнили, так углубили, что на барнаульском комбинате учимся как во втором институте! Начальник отдела технического обучения Иван Андреевич Долгий, например, для всех 45 болгар составим обстоятельную программу индивидуального обучения. Для каждого! Ко всем были прикреплены по одному-два шефа. Да к тому же выделили еще четверых инструкторов и для общего руководства нашей практикой – технолога Марию Алексеевну Леоненко.

Прошло два с половиной месяца нашей учебы в Барнауле. В конце октября большая группа наших рабочих сдала экзамены и выезжает на родину. Их оценивала очень строгая комиссия. Видно было, что выпустить нас хотят с такими знаниями, чтобы работа на родине пошла сразу.

Многие из наших ребят до приезда в Барнаул не имели трудового стажа. Эта вчерашние школьники, совсем еще юная молодежь, большинство – из села. И прекрасной школой приобщения к рабочим традициям, творческого отношения к делу стали месяцы пребывания на Барнаульском комбинате химического волокна.

Покорили меня сибиряки. Вы удивительно гостеприимный, радушный, добрый народ. И у меня, и у моих товарищей в Барнауле появилось много хороших друзей. Мы побывали в гостях во многих семьях, узнали вкус сибирских пельменей и еще многих, прежде незнакомых нам блюд.

Многим из нас удалось познакомиться с Горным Алтаем, полюбоваться Телецким озером. Не один раз мы отдыхали в поселке Казачьем – в комбинатском доме отдыха. Для нас экскурсии по Барнаулу, на ВДНХ, во Дворец спорта, познакомились с вашими театрами.

С некоторой грустью расстаемся мы с вами. Большое спасибо, русские братья, за вашу помощь, за вашу дружбу».

Дружественная Болгария делала Алтаю подарки. Так, в Барнаул стали поступать болгарские фрукты. В газете «Алтайская правда» отписывается любопытный эпизод. В январе 1967 года на прилавках магазинов вдруг появились мороженые персики и абрикосы с Балканского полуострова. Горожане такого еще не видели и скупали эти десерты сумками.

В 1970-е годы у сибиряков становятся популярны болгарские курорты. В семейных альбомах барнаульцев можно найти фото болгарских пляжей, уютных санаториев, многие привозили традиционные болгарские сувениры: розовое масло, скатерти и платки с ручной вышивкой, керамическую посуду, сувениры с Шипкинского перевала, рассказывающие о его героической обороне во время войны с турками.

Любопытную историю в 1975 году опубликовал в «Алтайской правде» Юрий Майоров (бывший главный редактор газеты). В отпуске он побывал на

болгарском курорте в городе Варна, где отведал интересный напиток. Статья называется «“Алтай” или кока-кола?»:

«Я зашел в обычное кафе, которое прилепилось на нескольких камнях в двух шагах от моря. Стены обтянуты рыбацкими сетями. Стайка школьников усаживалась за соседний стол. Подходит к молодежи официантка. И вдруг я слышу среди заказов знакомое слово «Алтай». Беру меню. Да, среди напитков – кока-колы, минеральной, фруктовой воды – есть и «Алтай». Не удержался от соблазна и я. Мне принесли небольшую запотевшую бутылочку. Пробую. Своеобразный, немного вяжущий вкус. Очень приятный. Цена? Всего 10 стотинков. Чуть ли не вдвое дешевле кока-колы.

Может быть, напиток носит такое название исключительно из-за экзотики дальнего от Болгарии сибирского края? Как потом выяснилось, нет. Просто напиток делается на базе нашего, знаменитого на весь мир, «золотого корня». Любопытна история появления этого напитка. К нам на Алтай приезжали специальные представители Болгарии, проводили эксперименты по составлению нового напитка, заключали контракты. И только когда окончательно убедились, что дело стоящее, выпустили новую продукцию».

Известно, что напиток «Алтай» и сейчас выпускается в Болгарии и пользуется спросом.

А еще благодаря Алтаю в Болгарии тепло. С 1959 по 1990 годы Барнаульский котельный завод (сейчас ОАО «Сибэнергомаш») поставил в Республику Болгария около 60 котлоагрегатов для крупнейших промышленно-энергетических объектов. В 1964 году Указом Президиума Народного Собрания Народной

Республики Болгария наш завод был награжден орденом «Красного Знамени труда» за оказанную помощь в строительстве ТЭЦ «Марица – Восток-1», строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода. В мае 1965 года делегация энергетиков от Народной Республики Болгария побывала на БКХ и оставила восторженные отзывы о работе и продукции алтайского предприятия. Сейчас эти документы хранятся в архиве завода.

1 октября 1976 года в центральной газете «Правда» выходит статья «Дарящие тепло». В ней рассказ известного болгарского энергетика Георгия Белички (он участвовал в сооружении всех теплоэлектростанций республики Болгария). Беличка был во многих городах России, но с особой теплотой вспоминает именно алтайских котлостроителей. Вот цитата:

«Если “пусковыми двигателями” для многих предприятий республики стали новые теплоэлектростанции, созданные совместным трудом советских и болгарских специалистов, то жизнь многим ТЭЦ дало советское предприятие – Барнаульский котельный завод. Могучие котлоагрегаты с барнаульской маркой приводят в действия электростанции, общая мощность которых превышает 5 миллионов киловатт, и питают горячей водой отопительные системы, обогревают миллионы квартир»...

Болгария была одним из первых заказчиков алтайских агрегатов. Построив у себя ТЭЦ, республика столкнулась с проблемой: на Балканском полуострове уголь низкокалорийный, да еще и с повышенной зольностью. Крупнейшие западноевропейские котлостроительные фирмы наотрез отказались разрабатывать оборудование для таких тяжелых условиях.

Но сибиряки приняли заказ. Специалисты западных фирм скептически посмеивались: что-то выйдет из затеи барнаульцев?

– А получилось, – говорит Беличка, – что котлы алтайские оказались самого высокого качества. И еще важное достоинство: все агрегаты уже на заводе подготовлены к монтажу, установить и наладить их не составляет труда. А это выигрыш во времени, в материалах и людских ресурсах.

Наши котлы до сих пор работают на многих ТЭЦ в Кремиковцах, Бургасе, Плевене, Враце, Стара-Загоре, Марице...

И сотрудничество Алтая и Болгарии продолжается. Еще в 2008 году подписано соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Шуменской областью Болгарии и Алтайским краем России. В 2009 году центры этих регионов, города Барнаул и Шумен, стали побратимами. В 2013 году внешнеторговый оборот наших регионов составил 1 миллион 124 тысячи долларов США. С Алтая в Болгарию шла продукция шинного комбината, древесина, эфирные масла, парфюмерные средства, электрические машины и оборудование, масличные семена и плоды и многое другое. Разрабатываются перспективы развития взаимовыгодного туризма. В 2013 году на Алтай прибыла большая болгарская делегация во главе с послом Болгарии в России Бойко Коцевым. Промышленники, бизнесмены, правительственные эксперты побывали в крае с целью «укрепления и дальнейшего развития торгово-экономических связей региона и Республики Болгария». Словом, дружба и сотрудничество продолжаютя!..

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

В Болгарии установлено свыше 400 памятников русским. Многие улицы, города и села названы в честь русских общественных деятелей и полководцев, погибших в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, советским войнам освободителям.

Вдоль дорог, ведущих с Балкан в Софию, воздвигнуто множество памятников в честь славного подвига русских воинов. Только в нынешнем Софийском округе их насчитывается тридцать девять.

Вблизи села Врачеш, в лощине Кривия-Дол, среди камней возвышается отлитый из чугуна двухметровый крест. На чугунной мемориальной плите, написано:

«В память 28 солдат и сержантов лейб-гвардейского Московского полка, павших за освобождение Болгарии в бою близ Арабаконака 21 ноября 1877 года»

На трех памятниках в Ботевграде выписаны имена офицеров: Войницкого (лейб-гвардейский Московский полк), Ушакова (Петербургский гренадерский полк) и Волкова (лейб-гвардейский Волынский полк). В селе Калугерово под высотами Яковото и Висока-Могилa, на берегу реки Малки-Искыр в 1937 году по инициативе учителя Петра Попмаркова был построен памятник русским освободителям. Надпись на нем гласит:

«Поклон тебе, русское воинство, которое 23. XI. избавило нас от турецкого рабства»

В тот день на село напали башибузуки, но вовремя подоспевшие казаки спасли село от сожжения и опу-

296

стошения. На Арабаконакском перевале воздвигнут памятник, прославляющий героический зимний переход через Балканы. На мраморной плите с северной стороны перечисляются части и подразделения, участвовавшие в боях с турецкими оккупантами.

В Етрополе и в местностях Кобила и Прогон неподалеку от города установлены четыре памятника павшим здесь воинам лейб-гвардейского Преображенского, 11-го пехотного Псковского и 12-го пехотного Великолукского полков. А на вершине Шиндарник над старым Арабаконакским шоссе (на высоте 1 430 метров над уровнем моря) находятся братские могилы героев лейб-гвардейского Семёновского и Измайловского полков, а также артиллеристов 1-й артиллерийской бригады.

Вблизи села Саранцы в местности Пересте, выше шоссе, построен памятник воинам лейб-гвардейского Волынского полка, павшим в бою 31 декабря 1877 года.

В 1899 году в селе Негушево близ Софии на средства его жителей был построен небольшой памятник из известняка с такими надписями:

«В память освободителей Болгарии, построен жителями села Негушево в 1899 году, октября 14 дня»

«Поклонись, Болгария, могилам, которыми ты усеяна»

На средства, собранные жителями села Елешница (ныне Йорданкино) в 1879 году был воздвигнут памятник на братской могиле шести русских воинов лейб-гвардейского Преображенского полка – старейшего в русской армии, которому была предоставлена высокая честь первым войти в Софию.

В сооружении памятников, увековечивших их подвиг героев, сражавшихся за свободу Болгарии, активно участвовали те болгары, которые имели счастье плечом к плечу сражаться с сынами русского народа, русскими и воинами. Это болгарские ополченцы. Благодаря деятельности Ополченского комитета, возглавляемого Стояном Займовым, в Болгарии было построено много памятников, открыты мемориалы и музеи, которые в течение десятилетий способствовали воспитанию болгарского народа в духе признательности и беспредельной любви к его освободителю – великому русскому народу.

Первым памятником, построенным этим комитетом, был Памятник освобождения, воздвигнутый в Софии на площади Народного собрания. Редкий по своему исполнению, он был задуман еще в 1898 году. Средства на его сооружение были выделены Народным собранием Хозыва в 1899 году,

*Фрагмент памятника русскому
Царю-Освободителю в центре Софии*

*Памятник Царю-Освободителю возведен
в знак благодарности болгарского народа
русским воинам за освобождение от османского иго*

а также собраны населением страны при содействии местных ополченческих комитетов. Первоначально предполагалось соорудить памятник рядом со зданием русского посольства, но впоследствии, в 1900 году, выбор пал на площадь Народного собрания. Был объявлен международный конкурс на лучший проект, в котором могли участвовать только профессиональные скульпторы. Программа конкурса предусматривала ряд обязательных условий для авторов. Так, в композицию памятника непременно должны были войти барельефы и скульптурные группы. В связи с этим даже была издана брошюра (в том числе и на французском языке), написанная депутатом Народного собрания и членом Ополченского комитета Иваном Беликовым. Таким образом конкурс получил широкую огласку. В нем приняли участие скульпторы из двенадцати европейских государств и, что весьма примечательно, из Турции. Из Франции – девять, Италии – пять, Болгарии – три, Чехии – два, и по одному участнику из Дании, Португалии, Турции и Голландии. В состав жюри входили: профессор Этторе Феррари из Римской Академии художеств, профессор Антонен Мерсье из Парижской академии художеств, профессор Роберт Бах из Петербургской академии художеств, а также болгарские художники и скульпторы – Иван Мырковичка, Антон Митов и др.

Первую премию жюри присудило одиннадцатому проекту под девизом «Рома». Его автором был флорентийский скульптор Арнольдо Цокки, которому и была поручена работа над памятником.

Первый камень в фундамент памятника был заложен в дни 25-й годовщины Апрельского восста-

ния – 23 апреля 1901 года, а торжественное открытие памятника состоялось 30 августа 1907 года в присутствии общественности, оставшихся в живых ополченцев и русских гостей, среди которых был и командир болгарского ополчения генерал Николай Григорьевич Столетов. На торжествах с речью выступил Константин Величков.

Двенадцатиметровый памятник состоит из двух частей – полированного гранитного пьедестала с разнообразными барельефами и орельефами и бронзовой фигуры всадника, изображающей Александра II. Под статуей расположены красивые и мастерски выполненные бронзовые орельефы на сюжеты освободительной для болгарского народа войны 1877–1878 годов. Все фигуры впечатляют своей выразительностью, что характерно как для движений, так и для лиц изображаемых людей. Перед нами предстают образы прославленных русских военачальников – генералов Иосифа Владимировича Гурко и Михаила Дмитриевича Скобелева, главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. На фасаде памятника – богиня победы Ника с расправленными крыльями. За ней изображены русские богатыри-освободители, которые несут ее на своих плечах, а за ними болгарские ополченцы, некоторые из них портретированы. На фоне героев, в орельефе заднего плана представлен болгарский народ в характерной для отдельных районов Болгарии национальной одежде. Он устремился за победоносными войсками, исполненный решимости помочь им разгромить общего врага.

Выразительность фигур русских и болгар хорошо передает основной замысел и идею автора памятника –

братскую дружбу и бескорыстную помощь, оказанную русским и воинам и болгарскому народу.

С трех сторон гранитного пьедестала – востока, юга и запада, под орельефами и видны бронзовые барельефы, рассказывающие о важнейших эпизодах войны – сражении под Стара-Загорой и спасении Самарского знамени, подписании Сан-Стефанского мирного договора и открытии Учредительного собрания в Тырново.

В Софии, между улицами Обориште, Шипка и Сан-Стефано, воздвигнут так называемый Докторский памятник – русским медицинским чинам, погибшим в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Софийский городской совет в свое время сам выделил для него место.

София. Докторский памятник – русским медицинским чинам, погибшим в русско-турецкую войну

Памятник построен по проекту архитектора Антония Осиповича Томишко итальянцем Луиджи Фарабоско в 1882–1884 годы. В качестве материала для него послужил песчаник из села Ташкесен и гранит. Основание памятника, имеющего форму усеченной пирамиды, представляет собой четырехугольную площадку, на которой покоится цоколь, украшенный бронзовыми венками.

На камнях саркофага высечены имена погибшего 531 медицинского чина. На монолитном гранитном блоке, увенчивающем пирамиду, выписаны названия населенных пунктов, подле которых велись крупнейшие сражения: Плевен, Мечка, Шипка и Пловдив. Величественным архитектурно-художественным памятником Софии является Храм-памятник Александра Невского.

Там, где некогда начиналась дорога из Софии в Княжево, по которой турки навсегда покидали Софию, в 1882 году был воздвигнут Русский памятник.

Предложение о сооружении «Памятника нашего освобождения» обсуждалось еще на Учредительном собрании в Тырново в 1879 году. Петко Каравелов предложил воздвигнуть «храм в Тырново на Чанлатепе, посвященный Александру Невскому, русскому святому и герою». В свою очередь Петко Славейков, при поддержке Стефана Берона, предложил построить памятник на вершине Святого Николы (ныне Столетова). Было решено строить его на добровольные пожертвования народа. Тогда же печатаются 20 тысяч экземпляров Болгарской Конституции, средства от продажи которых должны были поступить в фонд строительства памятника. Избранная комиссия приступила к сбору средств. Однако

через год, в 1880 году, Народное Собрание второго созыва приняло решение воздвигнуть памятник в Софии. В изданных прокламации и обращении народ призывался «внести свою лепту в строительство памятника признательности болгарского народа своим освободителям». Прокламация и обращение были распространены по всей стране через городские и сельские общинные управления, начальников окружных управлений. Они были отправлены также префектам и директорам управлений внутренних дел Восточной Румелии, болгарским дипломатическим представителям в Белграде, Петербурге, Бухаресте и других городах с просьбой «распространить их среди соотечественников патриотов, по общинам в Бессарабии, Добрудже, в Австрии и России».

Патриотическое начинание возглавила центральная комиссия, созданная в соответствии с решением Народного собрания от 26 ноября 1881 года, а дата закладки памятника была намечена на 3 марта 1882 года.

Первоначально утвержденный проект русского академика Ивана Семёновича Богомолова подлежал доработке с тем, чтобы лучше приспособить его к местным условиям. Однако события 1885 года и последовавшее ухудшение отношений между русским и болгарским правительствами помешали своевременному началу строительства.

В 1896 году центральная комиссия остановила свой выбор на проекте архитектора Александра Никаноровича Померанцева. Это был по существу прежний проект Богомолова, в который, однако, были внесены существенные коррективы. Собранные к тому времени средства составили 900 тысяч

лезов. В фонд строительства поступили также средства от болгар, живущих за рубежом.

Многие русские выразили желание внести денежные средства в фонд строительства храма-памятника Александра Невского. В 1912 году строительство храма, продолжавшееся восемь лет, было завершено. Однако из-за начавшейся Балканской войны он не был открыт. Дело дошло даже до того, что через три года, в 1915 году, по настоянию царя Фердинанда Кобурга, немецкого ставленника, кабинет министров под председательством Василя Радославова переименовал его в «соборную церковь Св. равноапостолов Кирилла и Мефодия». В связи с этим в буржуазном листке «Народни права» были даже такие строки: «после объединения болгарской нации предстоит приступить к своему обновлению», а потому-де «имя Александра Невского, присвоенное монументальному храму, стоящему рядом со старинной соборной церковью Св. Софии, никогда не отвечало народным чаяниям и идеалам».

Истинную подоплеку такой мотивировки раскрыла в свое время газета «Работнически вестник», которая писала, что «переименование памятника имеет целью создать культ национализма, призванного играть роль крепителя господства и политики реакционной буржуазии».

В 1920 году правительство Александра Стамбулийского восстановило первоначальное название памятника, утвердив его в законодательном порядке на первой же сессии Народного собрания XVIII созыва в мае того же года. Спустя 45 лет после принятия решения о сооружении храма, в 1924 году, по настоянию общественности состоялось официальное его

открытие. Храм-памятник Александра Невского воздвигнут на самом видном месте центральной части Софии. Его высота 50 метров 52 сантиметра. Храм сложен из гранита и белого камня и украшен скульптурно-декоративными элементами: карнизами, фризами, колоннами и другими. Его архитектоника включает также элементы русского церковного зодчества. С обеих сторон западного входа в храм установлены две плиты из каррарского мрамора с текстом на русском и болгарском языках, гласящим, что:

«Сей величественный соборный храм сооружен и украшен по патриотическому решению Первого Народного собрания в Тырнове 13 апреля 1879 года на добровольные пожертвования всего болгарского народа для увековечения его братской любви и глубокой признательности великому русскому народу за освобождение Болгарии в 1878 году.

Первый камень в фундамент памятника был заложен на этом месте 19 февраля 1882 года. Сооружение храма началось в 1904 году и закончилось в 1912 году. Освящение храма состоялось 12–24 сентября 1924 года.

Вечная слава павшим за освобождение Болгарии русским воинам».

Интерьер храма богато украшен мрамором, мозаикой, разноцветными металлическими конструкциями и церковной утварью. Но главным украшением храма является, разумеется, его высокохудожественная роспись работы выдающихся русских и болгарских художников. Следует выделить живописные картины, выполненные маслом

Храм-памятник Александра Невского в Софии построен так, что с разных сторон смотрится по-разному. Передний план

Вид сбоку

итемперой, фрески, символические и орнаментальные изображения – всего около четырехсот произведений. В росписи храма участвовали выдающиеся русские художники Виктор Васнецов, Пётр Мясоедов, Александр Киселёв, Дмитрий Киплик, Михаил Судковский, Василий Савинский и другие, а также болгарские художники Иван Мырквичка, Антон Митов, Господин Желязков, Стефан Иванов, Асен Белковски, Петко Клисуров и декораторы Борис Михайлов и Харалампи Тачев.

Мраморная орнаментика, придающая особое величие внутреннему убранству храма, выполнена в Италии по проектам русского художника-архитектора Яковлева, а украшения стен – болгарскими мастерами. Храм-памятник Александра Невского является крупнейшим на Балканах, величественным культурным памятником эпохи, в которую он был воздвигнут.

В центре Софии стоит памятник Советской армии – монумент в честь советских воинов-освободителей в Софии, столице Болгарии. Установлен в 1954 году в честь десятой годовщины освобождения Болгарии от фашистских оккупантов.

Памятник представляет собой фигуру советского солдата, держащего пистолет-пулемет Шпагина, с двух сторон возле него стоят мужчина и женщина – соответственно, крестьянка и рабочий из Болгарии. Мемориальный комплекс в целом включает и другие скульптурные композиции возле основания монумента.

Решение о строительстве монумента было принято 4 октября 1949 года на съезде Болгарской коммунистической партии. Правительство Болгарии во главе с премьер-министром Василом Коларовым

Памятник Советской армии в центре Софии

распорядилось подготовить проект памятника. Первый камень в основание монумента был заложен 5 июля 1952 года, а торжественное открытие состоялось в 1954 году в присутствии советской делегации, которую возглавлял маршал Сергей Бирюзов.

Памятник спроектирован творческим коллективом под руководством скульптора Ивана Фунева и архитектора Данчо Митова. Авторский коллектив: архитекторы Данчо Митов, Иван Василев, Любен Нейков и Борис Китанов; скульпторы Иван Фунев, Любомир Далчев, Мара Георгиева, Васка Емануилова, Васил Зидаров и Петр Дойчинов; художник-график Борис Ангелушев.

Основная идея – признательность болгарского народа русским воинам-освободителям.

Памятник расположен в самом центре Софии, на Бульваре Царя-Освободителя, между Орловым мостом и Софийским университетом, в начале Борисовского сада. Если взглянуть на памятник со стороны бульвара, его можно увидеть на фоне горы Витоша.

ВОТ И ПРОШЕЛ ГОД...

Глава восьмая

ПАМЯТЬ ХРАНИМ

3 ноября 2014 года исполнился год, как ушел из жизни Алексей Скурлатов. Этот год был самым тяжелым для его родных. Особенно для единственной дочери Нелли Алексеевны, которая столько лет была ему главной помощницей – всегда рядом, всегда на передовой.

С ней солдат был одет «с иголки» – наглаженная рубашка, китель, улыбка на лице. А как не улыбаться, когда такая дочь – понимающая, добрая, заботливая.

В истории масса примеров, когда дети не выдерживают славу родителей, ревнуют, замыкаются. А Нелли Алексеевна наоборот – преданно служила «Алеше». Окружала его безграничной любовью и уважением, с пониманием и радостью относилась и к многочисленным гостям, к толпам журналистов, активистов и многим-многим, кто шел в дом к «Алеше». Отец, без лукавства, был для нее центром, вокруг которого вращалась вся жизнь. И тут – его не стало...

Я приехала в гости к Нелли Алексеевне спустя несколько месяцев после похорон. Она немного приболела, но была готова рассказывать и рассказывать об отце. В доме она сохранила дух Алексея Ивановича. Как-будто ничего не изменилось. Те же фото «Алешки» в стекле серванта, часы, то же покрывало на диване, где он любил сидеть...

Мы завели разговор о том, как много хотелось бы еще спросить у Алексея Ивановича, и как обидно, что когда он был молодым, его не «пытали» писатели и журналисты, не записывали все его истории. В последние годы память его уже подводила, а может,

просто сил не хватало на воспоминания. Нелли Алексеевна сказала золотые слова:

– Если книгу будет читать молодежь, пусть не лентяй – записывают за своими дедушками, бабушками. Пока они живые – кажется, что все помнишь, что все еще успеешь разузнать, а потом раз – и пустота. И ты хватаешься за воспоминания, а они рассеиваются, как туман.

Мы снова сели читать письма. Из одного конверта выглянула болгарская мартиница – сделанная из красно-белых ниток крохотная куколка. В Болгарии она считается оберегом, дарится на добро, на счастье. Само письмо оказалось от болгарской студентки, которая учила русский и решила написать «Алеше».

Нелли Алексеевна говорит:

– Сколько лет прошло, а письма – как живые. Читаю и каждый раз нахожу что-то новое. Так непривычно, что больше никогда не придут отцу письма, открытки с 9 мая, телеграммы, поздравления... Он так их ждал, что и для нас (меня, внуков, правнуков) они стали бесценными. Мне иногда так хочется отцу почитать письмо...

Нелли Алексеевна очень переживала, какой поставить памятник на могилу. Но администрация Алтайского края взяла эти хлопоты на себя. На годовщину, 3 ноября 2014 года, в Налобихе состоялся день памяти Скурлатова и открытие на могиле солдата барельефа с портретом Алексея Ивановича. Его выполнил известный барнаульский скульптор Николай Звонков. Николай Викторович нам рассказал:

– Мне самому уже 78 лет, поэтому военная тема мне очень близка... На фронте погиб дядя, у отца в бою была серьезная контузия, как и у Скурлатова. Папка прошел всю войну, вернулся домой в 1946-м и

умер. Просто умер – не выдержало здоровье... Лично с Алексеем Ивановичем я знаком не был, о чем, конечно, жалею. Но как-то судьба не свела. У меня была две его фотографии, одна – где он еще довольно молодой. Красавец, ну слов нет. Другая – он уже на пенсии, но тоже – бравый мужик: осанка, лицо, скулы геройские. Я делал бюст дома в мастерской. И вот фантастика: приходили ко мне разные люди и почти все узнавали «Алешу» даже когда работа была еще не окончена. Так и говорили: «Герой какой-то, из песни!»

За всю свою биографию не помню таких примеров, чтобы герой угадывался с первый мгновений. Видимо, и правда невероятная была у Скурлатова энергетика, характер, который так западает в душу, что ты его не видишь, а чувствуешь, хочешь видеть перед собой и чувствовать!

Я выполнял барельеф в мягком материале, а Владимир Быков высекал его из камня. Мне кажется, получилось очень хорошо. Рад, что понравилось и семье, и односельчанам.

Перед открытием памятника состоялась встреча в школе, которая носит имя Алексия Ивановича Скурлатова. Людей собралось столько, что просторный актовый зал едва всех вместил. Постарались приехать все, кого судьба сводила с «Алешей». Много гостей было из Барнаула. Приехала журналист Тамара Дмитриенко, которая отыскала второй орден Скурлатова, фотографы, что делали его снимки, ветераны, учителя, ребята из клуба «Русские витязи». Со всего Алтая съехались родственники Алексея Ивановича – родные племянницы, внуки, правнуки. Не пересчитать, сколько пришло односельчан. И как только заиграла «Белеет ли в поле пороша» – никто не стал сдерживать слез...

Почтить память легендарного фронтовика приехал и губернатор Алтайского края Александр Карлин. Со сцены он произнес душевную речь:

– Биографию Алексея Ивановича можно уместить в несколько строк, но из таких емких строк, собственно, и состоит отечественная история. В 19 лет Алексей Скурлатов ушел добровольцем на фронт, первые дни участия в боевых действиях навсегда запечатлены народом в песне «У деревни Крюково погибает взвод», этот населенный пункт известен каждому жителю России. Мы неоднократно встречались с Алексеем Ивановичем, он был невероятно скромный и простой человек, когда о чем-то меня просил, просьбы всегда касались только жителей села. Кстати, и эта школа построена во многом благодаря его просьбам, сейчас она одна из лучших в крае. Он совершенно не умел быть на авансцене каких-то событий. Когда в июне 2009 года Владимир Владимирович Путин, президент России, возлагал цветы к монументу на площади Победы в Барнауле, Алексей Иванович отнекивался от того, чтобы его представили президенту, считал, что это неудобно. Его очень любили односельчане, а болгары, если бывали в Сибири, всегда приезжали в Налобиху, чтобы встретиться с русским Алешей...

Дочь Нелли Алексеевна готовилась сказать речь, но так растрогалась, что, выйдя на сцену, заплакала: «Спасибо вам, люди добрые, за теплые слова, за теплое отношение к отцу. Я больше не могу говорить, просто хочу всем низко поклониться».

Нам она потом сказала:

– Вышла на сцену, а там портрет большой отца. Он как живой... И у меня все пред глазами побежало...

Не сдержала слез и строгий руководитель клуба «Русские витязи» Нелла Федоровна Маркова:

– У каждого поколения своя слава, свои герои. Сегодня мы отдаем дань памяти нашему земляку Алексею Ивановичу Скурлатову и в его лице всем сибирякам, кто воевал в Великую Отечественную войну. Нам выпала честь дружить с Алексеем Ивановичем, самая большая радость для курсантов была возможность приезжать к нему в гости, он стал для нас родным. Человек необыкновенной души, он искренне любил свою малую родину и учил этому наших мальчишек. Мы приезжали к нему не просто так чай попить: построили ему баньку, чистили снег, помогали по хозяйству. В 2007 году ребятам выпала честь побывать в Болгарии на 50-летию со дня открытия памятника русскому солдату, четыре наших курсанта стояли у пьедестала с российским флагом. Он даже и сам не знал, сколько он сделал для простых мальчишек, каким он был для них примером. Они его все считали родным дедом...

По окончании торжественной части, кто на автобусах, кто на машине, а кто пешком – пошли на сельское кладбище. Могилу Алексея Ивановича нельзя не заметить – она у самого входа, а теперь здесь еще стоит и прекрасный барельеф. Его святил батюшка. А потом, под звуки военного оркестра, все стали класть цветы и венки. За несколько минут могила укрылась цветочным одеялом. Вот теперь, спустя столько лет, песня сбылась – и гимнастерка у Алексея Ивановича из камня, и «цветов он не дарит девчатам, они ему дарят цветы»...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- «Алеша» // «Старшина-сержант». – 1966. – № 5.
Березовский Н. «Мы этой памяти верны...» // «Земля сибирская, дальневосточная». – 1990. – № 5.
Ваншенкин К. «Писательский клуб». – Вагриус, 1998. – 448 с.
Васькин А.А., «Неожиданный Ваншенкин» // Литературная газета. – 2008. – № 19.
Витанов М. «Алеша» // «Огонек». – 1974. – № 12.
Голубев Л.А. «Алеша» // «Советская Россия». – 1982. – 6 авг.
Голубев Л.А. «Жив Алеша» // «Сельская жизнь». – 1988. – 8 сент.
Горюхина Э. «Человек, не захотевший стать памятник» // «Новая газета». – 2002. – 20 июня.
Грохов В.Г. «Мемуары военного хирурга». – Осташков, 1976. – 228 с.
«Дарящий тепло» // «Правда». – 1976. – 1 окт.
«Дни рождения полковника Боринского» // «Горизонт» (русскоязычная газета Австралии и Новой Зеландии). – 2010. – 4 окт.
Домашев П.А. Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка. – Кострома, 1890. – 58 с.
«Как был отбит город Калинин» // «Правда». – 1941. – 19 дек.
Кинелев В.И. «Алеша», очерк. – Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1985. – 24 с.
Конарев Н.С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. – Министерство путей сообщения СССР, 1985. – 363 с.

Крайнов Л., Сапов В. «Дарящие тепло» // «Алтайская правда», 3 октября 1976 г.

Куницын В. «Алеша» // «Алтайская правда». – 1986. – 19 окт.

Лисицын Л.Н. «Дорогой солдата». – М., 1983.

Майоров Ю. «Алтай» или «Кока-кола?» // «Алтайская правда». – 1975. – 15 мар.

«На земле Косихинской» (газета), выпуски за 1970-е гг.

«Организация психиатрической помощи и структура психических расстройств военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны» // «Социальная и клиническая психиатрия», 2010 г. – № 5.

Панчевский П. «Огненные дороги». – М.: Воениздат, 1980. – 192 с.

Полевой Б. «Повесть о настоящем человеке». – М., 2009. – 96 с.

Рождественский Р.И., «Памятник солдату Алеше в Пловдиве» // «Юность». – 1963. – № 3.

Строганова Е. «Алеша» // «Собеседник Армении». – 2012. – 11 июл.

Тепляков С.А. «Болгарский Алеша живет на Алтае» // Известия. – 2007. – 18 апр.

Титов, Г.С. «Голубая моя планета». – Военное издательство Министерства обороны СССР, 1977. – 288 с.

Чавдарова В. «Ищем тебя, Алеша!» – Sofia, 1985. – 144 с.

Шинкаренко Г.Н. «Несущие факел». М.: Воениздат, 1984. – 284 с.

Шпыхов Г.Т. «Звездный час солдата». – Тверь, ГОУ ТОИУУ, 2009. – 68 с.

Электронные источники:

sd250.narod.ru (Сайт 250-й Бобруйской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии).

<http://www.ostashkov.ru/> (информационно-публицистический портал города Осташков).

<http://www.sibmemorial.ru> (Новосибирская книга памяти).

<http://www.sibmemorial.ru/about>

www.podvig-naroda.ru (Электронный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»)

<http://muzruk.info/> (портал учителей музыки, «История создания песни «Алеша», 6 мая, 2009 г.).

<http://militera.lib.ru/> (электронный каталог военных мемуаров)

Кожевников А. «12 книг – 12 наград», (очерк о Л. Голубеве), proza.ru

Милушева Веселина, «Андрей Густавович Принтц – полковник Генерального штаба». – М.: Регимент.ру, 2011.

<http://lifenews.ru/> Стенограмма программы с Филиппом Киркоровым 6 ноября 2013 г.

*Алексей Иванович Скурлатов.
Фото сделано 15 декабря 2010 года*

Алексей Иванович с супругой Марией Александровной

Алексей Иванович дома в своей комнате

Алексей Иванович с дочерью Нелли Алексеевной

Дом Скурлатова в Налобихе знает каждый

*Дома у Алексея Скурлатова хранится
копия памятника «Алеша»*

Губернатор Алтайского края Александр Карлин в гостях у Алексея Скурлатова

Алексей Иванович Скурлатов собирается на встречу со школьниками

«Русские витязи» в гостях у фронтовика Скурлатова

Красная звезда на доме Алексея Ивановича

*Алексей Скурлат ов со своим внуком
Алешей и с ребятами из «Русских витязей»*

*Парни из военно-патриотического клуба
всегда помогали фронтовику по хозяйству*

Пловдив

*Почта в городе Пловдиве. На этом месте познакомились
Алексей Скурлатов и Методи Витанов*

*На этом месте в 1944 в Пловдиве стоял
палаточный лагерь советской армии*

*На этом месте стоял дом, где жил
Методий Витанов*

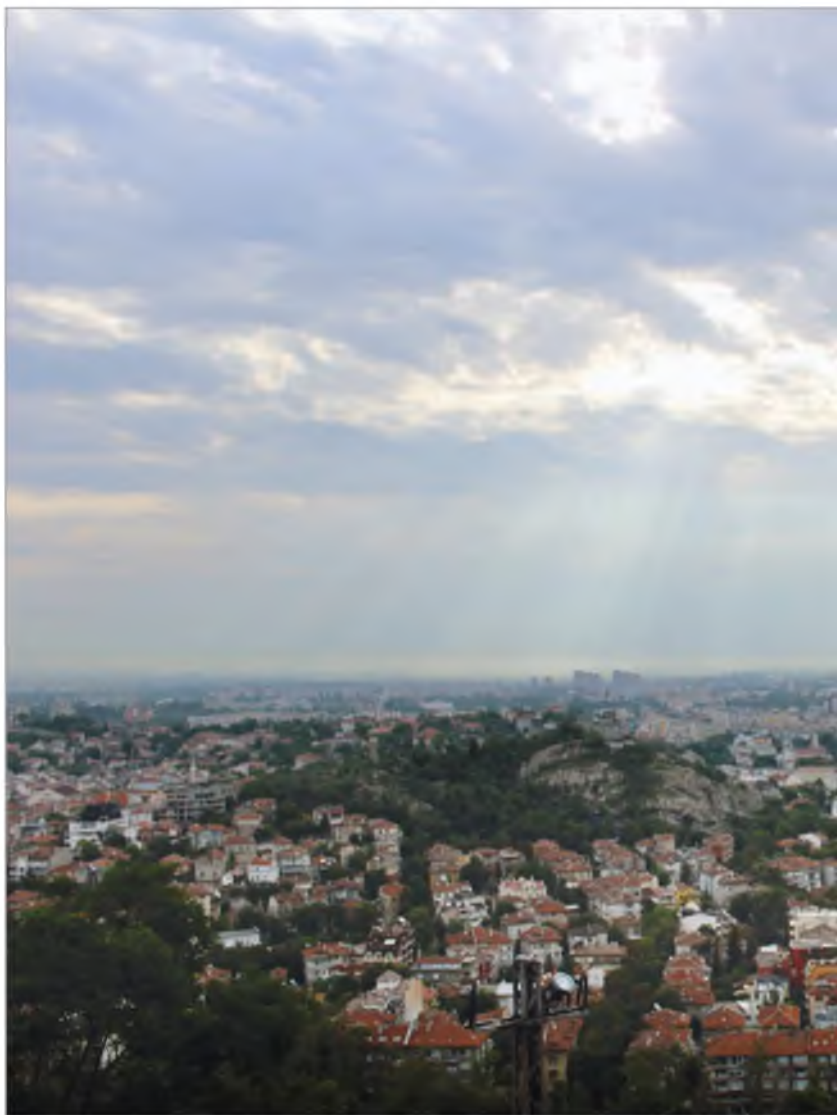
К памятнику «Алеши» ведет уложенная камнями дорога

Среди бетонных плит у подножья «Алеши» – одуванчик, совсем как наш, алтайский...

Памятник «Алеши»

Вид на Пловдив с высоты «Алеши»

*Баба Невенко помнит Методия Витанова
и встречу с Германом Титовым*

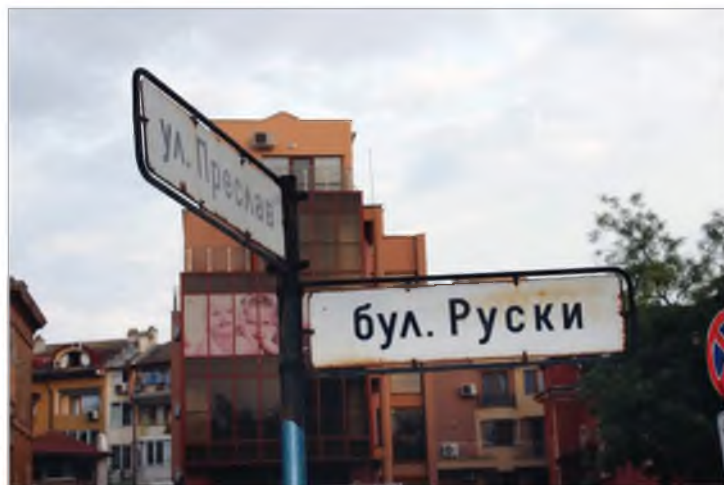
*Дед Христо с супругой. Они соседи
Методия Витанова*

Марка с паметником «Алеши»

*Болгарская писательница и журналистка
Верба Чавдарова*

Бульвар Руски в Пловдиве. Он проходит как раз вблизи горы Бунарджик, где стоит «Алешиа»

Книга Вербы, в которой описаны авт. описания ветеранов Великой Отечественной войны

*Привал 140-го пехотного Зарайского полка 1877 год.
Художник Павел Ковалевский*

*На экскурсии в Болгарии ребята
из налобихинской школы*

Ребята из налобихинской школы побывали в Болгарии по приглашению болгарской стороны

*Болаарский певец Бисер Киров с Алексеем Скурлатовым
в налобихинской школе*

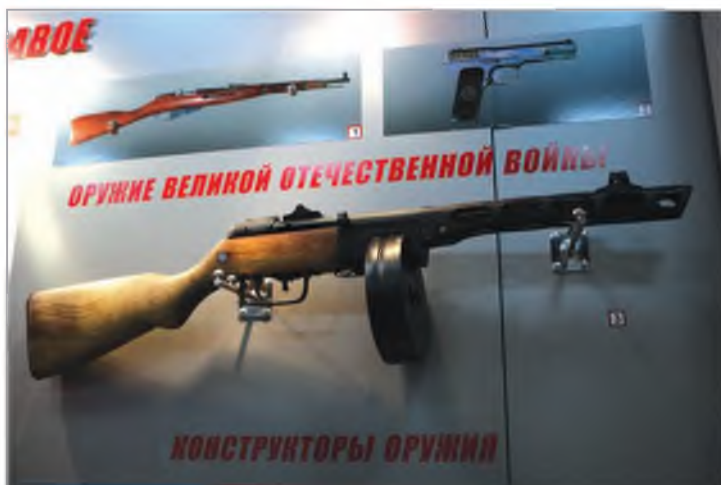
*Вторая Красная Звезда нашла героя спустя
почти семьдесят лет*

*Открытие музея Алексея Скурлатова
в налобихинской школе*

*Алексей Иванович с дочерью
Нелли Алексеевной*

*Музей Скурлатова в Налобихе. Любопытный экспонат –
противогаз времен Великой Отечественной войны*

*Губернатор Александр Карлин приветствует
Алексея Ивановича*

*Налобихинская школа носит имя
Алексея Ивановича*

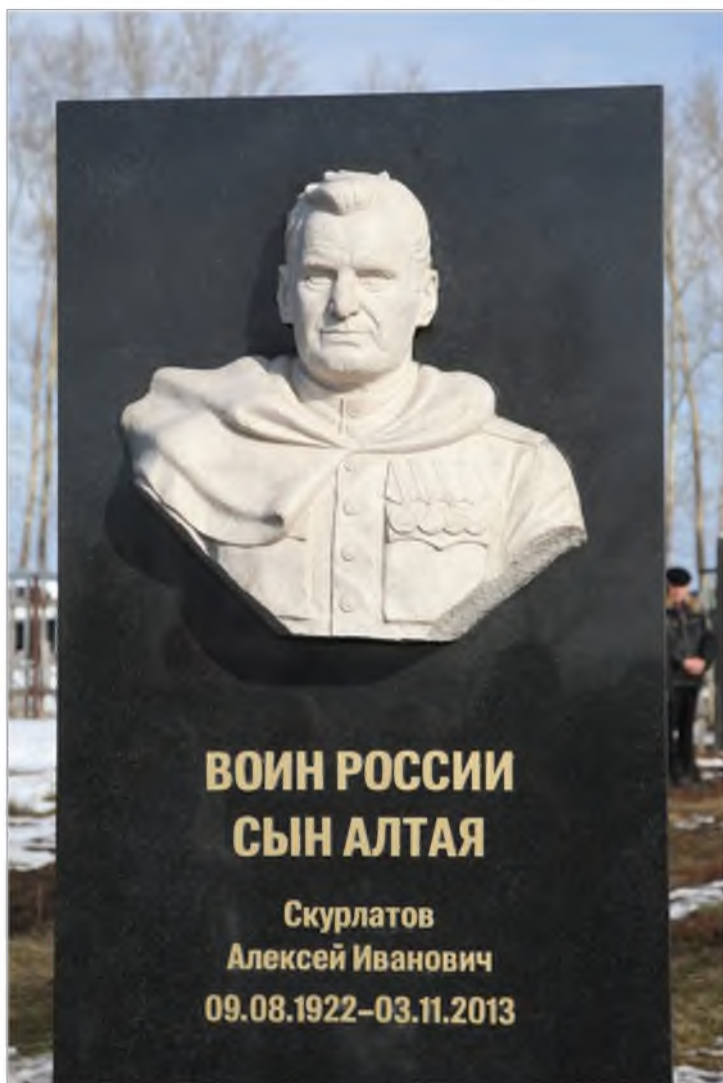
*Вечер памяти Алексея Ивановича Скурлатова
в школе села Налобиха*

*Скульптор Николай Звонков
делал барельеф на м оаиле Скурлат ова*

Возж оение венков на м оаиле Алексая Скурлат ова

*Алексей Иванович навечно останется
в память и земляков*

СОДЕРЖАНИЕ

О книге Н. Тепляковой «Алексей Скурлатов»	5
В Болгарии русский солдат	7
Введение	11
Глава первая. Война	17
Глава вторая. Мир	89
Глава третья. Песня	117
Глава четвертая. Встреча	151
Глава пятая. В Болгарии. Прикасясь к истории	207
Глава шестая. Родина	247
Глава седьмая. Алтай-Болгария: давние друзья	263
Глава восьмая. Вот и прошел год... ..	311
Список использованной литературы	318

Историко-биографическая серия

Теплякова Наталья Викторовна
АЛЕКСЕЙ СКУРЛАТОВ

Книга подготовлена при поддержке
члена Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации от Алтайского края М.П. Щетинина.

В книге использованы фотографии
из семейного архива Скурлатовых, а также снимки
А. Каспришина, Е. Налимова.

Редактор: А. Кирилин
Тех. редактор: Е. Сёмочкин
Корректор: Е. Федькина
Дизайн: Ю. Раменская
Верстка: А. Ланских

Подписано в печать 26.12.2014 г.
Формат 84x108/32. Тираж 2500. Заказ № 6973

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28

